КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ІЮНЬ.

Годъ девятый. ТОМЪ XXIX. 1890 годъ

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Бѣдствія евреевъ въ южной Руси XVII в.** А. Я. Ефименко. (397—408)

II. **Очеркъ коліивщины по неизданнымъ и изданнымъ документамъ 1768 и ближайшихъ гг. III.** Я. Н. Шульгина. (409—426).

III. **Милліонеръ. Картинка изъ галицкой жизни. (Окончаніе).** Мирона. (427-451).

IV. **Сынъ гетмана. Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго. IV—VII.** О. И. Роговой. (452—477).

V. **Культурныя переживанія.** Проф. Н. Ѳ. Сумцова. (478—493).

VI. **Литературная дѣятельность Іоанна Вишенскаго.** И. П. Житецкаго. (494—532).

VII. **Документы, извѣстія и замѣтки. Къ исторіи польскаго театра въ Кіевѣ.** П. Т. **Къ исторіи нѣжинскихъ грековъ.** Н. В. Сторожевка. **Къ исторіи колонизаціи лѣвобережной Украины.** В. Н. Сторожева. **Древность малороссійскаго табаководства. Подольское епархіальное церковное древнехранилище. Г. Ѳ. Карповъ (некрологъ).** (533—553).

VIII. **Къ рисунку Шевченка.** В. П. Науменка. (554—557).

IX. **Библіографія. Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы Сѣверо-Западнаго края.** Ив. П. Новицкаго. **С. А. Бершадскій, Шауль-Юдичъ Валь изъ Бреста-Литовскаго, преемникъ Стефана Баторія.** И. М. Каманина. **Игры крестьянскихъ дѣтей въ купянскомъ уѣздѣ. Собралъ П. Ивановъ. Съ предисловіемъ проф. Н. Ѳ. Сумцова.** И. М. Каманина. **Историческій очеркъ пятидесятилѣтія Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.** Н. Г. Е. **Сѣцинскій. Бакота, древняя столица Понизья. Древнѣйшія православн. церкви въ Подоліи.** П. М. **Обозрѣніе журналовъ.** (558—584).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) **Видъ села Андрюши.**
2) **Черниг. лѣтоп. по новому списку. (Окончаніе).**
3) **Неизданныя сочиненія Іоанна Вишенскаго.**

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1890.

Село Андруши.

БѢДСТВІЯ ЕВРЕЕВЪ ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ XVII В.

(*По поводу книги Греца: Исторія евреевъ отъ эпохи Голландскаго Іерусалима до паденія франкистовъ*) [1]).

Евреи — народность совершенно исключительная. Будущая соціологія, конечно, многое почерпнетъ для своихъ положеній изъ ближайшаго знакомства съ ихъ исторіей и строемъ. Еслибы мы попытались дать опредѣленіе понятію національности, то, по всей вѣроятности, свели бы содержаніе этого понятія къ двумъ элементамъ: языку и территоріальной связи. Но евреи съумѣли сохранить народность помимо единства языка и совсѣмъ независимо отъ территоріальной связи. Мало того, что сохранили ее,—есть-ли національность болѣе устойчивая, чѣмъ еврейская? Причина — въ большомъ, тяготѣющемъ надъ живущимъ поколѣніемъ, запасѣ результатовъ духовной жизни поколѣній отжившихъ. Разумѣется, надо принять во вниманіе и специфическія свойства этого запаса, его цѣлостный характеръ, объединяющій закономѣрное съ должнымъ, необходимое съ желаемымъ, выводы ума съ требованіями совѣсти. Въ этомъ запасѣ еврей равно находитъ и нравственную поддержку, благодаря которой онъ, робкій отъ природы, могъ мужественно смотрѣть на огонь инквизиціоннаго костра или на козацкую пику, — благодаря которой онъ,

[1]) Переведенный на русскій языкъ подъ редакціей А. Я. Гаркави X томъ капитальнаго труда проф. Греца Geschichte der juden заключаетъ въ себѣ собственно лишь одну главу съ изложеніемъ событій, въ которыхъ еврейская исторія соприкасается съ южнорусской. Это третья глава книги и называется она: „Хмельницкій и преслѣдованіе евреевъ въ польской Украинѣ козаками". Изъ этой главы мы заим-

жадный до наживы и пріобрѣтенія, всегда былъ готовъ жертвовать и трудомъ и имуществомъ для національнаго дѣла; находитъ и готовый отвѣтъ на всякій запросъ, какъ отвлеченной мысли, такъ и практической потребности. И этотъ запасъ есть дѣйствительно національное богатство въ полномъ смыслѣ этого слова: не одинъ общественный слой, а вся нація въ цѣломъ ея составѣ равно пользуется плодами накопленной въ теченіи тысячелѣтій мудрости предковъ. Конечно, человѣку, причастному современной цивилизаціи, плоды эти должны казаться, съ одной стороны, слишкомъ незрѣлыми, съ другой, въ тоже время слишкомъ закаменѣвшими въ этой своей незрѣлости. Но за то въ нихъ нѣтъ того червя односторонности, который подтачиваетъ быстро зрѣющіе роскошные плоды цивилизаціи, имѣющей въ основѣ своей лишь умственный и матеріальный прогрессъ. Съ какой горечью и болью неудовлетвореннаго чувства отворачивается нерѣдко современный человѣкъ отъ блеска этой роскоши, не находя здѣсь удовлетворенія самымъ глубокимъ и живучимъ изъ своихъ внутреннихъ потребностей.

Однако исторія духовной жизни евреевъ показываетъ, что и здѣсь, въ этомъ затишьѣ, защищенномъ отъ волнующагося моря европейской цивилизаціи китайской стѣной полнаго взаимнаго непониманія и отчужденія, далеко не всегда царила та неподвижность—удовлетворенности ли или просто инертности—какую мы склонны считать ея постояннымъ и неизмѣннымъ свойствомъ. И здѣсь мятущійся человѣческій духъ не разъ пытался разорвать оковы авторитета и съ разныхъ концовъ рвался на осаду духовныхъ твердынь своей націи. XVII в., которому посвященъ главнымъ образомъ переведенный нынѣ томъ Исторіи Евреевъ Гретца, представляетъ одну изъ тѣхъ эпохъ, когда обостряется

ствовали вышеприведенные факты—впрочемъ кое-чѣмъ воспользовались и изъ Лѣтописи Ганновера. Лѣтопись эта есть одно изъ двухъ еврейскихъ, переведенныхъ на русскій языкъ, сочиненій, касающихся южно-русской исторіи. Другое—„бѣдствія временъ" Егошія, переведенное Берлиномъ и помѣщенное въ „Чтеніяхъ общ. исторіи и древн. росс." (1885 г. кн. 1). Но этими двумя сочиненіями не исчерпываются еврейскіе источники для малорусской исторіи. У Гретца (стр. 60) есть цѣлый списокъ такихъ источниковъ, собственно относящихся къ козацкимъ войнамъ; есть указаніе на такіе источники и у Манделькерна въ предисловіи къ Лѣтописи Ганновера.

это вѣчное, часто дремлющее, но никогда не замирающее окончательно стремленіе человѣческаго духа къ древу познанія добра и зла. Это былъ вѣкъ Спинозы, съ одной стороны, вѣкъ Саббатаи Цеви—съ другой. Первый извѣстенъ намъ несравненно болѣе, чѣмъ второй: его геніальная метафизика съ ея поразительной простотой и силой, вѣроятно, никогда не потеряетъ того обаянія, которымъ она охватываетъ углубляющійся въ нее умъ. Но значеніе философіи Спинозы общечеловѣческое, для правовѣрнаго еврея она не существуетъ, хотя самъ Спиноза есть настоящій сынъ своей націи, рѣдчайшая жемчужина, выброшенная взволновавшейся стихіей національнаго духа. Вообще, значеніе Спинозы въ еврейской исторіи не велико. Совсѣмъ другое дѣло Саббатаи Цеви. Фанатикъ или съумашедшій, пророкъ или обманщикъ, можетъ быть, все это вмѣстѣ, соединенное въ одной изъ тѣхъ причудливыхъ комбинацій, какія вмѣщаютъ въ себѣ иногда подобныя темныя человѣческія души,—этотъ, одно время почти общепризнанный мессія, произвелъ страшное броженіе во всемъ еврейскомъ мірѣ. Долго послѣ того, какъ онъ исчезъ со сцены, не улегалось еще волненіе, прорывавшееся появленіемъ то новыхъ лжемессій, то новыхъ сектъ, то книгъ, проникнутыхъ саббатіанскимъ духомъ. Среди европейскихъ евреевъ, у польскихъ дольше всего, держались теченія, пропитанныя этими фантастическими и мистическими бреднями: такъ называемая подольская секта, франкисты, очень распространенные въ прошломъ столѣтіи, хасиды, которые держатся до сихъ поръ—все это жило и отчасти живетъ, главнымъ образомъ, въ теперешнемъ юго-западномъ краѣ.

Какъ ни цѣльна, при всей территоріальной разрозненности, еврейская нація, но не могли же совсѣмъ не отразиться на физіономіи той или другой части еврейства особенности физической и соціальной среды, въ которой ей пришлось прожить иногда въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій. Польскій еврей выработалъ въ себѣ такія специфическія черты, которыя позволили ему съиграть въ общееврейской духовной жизни свою особую роль, и надо сказать не особенно для него лестную. Трудно рѣшить, какія особенности — среды-ли или положенія — сдѣлали изъ польскаго еврея того яраго раввиниста и талмудиста, носителя средневѣковаго

духа буквы и преданія, какимъ онъ явился въ западную Европу, когда козацкія войны вытолкнули его изъ значительной части Польши. Вообще, положеніе евреевъ въ Польшѣ было сравнительно очень недурное. Правда, въ 17-мъ вѣкѣ Польша уже перестала быть для евреевъ новой обѣтованной землей, какъ до этого времени. Католическая политика Сигизмунда III со всѣми ея послѣдствіями отразилась и на евреяхъ какъ юридическими ограниченіями, такъ и фактическими стѣсненіями, и даже погромами со стороны населенія, нафанатизированнаго іезуитами. Но евреи тѣмъ не менѣе такъ укоренились въ качествѣ необходимаго общественнаго элемента, что сохранили за собой значительную свободу. Помимо общинной огранизаціи, администраціи и суда, они имѣли и общегосударственную организацію, составляя такимъ образомъ status in statu. Верховнымъ органомъ еврейскаго самоуправленія въ Польшѣ былъ синодъ. Онъ собирался два раза въ годъ, въ Люблинѣ и Ярославѣ: онъ издавалъ законы, толковалъ ихъ, былъ въ то же время высшей судебной инстанціей, куда поступали дѣла, нерѣшенныя провинціальными судами. Понятно, что такая широкая и сильная организація могла служить для польскаго еврейства оплотомъ, за которымъ свободно развивалась его духовная и матеріальная жизнь. Но, съ другой стороны, можетъ быть именно эта организація и дала первый толчокъ къ развитію въ польскомъ евреѣ такой исключительной наклонности къ талмудическому буквоѣдству. Въ самомъ дѣлѣ, самостоятельность управленія и суда поддерживала въ польскомъ евреѣ постоянное вниманіе къ первымъ источникамъ еврейскаго права—къ Талмуду; потребность въ судебной казуистикѣ должна была благопріятствовать развитію той талмудической казуистики, которою такъ славились польскіе евреи. Но умъ, односторонне направленный на тонкое и формальное, теряетъ обыкновенно вкусъ къ истинному и простому, вмѣстѣ съ тѣмъ тупѣетъ и нравственное чувство. Это именно и случилось съ польскимъ еврействомъ. Развитіе талмудической учености сопровождалось сильнымъ упадкомъ непосредственной нравственности. Обойти даже единовѣрца считалось молодечествомъ: нечего и говорить объ иновѣрцахъ (Гретцъ, стр. 57 и слѣд.).

Малороссъ, съ его простодушіемъ и флегмой, долженъ былъ сдѣлаться легкой жертвой ловкаго и беззастѣнчиваго еврея, лишь только исторія свела ихъ вмѣстѣ. Это случилось одновременно съ усиленіемъ колонизаціоннаго стремленія къ степному югу и измѣненіемъ внутреннихъ соціальныхъ отношеній въ смыслѣ развитія крѣпостной зависимости земледѣльческаго населенія, т. е. въ 16-мъ вѣкѣ. Въ этомъ вѣкѣ существуютъ уже городскія общины во Владимірѣ, Луцкѣ, Кременцѣ, Острогѣ, Ковелѣ—все на Волыни; впрочемъ, двѣ изъ нихъ, владимірская и луцкая, вмѣстѣ съ кіевской, кажется, получили свое начало въ 15 в.

Православные литовско-русскіе паны, вслѣдъ за польскими, скоро поняли, какое прекрасное орудіе для выжиманія соковъ изъ подвластнаго населенія они имѣютъ въ евреѣ. Отъ конца 16-го в. сохранились договоры пановъ Лысаковскаго, кн. Пронскаго и кн. Сангушка съ евреями на счетъ отдачи въ аренду имѣній въ цѣломъ ихъ составѣ, „какъ эти имѣнія и села, въ длину и ширину, въ границахъ, межахъ и въ обширности издавна находятся, со всѣмъ правомъ, управленіемъ и властью, не оставляя себѣ, ни потомкамъ своимъ никакого права, управленія и власти, со всѣми малыми и великими съ тѣхъ имѣній прибытками и доходами, съ боярами путными и ихъ повинностями, съ церквами и всѣмъ тѣмъ, что дано имъ на содержаніе, со всѣми людьми тяглыми и не тяглыми, съ данями, работами, подводами, съ чиншами, съ пенями денежными, съ корчмами и продажею всякихъ напитковъ и т. д. и т. д.; имѣютъ право паны арендаторы и ихъ потомки спокойно владѣть и пользоваться тѣми вышеупомянутыми имѣніями нашими, такъ точно, какъ мы сами тѣми имѣніями владѣли и пользовались—судить крестьянъ и наказывать виновныхъ и преступныхъ вышеозначенными пенями, а еслибы кто заслужилъ по праву смерть, то карать и смертію....“ (Памятн. изд. врем. комм. т. 1-й отд. II, №№ IX, X, XI.). Какъ ни краснорѣчивы сами по себѣ эти документы, но они лишь предвосхищаютъ собою тѣ отношенія, которыя во всей своей красѣ развились лишь въ 17-мъ вѣкѣ, когда дворянство уже почти цѣликомъ отрознилось отъ народа, а политическая порабощенность русскаго элемента—результатъ неудачныхъ воз-

станій—достигла высшей степени. И современники, и лѣтописцы, и историки, русскіе и польскіе, согласно свидѣтельствуютъ на счетъ той роли, какую играли евреи въ эту эпоху крайняго утѣсненія малорусскаго народа. Но уже, конечно, ничье свидѣтельство не можетъ быть краснорѣчивѣе — и смѣемъ сказать, правдивѣе—въ своей наивной эпической простотѣ, какъ свидѣтельство объ этомъ самаго народа въ превосходныхъ сюда относящихся думахъ. Ни одной жалобы на жидовъ—рандарей, которые „зарандовали вси козацьки шляхи, и на однiй мили по три шинки становили, заорандовали вси казацьки торги, козацьки церкви, козацьки рики", ни одного гнѣвнаго восклицанія, злобнаго эпитета. И между тѣмъ, несмотря на спокойный, даже какъ бы объективный тонъ, эти думы, очевидно, современныя по происхожденію описываемому въ нихъ времени, звучатъ такой напряженностью, что становится жутко. Только геніальному художнику и народу открыта великая тайна искусства — немногимъ и простымъ выражать многое, глубокое и сложное. Сцена изъ думы между козакомъ и жидомъ — шинкаремъ схватываетъ и передаетъ все обостреніе отношеній съ поразительной рельефностью и силой. Козакъ, который съ мушкетомъ за плечами идетъ на рѣчку „утя вбити, жинку свою съ дитьми покормити, и хотя и скоса, якъ ведмедь", поглядаетъ на жида, хватающаго его за патлы, но тѣмъ не менѣе величаетъ его мостивымъ паномъ; жидъ, который выскакиваетъ при видѣ козака, не заходящаго въ шинокъ купить на денежку горилки и попросить разрѣшенія на охоту, и хватаетъ козака за патлы, но тѣмъ не менѣе хвастается передъ женой, что козакъ величаетъ его паномъ—все это фигуры пятаго акта драмы, заставляющія предчувствовать, что финалъ близокъ. И онъ былъ дѣйствительно близокъ, гораздо ближе, чѣмъ это думали умные и проницательные сыны Израиля. А есть основаніе думать, что они понимали положеніе и вѣрно его оцѣнивали. Еврей Натанъ Ганноверъ, лѣтопись котораго переведена на русскій языкъ и издана уже лѣтъ десять тому назадъ [1]), но мало

---

[1]) Богданъ Хмельницкій. Лѣтопись еврея—современника Натана Ганновера о событіяхъ 1648—52 г. въ Малороссіи вообще и о судьбѣ своихъ единовѣрцевъ въ особенности. Переводъ Соломона Мандelькерна. Одесса. 1878 г.

извѣстна, очевидецъ и жертва страшнаго года, тѣмъ не менѣе изображаетъ обстоятельства, вызвавшія взрывъ, такими красками, что подъ его словами могъ бы подписаться и козацкій лѣтописецъ. „Русскіе, жившіе въ Малороссіи, находились подъ тяжкимъ гнетомъ магнатовъ и шляхтичей, которые дѣлали ихъ жизнь горькою, обременяли ихъ всевозможными трудными работами, подвергали ихъ страшнымъ истязаніямъ, принуждая ихъ переходить въ католичество. Они были до такой степени удручены, что всѣ народности страны, даже стоявшія на низкой ступени въ ряду всѣхъ народовъ господствовали надъ ними"... Такъ говоритъ Ганноверъ, свидѣтель очень добросовѣстный и уже во всякомъ случаѣ не пристрастный въ пользу козаковъ.

Не даромъ у евреевъ есть въ году одинъ день, посвященный печальнымъ воспоминаніямъ 1648 г. Бѣдствіе, постигшее ихъ, и по размѣрамъ, и по характеру, есть настоящая катастрофа, одна изъ тѣхъ, которыя отмѣчаются крупными буквами въ исторіи и столѣтія живутъ въ народной памяти.

Историческій рокъ или историческая случайность, съиграли надъ польскимъ еврействомъ самую злостную шутку. Извѣстная еврейская каббалистическая книга Зогаръ, пользовавшаяся большимъ уваженіемъ, предсказывала на 1648 г. пришествіе Мессіи. Можетъ быть, именно потому евреи и оказались застигнутыми врасплохъ, хотя не могли же они, при своемъ умѣ, при ежечасныхъ сношеніяхъ съ народомъ, не видѣть надвигающейся грозы. Ждали Мессіи, и дождались Хмельницкаго. А врасплохъ они были застигнуты вполнѣ, точно ихъ захватилъ пожаръ, а не народное возстаніе, о которомъ не только шептали, а, вѣроятно, и кричали пьяные гультяи по всѣмъ шинкамъ Украины. Первыя же побѣды Хмельницкаго дали сигналъ къ истребленію евреевъ. Массовое истребленіе началось прежде всего по лѣвую сторону Днѣпра, въ Переяславѣ, Пирятинѣ, Лубнахъ, Лохвицѣ: здѣсь было ихъ убито нѣсколько тысячъ. Сотни евреевъ отреклись отъ вѣры; многіе попали въ плѣнъ къ татарамъ. Четыре еврейскихъ общины предупредили избіеніе тѣмъ, что сдались татарамъ. Вообще, къ добровольному татарскому плѣну не разъ прибѣгали евреи, какъ къ средству спасенія, и разсчеты ихъ

оказались вѣрными: турецкіе евреи, при помощи голландскихъ и иныхъ, выкупали своихъ соотечественниковъ. Надо замѣтить, что въ эту эпоху бѣдствій, еврейство доказало, насколько оно живуче своей крѣпкой національной связью, своимъ пониманіемъ общенаціональныхъ интересовъ, своей готовностью къ жертвамъ въ пользу общаго дѣла. Масса несчастныхъ, нищихъ польскихъ евреевъ, раскиданная взрывомъ по свѣту, всюду находила энергическую поддержку — пріютъ, денежную помощь изъ сборовъ, которые дѣлались въ ихъ пользу во всѣхъ европейскихъ общинахъ.

Кровавая эпопея еврейскаго избіенія на территоріи правобережной Украины, открывается Немировымъ. Здѣсь собралось около 6000 евреевъ, такъ какъ Немировъ былъ однимъ изъ еврейскихъ центровъ, мѣстныхъ, и бѣглецовъ изъ окрестностей, искавшихъ спасенія за стѣнами крѣпости. Немировъ былъ взятъ ничтожнымъ козацкимъ отрядомъ въ 600 человѣкъ, благодаря хитрости и, конечно, сочувствію мѣстнаго православнаго населенія. Ученый раввинъ Іехіэль-Михель, въ виду приближающейся грозы, заблаговременно подкрѣпилъ духъ своей паствы проповѣдью, убѣждая ее не измѣнять вѣрѣ своихъ отцевъ. И дѣйствительно, евреи на этотъ разъ держали себя мужественно. Были примѣры настоящаго геройства со стороны даже молодыхъ дѣвушекъ. Такъ напр. когда вели одну еврейскую красавицу въ церковь, чтобъ тамъ обвѣнчать ее съ козакомъ, она кинулась въ воду съ моста, черезъ который пришлось переходить. Другая, только что обвѣнчанная съ козакомъ, заставила новобрачнаго выстрѣлить въ себя, увѣривъ его, что она умѣетъ заговаривать оружіе, и, конечно, осталась на мѣстѣ мертвою. День немировской рѣзни, 20 іюня, принятъ еврействомъ за поминальный день. Между тѣмъ другой отрядъ напалъ на Тульчинъ, гдѣ также скрылось около 2000 евреевъ. Козаки опять прибѣгли къ хитрости. Они увѣрили поляковъ, также укрывавшихся въ крѣпости, что добираются только до евреевъ, и тѣ сами обезоружили своихъ союзниковъ. Но имъ пришлось горько раскаиваться въ своей измѣнѣ, и съ тѣхъ поръ поляки, наученные опытомъ, „уже не отдѣляли своего дѣла отъ еврейскаго: и не случись этого обстоятельства, отъ евреевъ не осталось бы и помина“, говоритъ Ганноверъ.

Евреи Тульчина заперты были въ саду и имъ предложено было на выборъ, умереть или креститься. Но воодушевленные проповѣдью своихъ раввиновъ, евреи всѣ отказались отъ крещенія, и были умерщвлены въ числѣ около 1500 человѣкъ: только раввины были пощажены ради выкупа. Женщинъ, вообще, оставляли въ живыхъ, кромѣ больныхъ и старыхъ: имъ былъ хорошій сбытъ въ Крымъ. Около 300 евреевъ спаслось тѣмъ, что притаились между трупами: черезъ три дня послѣ рѣзни, козаки послали выкликать, чтобъ живые поднимались, уже ничего не опасаясь, и они дѣйствительно не только были отпущены, но была имъ оказана и помощь. А между тѣмъ одновременно происходило безпощадное истребленіе евреевъ на другомъ концѣ малорусской территоріи, въ Сѣверщинѣ, въ городахъ Черниговѣ, Стародубѣ и иныхъ. Въ день тульчинской рѣзни, были вырѣзаны тоже 1500 евреевъ Гомеля, мужчины, женщины и дѣти: они были выведены за городъ, раздѣты до-нага и затѣмъ имъ было предложено на выборъ—крещеніе или смерть.

Мѣсяцъ спустя имѣлъ мѣсто выдающійся по размѣрамъ еврейскихъ бѣдствій эпизодъ взятія гор. Полоннаго. Около десяти тысячъ евреевъ укрылись за стѣнами этой крѣпости, и были умерщвлены: они пали подъ ножемъ непріятеля безъ сопротивленія, говоритъ Ганноверъ, такъ что если какой-нибудь козакъ врывался въ домъ, гдѣ находилось даже нѣсколько сотъ евреевъ, они не сопротивлялись, и онъ одинъ избивалъ всѣхъ. Впрочемъ, нѣсколько сотъ евреевъ крестилось, а нѣсколько сотъ взяты въ плѣнъ татарами.

Теперь евреи Волыни и окрестныхъ провинцій убѣдились, что и стѣны городовъ для нихъ не защита среди мятущагося хлопскаго моря, дышащаго ненавистью и жаждою мщенія. Всякъ, кто могъ, кинулся въ бѣгство, стремясь вырваться изъ района, захваченнаго возстаніемъ, оставляя дома со всѣмъ имуществомъ, спасая лишь жизнь свою и семьи. Кто имѣлъ лошадей, захватывалъ цѣнныя вещи; но и ихъ часто приходилось кидать на дорогѣ. „Бродили мы съ мѣста на мѣсто въ лѣсахъ и деревняхъ“, говоритъ Ганноверъ, самъ участникъ этихъ скитаній, „да валялись подъ открытымъ небомъ. Каждую ночь, которую намъ

приводилось проводить въ домахъ православныхъ, мы опасались, чтобы они насъ не убили, такъ какъ всѣ безъ исключенія взбунтовались; а вставъ утромъ живыми, читали молитву: о Благословенъ еси Господь, воскрешающій мертвыхъ!“ А между тѣмъ вырѣзываніе евреевъ въ городахъ все-таки продолжалось. Иные не имѣли возможности бѣжать; другіе возвращались въ города изъ скитаній, предпочитая скорую смерть отъ меча мучительной голодной смерти въ лѣсахъ. Такимъ образомъ убито было около 200 душъ въ Заславѣ, около 600 въ Острогѣ. Въ Старо-Константиновѣ собралось много евреевъ въ надеждѣ на Вишневецкаго. Но когда онъ вынужденъ былъ оставить городъ, то всѣ евреи, не имѣвшіе лошадей, чтобъ слѣдовать за войскомъ, остались и были истреблены въ числѣ около 3000. Но все-таки пока на аренѣ дѣйствій еще держались польскія войска, буря не могла принять такихъ всесокрушающихъ размѣровъ. Апогея своего она достигла лишь послѣ того, какъ закончена была вторая кампанія постыднымъ бѣгствомъ польскаго войска изъ-подъ Пилявецъ. Вся территорія малорусскаго племени вплоть до Львова оказалась цѣликомъ залитой волнами народнаго возстанія, захлеснувшими все, что еще осталось еврейскаго. Послѣдніе остатки ихъ держались было нѣкоторое время подъ защитой сильныхъ крѣпостей Бара, Дубна, Каменца-Подольскаго. Но больше тысячи дубенскихъ евреевъ вырѣзано было передъ крѣпостью, куда поляки не сочли возможнымъ ихъ впустить. Сильный Баръ—надежда поляковъ—также палъ, и вмѣстѣ съ нимъ погибло евреевъ до 2000. Опустошительныя эпидеміи, появлявшіяся во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ скапливались евреи, помогали дѣлу истребленія: въ одномъ Барѣ отъ заразы умерло до 1000 душъ. Львовская община—одна изъ четырехъ главнѣйшихъ еврейскихъ общинъ въ Польшѣ—потеряла во время осады до 10,000 д. отъ голода и болѣзней; кромѣ того, почти все имущество, выданное Хмельницкому въ качествѣ выкупа.

Каждое движеніе, какъ главнаго козацкаго войска, такъ и кишѣвшихъ всюду безчисленныхъ отрядовъ, сопровождалось отъискиваніемъ и безпощаднымъ истребленіемъ евреевъ. Истребленіе это вмѣстѣ съ разливомъ возстанія, далеко перешло за предѣлы украинской территоріи, въ Галицію, Холмскую Русь и наконецъ

Литву. Прочное спасеніе находилъ лишь тотъ, кто бѣжалъ въ Валахію или за Вислу. Перспектива умиротворенія, возникшая было съ избраніемъ Яна-Казиміра, дала нѣкоторый отдыхъ, къ сожалѣнію, слишкомъ кратковременный. Кое-гдѣ евреи начали возвращаться въ города. Но еще миръ не былъ формально разорванъ, какъ уже козаки снова вырѣзали въ Острогѣ 300 евреевъ, которые водворились было въ немъ снова.

Збаражскимъ договоромъ было постановлено, чтобъ евреи не покупали и не арендовали земель на козацкой территоріи (кіевское и часть подольскаго воеводства). Въ другія малорусскія области евреи могли возвратиться и тотчасъ же воспользовались своимъ правомъ. Обращеннымъ въ православіе король разрѣшилъ снова возвратиться къ родной вѣрѣ. Масса всяческихъ недоразумѣній и затрудненій въ семейныхъ и иныхъ отношеніяхъ, вытекшихъ изъ катастрофы, были кое-какъ улажены всеобщимъ синодомъ, собравшимся въ Люблинѣ зимою 50-го года. Но лишь полтора года пользовались евреи отдыхомъ отъ перенесенныхъ страданій. Какъ только началась новая война, они снова сдѣлались первыми ея жертвами. Но еврейское населеніе было такъ рѣдко, что массовыхъ истребленій, подобныхъ тому, какія имѣли мѣсто три года назадъ, уже не было; къ тому же евреи набрались храбрости среди испытанныхъ ими ужасовъ, вооружились и даже выставили изъ среды себя военный отрядъ. Миръ, которымъ окончилась эта несчастная для козаковъ война, расширилъ права евреевъ: имъ предоставлено было по старому селиться гдѣ угодно и арендовать имѣнія. Но, разумѣется, какое значеніе могли имѣть эти постановленія, когда война тотчасъ же началась снова, а вслѣдъ за тѣмъ, съ вмѣшательствомъ въ дѣло Россіи и Швеціи, вся Польша погрузилась въ хаосъ, гдѣ упразднялось всякое право, кромѣ кулачнаго. Ни въ Бѣлоруссіи, ни въ Литвѣ, ни въ Малой Польшѣ, ни въ Великой—нигдѣ не стало убѣжища евреямъ. Всѣ враждующія другъ съ другомъ стороны одинаково принимали евреевъ за своихъ враговъ, не выключая теперь даже и поляковъ: герой эпохи Чарнецкій ненавидѣлъ и преслѣдовалъ ихъ.

Разумѣется, рискованное дѣло дать цифровое опредѣленіе потерямъ, какія понесло еврейство въ Польшѣ. Гретцъ принимаетъ,

что собственно козаками уничтожено до 300 еврейскихъ общинъ, и эту цифру надо принимать за значительно болѣе достовѣрную, чѣмъ итоговую цифру погибшихъ людей. Эту послѣднюю принимаютъ иные въ 600,000 семействъ; Гретцъ считаетъ подобную цифру сильно преувеличенною и полагаетъ ее, основываясь на показаніи одного еврея—современника, въ четверть милліона душъ. Но все это, конечно, крайне гадательно. Во всякомъ случаѣ, польское еврейство съ этой эпохи окончательно потеряло силу и значеніе, которымъ когда то пользовалось въ Польшѣ. Но это не значитъ, чтобъ оно отрясло прахъ отъ ногъ своихъ и покинуло окончательно землю, залитую кровью единовѣрцевъ. Напротивъ, лишь только минулъ десятилѣтній періодъ хаоса и въ краѣ водворилось кой-какое спокойствіе, евреи появляются снова на украинской территоріи, и снова въ старой роли посредниковъ между паномъ и хлопами. Крѣпостныя узы на усмирившемся населеніи Украйны начинаютъ опять затягиваться, и евреи со всей готовностью предлагаютъ свои услуги въ качествѣ орудія для этого затягиванія. Хлопы періодически волнуются и, конечно, первыми жертвами опять таки являются евреи. Коліивщина напомнила собой 1648 годъ. Но малоруссъ былъ слишкомъ нуженъ еврею, и не такъ то легко было отъ него освободиться. Прошли столѣтія. Минуло панство, но еврей все остался при своей старой роли посредника, а малороссъ все еще не нашелъ волшебнаго корня, который разорвалъ бы своимъ прикосновеніемъ жестокія узы этого посредничества. Мы видѣли еврейскіе погромы—слишкомъ запоздалый возвратъ къ старымъ преданіямъ; не научили ли они малорусскій народъ, что не на этомъ пути надо искать освобожденія.

А. Ефименко.

ОЧЕРКЪ КОЛІЕВЩИНЫ

ПО НЕИЗДАННЫМЪ И ИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ 1768 И БЛИЖАЙШИХЪ ГГ.[1]

ГЛАВА 3.

Участіе въ коліивщинѣ лѣвобережцевъ, гайдамакъ степей и запорожцевъ.

Сложившіяся для Украины политическія условія во второй половинѣ XVIII-го вѣка не дали коліямъ возможности достичь своихъ цѣлей. Противъ рожна трудно было прати, хотя потенціально возможный ростъ возстанія сталъ уже сказываться сравнительно рано. Правда, движеніе не проникало далеко на западъ и югъ, не захватило Волыни, Полѣсія и Подоліи, но все же къ нему примкнули и отдѣльные лѣвобережцы, и гайдамаки степей, и запорожцы. Какъ ни мало всѣ они помогли дѣлу, все же ихъ участіе въ движеніи придало послѣднему именно тотъ видъ, какой оно имѣло. Возстаніе, наведенное самими крестьянами бывшей руины, едва ли отличалось бы и той степенью организаціонной стройности, какую могли внести въ него только запорожцы, и той степенью ожесточенія, которую естественно было проявлять степнымъ гайдамакамъ и выбитымъ изъ колеи крестьянамъ лѣваго берега Днѣпра.

Какъ извѣстно, не всѣмъ крестьянамъ, попавшимъ на лѣвый берегъ Днѣпра послѣ сгона 1712 года, удалось устроиться соотвѣтственно естественнымъ человѣческимъ желаніямъ. Оказавшись тутъ въ очень скоромъ времени лишенными земельной собственности, попавъ въ зависимость къ ширившемуся сословію

---

[1]) „Кіевская Старина", 1890 г., № 5.

„державцевъ“, которымъ въ силу гетманскихъ универсаловъ стала принадлежать земля, и наконецъ начавъ испытывать и всякое незаконное „драпежство“ со стороны державцевъ, крестьяне эти естественно стали искать лучшихъ условій существованія и—то мѣняли державцевъ въ предѣлахъ гетманщины, переходя отъ бѣдныхъ къ богатымъ, то устремлялись на правый берегъ Днѣпра, привлекаемые туда извѣстными „слободами“ и отсутствіемъ тяжелыхъ повинностей вродѣ пикинерства. Названіе лёзныхъ, шатающихся (отъ польскаго слова lużny, lożny—празднопатающійся, свободный) было тогда имъ присвоено, и они не сразу осѣдали даже и послѣ прихода на правый берегъ (Лазаревскій). Многіе при этомъ, заставъ тамъ народное броженіе и полное разочарованіе ранѣе поселившихся въ сулимыхъ панами „слободахъ“, часто вовсе не осѣдали въ качествѣ мирныхъ иммигрантовъ, а приставали къ элементамъ бродившимъ, движимые то сознаніемъ своей солидарности съ ними, то желаніемъ половить рыбу въ мутной водѣ. Такой выходъ изъ тяжелыхъ жизненныхъ условій многимъ пришелся по сердцу и вслѣдъ за первыми гетманцами, приставшими къ коліямъ, на правый берегъ Днѣпра двинулись изъ Малороссіи всякіе недовольные элементы. Русскіе форпосты съ ихъ рогатками и кучками солдатъ, воздвигнутые вдоль границы гетманщины и Рѣчи Посполитой, не могли, конечно, задержать этого довольно людного движенія,—людного впрочемъ только по тогдашней степени населенности и Украины, и Малороссіи.

Констатируя здѣсь, такимъ образомъ, интересный фактъ союзничества между крестьянами праваго и лѣваго берега Днѣпра, мы однако дальше такого констатированія не пойдемъ. Пользуясь, какъ главнымъ источникомъ для настоящей работы, Коднеяской книгой, мы естественно имѣемъ свѣдѣнія почти исключительно о тѣхъ гайдамакахъ, которые были подданными Рѣчи Посполитой, такъ какъ только они и подлежали ея суду; что же до гетманцевъ, то они, какъ жители лѣвобережной Украины, находившейся во власти русскаго правительства, не могли фигурировать на польскомъ судѣ въ Коднѣ и подлежали суду русскихъ властей, а потому и обстоятельныхъ свѣдѣній о нихъ въ

польской Кодненской книгѣ нельзя встрѣтить. Положимъ, и въ ней попадаются иногда подсудимые гайдамаки родомъ изъ-за Днѣпра, изъ предѣловъ то нѣжинскаго, то лубенскаго полка, но всѣ они большею частію давніе выходцы изъ гетманщины, явившіеся на правый берегъ не во время возстанія [1]). За давностью ихъ прихода въ правобережную Украину, польскія власти разсматривали ихъ, какъ подданныхъ Рѣчи Посполитой, и судили своимъ судомъ, щедро раздавая имъ смертныя казни. Но не этими лѣвобережцами интересуемся мы теперь; для насъ важны явившіеся на правый берегъ уже въ періодъ возстанія, представлявшіе собою по отношенію къ коліивщинѣ сочувствующій элементъ. И вотъ о такихъ то лѣвобережцахъ Кодненская книга не даетъ ничего, кромѣ косвенныхъ упоминаній.

Не богаты мы фактами и о гайдамакахъ степей, хотя этимъ послѣднимъ принадлежала въ движеніи очень серьезная роль: у нихъ была военная опытность, и они то были во многихъ случаяхъ организаторами ватагъ и загоновъ. Давно выбывшіе изъ какихъ бы то ни было законныхъ кадровъ Рѣчи-ли Посполитой, или даже гетманщины, люди эти обыкновенно ютились въ вольностяхъ войска запорожскаго и чаще всего въ бугогардовской паланкѣ, гдѣ главнымъ ихъ притономъ былъ Мигейскій островъ, или просто Мигея [2]). Издавна носили они названіе гайдамакъ и по давней судьбѣ своей были наиболѣе близки посполитымъ, выбивавшимся теперь, въ 1768 году, изъ бѣды. Въ большинствѣ это были крестьяне Кіевщины, Брацлавщины и Подоліи, бѣжавшіе въ разное время отъ польскихъ преслѣдованій за участіе въ бунтахъ. Притонъ, къ которому они приставали, издавна существовалъ въ запорожскихъ степяхъ: притонъ этотъ созданъ былъ давними левенцами, родственными по духу опришкамъ Червоной Руси и игравшими роль во время возстанія Хмельницкаго. Въ XVIII вѣкѣ въ степи поуходили многіе крестьяне, участвовавшіе при Паліѣ и Самусѣ въ возстаніяхъ начала сто-

---

[1]) Кодн. кн., см. объ Иванѣ Мельникѣ, о Кондратѣ Письменномъ, о Ботвиненкѣ и пр.

[2]) Скальковскій. Ист. Новой Сѣчи, ч. II, стр. 318.

лѣтія. Затѣмъ сюда же должны были скрыться сподвижники Верлана и Гривы, избѣгшіе смертной казни послѣ возстанія 1734 и слѣдующихъ годовъ. Наконецъ, и послѣ этого крупнаго движенія, каждый сравнительно мелкій крестьянскій бунтъ давалъ значительный процентъ выбитыхъ изъ легальнаго строя и вынужденныхъ для сохраненія себя отъ непосильной борьбы за существованіе уходить въ глубь запорожскихъ степей. Такимъ образомъ, въ послѣднихъ непрерывно держались полуразбойничьи гнѣзда, страшныя для сосѣднихъ забужскихъ татаръ,для донцовъ и для пановъ южной Руси [1]). Не было въ XVIII вѣкѣ движенія на Украинѣ, въ которомъ бы не принимали участія эти гайдамаки по ремеслу; отъ нихъ то и самыя движенія назывались гайдамацкими. Въ коліивщинѣ въ числѣ боровшихся противъ поляковъ они также составляли извѣстный контингентъ, хотя, быть можетъ, и не столь значительный, какъ это обыкновенно принимается.

Мы замѣтили уже, что и относительно гайдамакъ степей Кодненская книга почти не даетъ намъ фактовъ. Объяснить данное обстоятельство неподсудностью этихъ гайдамакъ польскому суду, какъ это мы сдѣлали относительно лѣвобережцевъ, нѣтъ основаній. Хотя они жили въ предѣлахъ вольностей войска запорожскаго, однако къ запорожскому войску они не причислялись, ибо войско это вслѣдствіе вліянія русскаго правительства не имѣло возможности включить ихъ легально въ свою семью. Не удивительно поэтому, что власти Рѣчи Посполитой склонны были считать ихъ подданными своего государства, имѣя въ виду, что дѣйствительно большинство ихъ вышло когда-то изъ предѣловъ Украины. Въ виду этого военно-судная коммиссія судила ихъ, какъ и своихъ правобережныхъ крестьянъ, причемъ проявляла по отношенію къ нимъ особенную строгость: въ немногихъ судебныхъ отмѣткахъ о такихъ подсудимыхъ, значащихся „заграничными“, мы то и дѣло наталкиваемся на приговоры „ścięty“, „powieszony“. Если же при всемъ томъ дѣлъ о такихъ гайдамакахъ по ремеслу въ нашей Кодненской книгѣ немного, то на

[1]) Скальковскій. Ист. Н. С., стр. 307.

это, какъ кажется, есть свои причины. Конечно, наша Кодненская книга заключаетъ въ себѣ только ничтожную часть дѣлъ по расправѣ съ гайдамаками, однако все же намъ трудно удержаться отъ предположенія, что и вообще въ движеніи 1768 года гайдамаки степей не были особенно численнымъ элементомъ Во первыхъ, въ виду стѣсненнаго положенія даже и въ предѣлахъ вольностей войска запорожскаго, они во второй половинѣ XVIII вѣка такъ или иначе уже переходили въ легальныя условія сущестзованія, то приставая въ—плотную къ кошу, который принималъ ихъ къ себѣ тайно отъ всѣхъ многочисленныхъ опекуновъ своихъ, то осѣдаясь правдами и неправдами въ гетманщинѣ или даже въ Украинѣ на польской сторонѣ; вслѣдствіе же этого ихъ становились все меньше и меньше и пополнять собою ряды возставшихъ на Украинѣ они могли слабо. Во—вторыхъ, и извѣстная намъ ничтожная численность гайдамацкихъ ватагъ въ теченіе всей коліивщины склоняетъ невольно къ мысли, что возставшимъ крестьянамъ Кіевщины и Брацлавщины приходилось бороться съ поляками главнымъ образомъ собственными силами. Мы только и знаемъ во время коліивщины небольшіе отряды возставшихъ; самъ Желѣзнякъ подъ Уманью имѣлъ послѣ соединенія съ Гонтой всего только 2000 человѣкъ въ своемъ распоряженіи, а Швачка—1000, другіе же ватажки, особенно ватажки загоновъ, предводительствовали часто сотнями и десятками — не больше. Да и какъ бы оно могло быть иначе? Послѣ руины опустошенная страна не могла сразу возстановить прежней густоты населенія. Вступая же въ борьбу собственными силами, коліи не могли имѣть большихъ ватагъ.

Но если гайдамакъ степей въ 1768 г. было немного въ украинскомъ движеніи, то все же участіе ихъ въ немъ несомнѣнно. Въ подтвержденіе этого мы имѣемъ между прочимъ указаніе въ Кодненской книгѣ того пути, по которому двигались въ Украину эти отщепенцы. Въ числѣ документовъ Кодненской книги находимъ допросъ военно-судной коммиссіей крестьянина Ивана Рябошапки [1]). Рябошапка этотъ былъ родомъ изъ лубенскаго полка,

---

[1]) Кодн. кн., стр. 74.

изъ с. Лохвицы. Тамъ онъ выросъ, женился и достигъ 34-лѣтняго возраста. Мирное теченіе его жизни было нарушено предписаніемъ русскихъ властей идти ему въ числѣ другихъ погоничей при подводахъ, отправлявшихся къ турецкой границѣ по случаю войны. Отказаться отъ исполненія этой повинности было невозможно — и Рябошапка по неволѣ долженъ былъ совершить путь до м. Степанештъ. Въ Степанештахъ же вслѣдствіе голода и крайней нужды рѣшился онъ кинуть подводы и бѣжать домой. Дойдя до Днѣстра близъ Могилева, Рябошапка зашелъ въ бывшій тамъ монастырь, переночевалъ у монаховъ, и на другой день монастырскій человѣкъ переправилъ его черезъ рѣку, но не къ Могилеву, потому что тамъ была чума, а къ какому то селу прямо противъ монастыря. Тутъ ужъ онъ былъ въ польскихъ предѣлахъ и потому смѣлѣе двинулся далѣе. Путь онъ избралъ такой: чрезъ села Грушки и Баренки на Немировъ, изъ Немирова на Липовецъ, Чернявку, Тетіевъ, Буки, Ризану Крыныцю и Еренъ. Въ послѣднемъ селѣ онъ былъ арестованъ тамошнимъ коммиссаромъ. На допросѣ его допытывали, почему онъ прошелъ черезъ названные имъ села и города. Путь этотъ считался необычнымъ для мирныхъ людей, такъ какъ по немъ ходили почти исключительно гайдамаки. Рябошапка заявилъ, что ближайшимъ путемъ вернуться домой онъ боялся, потому что могъ тамъ попасться русскимъ военнымъ отрядамъ, русскіе же всѣхъ бѣглыхъ погоничей при встрѣчѣ съ ними обыкновенно избивали до полусмерти. Другихъ показаній Рябошапка не далъ, хотя и былъ сѣченъ. Кодненской коммиссіи пришлось поэтому за недостаткомъ уликъ отпустить его, несмотря даже на его безпаспортность, которою онъ тоже объяснялъ выбранный имъ окольный гайдамацкій путь.

Какъ ни неважно само по себѣ пересказанное дѣло, но все же изъ него мы узнаемъ, что былъ даже особый путь, по которому вторгались въ Украину гайдамаки съ юга, а кромѣ того — мы наталкиваемся тутъ на одну изъ группъ гетманцевъ, попавшихъ въ ряды возставшихъ на правомъ берегу Днѣпра, — наталкиваемся на бѣглыхъ погоничей русскихъ военныхъ подводъ. При допросѣ Рябошапки кодненскіе судьи сами констати-

ровали и то, что такихъ бѣглыхъ погоничей было не мало, что бѣжали они домой группами въ нѣсколько человѣкъ, и что, наконецъ по пути черезъ Украину съ голода и нужды приставали они къ гайдамакамъ. Для нихъ отмѣченный выше путь былъ дорогою уже заранѣе протоpенною. Торною же сдѣлали ее именно гайдамаки степей.

Всѣхъ „заграничныхъ" гайдамакъ, отмѣтки о которыхъ мы встрѣчаемъ въ Кодненской книгѣ, мы насчитали 32 человѣка. Въ одиночку эти люди рѣдко попадались въ той или другой гайдамацкой ватагѣ, а больше группами въ нѣсколько человѣкъ. Такъ, въ ватагѣ Василія Шелеста, дѣйствовавшаго вблизи Днѣпра, было нѣсколько заграничныхъ [1]). Кромѣ того, и въ совсѣмъ небольшихъ гайдамацкихъ загонахъ „заграничные" всегда являлись въ группахъ [2]). Кодненская коммиссія, какъ уже было отмѣчено, отнеслась къ этимъ „заграничнымъ" крайне немилостиво: всѣ они или обезглавлены, или повѣшены.

Несомнѣнно наконецъ участіе въ колівщинѣ и третьяго элемента, посторонняго крестьянамъ руины, запорожцевъ. Въ нихъ, по самому складу ихъ понятій, движеніе коліевъ необходимо должно было вызвать самый живой откликъ. Какъ ни тяжела была судьба общины ихъ при кошевыхъ Лантухѣ и Кальнишевскомъ, являвшихся во многихъ случаяхъ поневолѣ правительственными чиновниками, тѣмъ не менѣе пониманіе интересовъ своей народности, и въ предѣлахъ, и за предѣлами вольностей войска запорожскаго, а равно и сознаніе своихъ человѣческихъ правъ — все это жило въ славномъ запорожскомъ товариществѣ, и оно охотно несло свои головы, по крайней мѣрѣ въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ членовъ, каждый разъ, какъ гдѣ-либо на Украйнѣ прорывался протестъ противъ чужеземнаго гнета.

Собственно объ участіи запорожцевъ въ колівщинѣ собрано пока очень мало фактическаго матеріала; немного его и въ на-

---

[1]) Кодн. кн., стр. 481.

[2]) Кодн. кн., стр. 537.

шей Кодненской книгѣ. Конечно, быть можетъ, что такой недостатокъ фактическихъ данныхъ обусловленъ малымъ количествомъ найденныхъ и разобранныхъ до сихъ поръ документовъ. Но не вѣрнѣе ли допустить, что дѣлъ по поводу участія запорожцевъ въ колiивщинѣ не находятъ въ большомъ количествѣ именно потому, что въ большомъ количествѣ ихъ и быть не могло. Конечно, о полномъ невмѣшательствѣ запорожцевъ въ движенія гайдамаковъ вообще и въ частности въ движеніе 1768 года, какъ на этомъ настаивалъ и настаиваетъ г. Скальковскій, и рѣчи быть не можетъ. Усматривая въ гайдамацкихъ возстаніяхъ однѣ только разбойничьи цѣли и не признавая тождества дѣйствительныхъ цѣлей этихъ движеній съ цѣлями запорожскаго товарищества, г. Скальковскій, обѣляя послѣднее, всячески и даже насильственно отрицаетъ солидарность запорожцевъ съ гайдамаками 1768 г. Но слишкомъ очевидно, что даже въ распоряженіи самого г. Скальковскаго имѣются данныя, идущія въ разрѣзъ съ его заключеніями, какъ это давно уже отчетливо показалъ Максимовичъ въ своихъ замѣткахъ на его книгу „Наѣзды гайдамакъ“. Уже въ этой книгѣ отмѣчено, что 600 запорожцевъ двинулись въ 1768 году въ Украину на помощь возставшимъ крестьянамъ [1]). Максимовичъ же добавляетъ къ этому числу еще 420, относительно которыхъ онъ имѣлъ свѣдѣнія изъ подлинныхъ актовъ 1768 г. [2]). Ясно поэтому, что запорожцы принимали участіе и въ колiивщинѣ, какъ и въ прежнихъ крупныхъ волненіяхъ XVIII вѣка. Но мы думаемъ, что приведенныя данныя, при сличеніи ихъ съ запорожскими силами вообще, показываютъ также, что запорожцы въ 1768 году, какъ и вообще послѣ возвращенія своего въ русское подданство въ 1734 году, далеко не свободно могли отдаваться своимъ влеченіямъ, и участіе какой-нибудь тысячи ихъ въ близкомъ ихъ сердцу дѣлѣ показываетъ, какъ сильно измѣнились времена сравнительно съ XVII и началомъ XVIII вѣка, когда являлись они на Украину открыто, явно, въ количествѣ многихъ тысячъ человѣкъ. Конечно, въ Запорожьѣ много значило „товариство“, какъ это отмѣтилъ Максимовичъ, возражая г.

[1]) Скальковскій.

[2]) Максимовичъ. Сочиненія, т. I, стр. 586.

Скальковскому; конечно, товариство часто шло туда, куда не хотѣла идти войсковая старшина,—но все же старшина въ Запорожьѣ имѣла большую силу и, разъ надъ старшиной висѣлъ мечъ запретовъ со стороны тѣхъ, кому Запорожье подчинялось, разъ пособничество гайдамакамъ строго возбранялось кошу, товариству трудно было идти въ полный разрѣзъ съ кошемъ и экспедировать въ Украину слишкомъ большіе отряды. Воля запорожца въ это время была уже стѣснена, и онъ только нелегально могъ слѣдовать ея влеченіямъ. Не можемъ, поэтому, не думать, что и въ 1768 г. какъ въ теченіе всего XVIII вѣка, запорожцы участвовали въ гайдамацкихъ отрядахъ только въ небольшомъ числѣ. При такомъ же условіи и дѣлъ о запорожцахъ—гайдамакахъ могло сохраниться сравнительно немного. Запорожье въ это время оказывало больше нравственное давленіе на возставшихъ, и эти послѣдніе держались поэтому запорожской военной организаціи, заведя у себя полковника и куренныхъ атамановъ, и въ своихъ нападеніяхъ на врага руководствовались запорожскою же опытностью въ веденіи партизанской войны.

Что запорожцы склонны были именно къ этого рода войнѣ при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находилось тогда товариство,—это можно заключить по явленію, вѣроятно не случайному въ архивныхъ документахъ по интересующему насъ вопросу, — а именно по тому, что запорожцы, судившіеся на польскомъ судѣ за возстаніе 1768 года, оказываются побывавшими не въ большихъ ватагахъ ватажковъ Желѣзняка, Швачки, Неживаго и Бондаренка, а только въ загонахъ. Такъ, изъ Кодненской книги мы знаемъ, что три запорожца, Өедоръ Базарный, Левко Малый и Климъ Билый [1]) состояли въ загонѣ Плыханенка, дѣйствовавшаго въ Бѣлоцерковщинѣ, то оказывая помощь Швачкѣ, то грабя и убивая шляхту и жидовъ въ селахъ Маломъ Половецкомъ, Романовкѣ и др. Въ той-же Кодненской книгѣ находимъ указаніе и на загонъ Василія Смѣлянскаго, въ которомъ участвовали запорожцы; изъ числа ихъ названы два—Максимъ Швецъ и опять какой-то Өедоръ Базарный [2]).

---

[1]) Кодн. кн., стр. 482—483.

[2]) Кодн. кн., стр. 486.

Перебирая далѣе другихъ запорожцевъ, участниковъ въ колиивщинѣ, мы не удивимся, если и между ними окажутся проходимцы, имѣющіе въ виду только нагрѣть руки во время чужой бѣды. Такимъ, намъ кажется, былъ запорожецъ Лапа. О немъ мы знаемъ только, что въ началѣ движенія 1768 г. онъ пришелъ въ село Квитки и, поселясь тамъ въ домѣ крестьянина Мельника, подговорилъ этого послѣдняго пойти въ гайдамаки въ загонъ Романченка, который въ то время былъ въ с. Ольшаной. Знаемъ дальше, что Лапа въ томъ же загонѣ Романченка двинулся на подмогу русскимъ войскамъ противъ напавшихъ тогда на Украину татаръ, и что затѣмъ онъ съ р. Тыкича, гдѣ Романченко почему то распустилъ свою ватагу, прошелъ въ Лебединъ къ ватагѣ Губы, которая сгибла потомъ, какъ кажется, подъ Сквирой [1]). Заключеніе наше о грабительскихъ цѣляхъ Лапы мы выводимъ изъ того уже извѣстнаго намъ обстоятельства, что ватага Романченка нерѣдко грабила крестьянъ и состояла изъ людей вродѣ Ивана Мельника, Василія Чапенка, Карпа Настыченка, которыхъ головой выдавали польскому суду ихъ односельчане [2]).

Предположеніе, что въ большинствѣ случаевъ запорожцы размѣщались не въ большихъ гайдамацкихъ ватагахъ, а въ загонахъ, быть можетъ, находитъ себѣ подтвержденіе и въ томъ, что всѣ тѣ 420 запорожцевъ, на которыхъ указываетъ Максимовичъ, какъ на участвовавшихъ въ движеніи 1768 года, входили въ составъ загоновъ. Названы при этомъ у Максимовича загоны Саражина, Василія Щербины, Клима Крутя, Гайдая, Мирона Губы [3]).

Но не подлежитъ сомнѣнію, что попадались запорожцы и въ крупныхъ отрядахъ Желѣзняка, Швачки и др. Косвенное указаніе на это мы находимъ въ доносѣ на запорожца Іосыпа Перевертайла, сдѣланномъ на коднеѣскомъ судѣ „хлопцемъ Желѣзняка“, Василіемъ Весніовскимъ. О доносѣ этомъ разскажемъ въ связи съ общимъ ходомъ дѣла Перевертайла, попавшаго суду кодненской коммиссіи вмѣстѣ съ своими четырьмя товарищами—

[1]) Максимовичъ. Сочин., т. I, стр. 586.

[2]) Кодн. кн., стр. 1, 43.

[3]) Максимовичъ. Сочинен., т. I, стр. 586.

запорожцами, Пылыпомъ Билымъ, Стефаномъ Бильцемъ, Максимомъ Магромъ и Иваномъ Гладыренкомъ[1]). Остановиться на этомъ процессѣ поучительно, во-первыхъ, потому, что изъ него видно, ради какихъ цѣлей запорожцы проникали въ Украину, подчасъ торгуя, подчасъ маскируя торговлей свою поддержку возставшимъ; во вторыхъ—потому, что въ немъ слишкомъ замѣтно стремленіе польскихъ судей установить не только правдами, но и неправдами тотъ фактъ, что запорожцы были ревностными участниками тяжелаго бунта, и тѣмъ какъ бы дать основаніе своему мнѣнію—что не будь запорожцевъ, все бы пожалуй было благополучно на Украинѣ.

На судѣ относительно Іосыпа Перевертайла узнано было слѣдующее.

Іосыпъ Перевертайло, или какъ его величаютъ польскіе судьи Юзко, былъ родомъ *изъ Мишурова* подъ Кременчугомъ. Сперва онъ служилъ у людей наймытомъ, а потомъ, собравшись со средствами и купивъ себѣ пару воловъ, сталъ ѣздить то за рыбой въ Сѣчь, а то и дальше въ Крымъ за солью. И то, и другое возилъ онъ продавать на Украину и потому, конечно, хорошо зналъ въ ней разныя мѣстности. По словамъ его, незадолго предъ „ризаниной“ 1768 г. онъ купилъ себѣ въ предѣлахъ вольностей войска запорожскаго на рѣчкѣ хатку и сталъ заниматься доставкой оттуда сѣна, вѣроятно, въ Сѣчь. Въ самый разгаръ коліивщины онъ именно былъ будто бы занятъ этимъ дѣломъ. Но вскорѣ въ судьбѣ Перевертайла многое измѣнилось. Въ это время онъ считался сичовымъ козакомъ, запорожцемъ, и потому, когда въ 1769 году весной вышелъ указъ кошеваго идти на турокъ, онъ, какъ и большинство запорожцевъ, оставилъ свое мирное дѣло и вмѣстѣ съ другими двинулся подъ Очаковъ, гдѣ пробылъ цѣлое лѣто, а на зиму вернулся въ Запорожье. Въ слѣдующемъ 1770 г. этотъ походъ былъ запорожцами повторенъ, и Перевертайло не отсталъ отъ другихъ и тогда. Лѣто и осень пробыли они тогда въ дѣлѣ, и Перевертайло ушелъ оттуда только подъ конецъ осени, участвуя въ отрядѣ, которому было поручено конвоировать

---

[1]) Кодн. кн., стр. 31—36.

бѣлогородскихъ татаръ, отдѣлившихся отъ турокъ. Дойдя въ качествѣ конвоира до рѣчки Саксагана, Перевертайло вмѣстѣ съ пятью товарищами своими, запорожцами—Тимошемъ Билымъ, Степаномъ Бильцемъ, Максимомъ Магромъ и Иваномъ Гладыренкомъ—отсталъ отъ отряда, такъ какъ у всѣхъ ихъ де кони пристали. Зазимовали они тогда въ протопоповой слободѣ подъ Крыловымъ, причемъ дали о себѣ знать крыловской канцеляріи. Весной же взяли они себѣ по проходному виду отъ протопопа Димитра, думая отправиться въ Сѣчь, что́ и было отмѣчено въ данныхъ имъ протопопомъ бумагахъ. Сомнѣваясь однако въ законности полученныхъ видовъ, и Перевертайло, и его сѣчевые товарищи отправились показать ихъ въ крыловской (русской) канцеляріи. Тамъ они, по словамъ Перевертайла, не застали „главника", а только прапорщика „молоденькаго"—и этотъ—то „молоденькій" прапорщикъ сказалъ будто бы имъ, что съ свидѣтельствами отъ протопопа Дмитра они могутъ идти куда угодно, и что въ иныхъ паспортахъ они не нуждаются. Удовлетворенные такимъ отвѣтомъ, запорожцы двинулись въ с. Глинскъ. (Село александр. уѣзда херс. губ., крыловской сотни, миргород. полка, при р. Цыбульникѣ, къ ЗЮЗ отъ Крылова).

Тутъ замѣтимъ, что исполненіе всякихъ формальностей относительно паспортовъ для запорожцевъ, не желавшихъ выходить изъ границъ легальности, было дѣломъ крайней необходимости послѣ грозныхъ предписаній кошевому и всѣмъ запорожскимъ старшинамъ отъ разныхъ представителей русской власти. Еще Разумовскій въ наказѣ своемъ запорожской старшинѣ настаивалъ въ 1755 г., чтобы запорожцы, отлучаясь куда бы то ни было изъ коша, брали паспорты и на заставахъ билеты; даже при отправкахъ въ зимовники въ предѣлахъ своихъ вольностей считался необходимымъ билетъ [1]). Но, разумѣется, формальности эти, слишкомъ стѣснительныя для вольныхъ людей, были выполняемы только желающими. Тѣ-же, кому надо было идти вершить политическія дѣла, какихъ русскія власти и запорожскіе старшины, ими направляемыя, одобрить не могли, и тѣ, которыя

[1]) Нѣсколько документовъ къ исторіи гайдамачины, А. Скальковскаго. „Кіев. Стар." 1885 г., книга 10-я.

искали матеріальной поживы въ краѣ, гдѣ все было перевернуто народнымъ движеніемъ вверхъ дномъ,—тѣ паспортами не всегда запасались, а если и запасались, то не всегда тамъ, гдѣ было нужно, и при этомъ далеко не слѣдовали указанному въ нихъ маршруту.

Послѣднее случилось по невѣдѣнію и съ нашими пятью запорожцами, къ которымъ присталъ еще какой-то Иванъ Кравець, уроженецъ правобережной Украины. Встрѣтились они будто-бы въ Глинскѣ съ прикащикомъ какого-то Графова, маіора сербскаго гусарскаго полка, съ гусаромъ Иваномъ Лисенкомъ, и этотъ то Лисенко убѣдилъ ихъ будто бы идти къ россійской арміи, выступившей противъ турокъ. Давши ему свое согласіе, Перевертайло и его товарищи, имѣя возъ съ провіантомъ и кладью, двинулись въ путь вмѣстѣ съ Лисенкомъ, имѣвшимъ также два воза съ провіантомъ; медленно двигались они и недалеко прошли впередъ, такъ какъ въ возы были упряжены волы—по четыре въ каждый возъ. И вотъ у села Тышкувки, близъ мѣстечка Турія (теперь деревня дубенск. уѣзда, при р. Иквѣ), были они задержаны стражникомъ, стоявшимъ на turwarci, какъ не имѣвшіе законныхъ видовъ, гусаръ же Лисенко, задержанный сперва также, былъ отпущенъ и съ двумя своими возами и прислугой продолжалъ путь по направленію къ арміи.

Вся эта исторія, узнанная изъ устъ самого Перевертайла, не представлялась правдивой польскимъ судьямъ; когда же къ дѣлу прибавились добровольныя показанія на Перевертайла и его товарищей Желѣзнякова хлопца Василія Весніовскаго, тогда и подавно неповинность въ гайдамачествѣ и Перевертайла, и его друзей стала казаться еще болѣе подозрительной.

Показанія свои на Перевертайла и его товарищей Весніовскій на судѣ измѣнялъ однако два раза, если не больше. Сначала онъ заявилъ было, что Перевертайла онъ видѣлъ во время рѣзни въ Умани и именно тогда, когда было вырѣзано 18,000 шляхтичей и жидовъ [1]) т. е. 1768 г., и что узналъ онъ его по коню. Какія такія характерныя особенности были у коня Пере-

---

[1]) Кодн. кн., стр. 34

вертайла, чтобы Весніовскій могъ помнить его три года, въ показаніяхъ Весніовскаго не отмѣчено, но Перевертайло, опровергая справедливость заключеній Весніовскаго, отмѣтилъ ее, сказавъ, что если онъ, Перевертайло, не ковалъ своего коня и подшивалъ на его копыта какую-то обувь [1]), то дѣлалъ онъ это, какъ и всѣ запорожцы, по запорожскому обычаю, такъ что подшитые обувью копыта, очевидно, не могли бы служить уликой тождественности коня, видѣннаго Весніовскимъ въ Умани въ 1768 году, съ тѣмъ, на которомъ былъ Перевертайло взятъ въ секвестръ, ибо подъ Уманью было много запорожцевъ. Къ приведенной культурной подробности относительно обуви коня въ оправданіяхъ Перевертайла присоединяется и другая. Онъ утверждалъ, что коня своего онъ обрѣлъ только недавно, а именно въ истекшій мясопустъ, у какого-то цыганскаго атамана, съ пятью шатрами осѣвшагося на время въ слободѣ Переводчиковой, о чемъ должны, по его словамъ, помнить люди названной слободы. Указалъ при этомъ Перевертайло, что уплатилъ онъ цыгану за своего коня 16 рублей и въ додачу далъ ему своего прежняго коня, который пошелъ въ 4 рубляхъ [2]).

Смущенный энергичностью протеста Перевертайла, Весніовскій сталъ уже утверждать, что онъ помнитъ только коня, а не всадника, а потомъ добавилъ, что видѣлъ Перевертайла и коня не въ Умани, а въ Бендерахъ, въ заключеніе же сталъ настаивать на томъ, что и Перевертайло, и его товарищи грабили и убивали въ польскихъ предѣлахъ въ прошломъ 1770 г., и что Перевертайло на своемъ конѣ былъ тогда и въ Жаботинѣ, и въ Смѣлой, и въ Корсунѣ, и въ Богуславѣ, и въ Умани. Утвержденіе это 19-ти лѣтній Весніовскій рѣшился бросить и прямо въ глаза оговореннымъ имъ лицамъ. Особенно при этомъ страннымъ показалось его вторичное обвиненіе, что они, запорожцы, wraz z jego panem Żelezniakiem rabowali i zabijali. Очевидно, однако, что wraz z panem Żelezniakiem Перевертайло могъ бы дѣйствовать только въ 1768 году, а никакъ не въ 1770,

---

[1]) Кодн. кн., стр. 7.

[2]) Рубли здѣсь литовскіе. Тогда литовск. рубль=5 рус. рублямъ.

такъ какъ Железнякъ уже сошелъ со сцены въ 1768 году [1]).

Въ виду всѣхъ этихъ разнорѣчій по правиламъ судопроизводства того времени оставалось только для выясненія истины прибѣгнуть къ пыткѣ. Въ Кодненской книгѣ сохранился протоколъ korporalnych konfessat, т. е. показаній, данныхъ подъ пыткой по настоящему дѣлу Весніовскимъ и Перевертайломъ; въ протоколѣ сохранилось еще указаніе на пытку Максима Магра, но этотъ послѣдній при мученіяхъ замиралъ.

Для наглядности сдѣлаемъ здѣсь выписку изъ этого протокола.

Punkta przeciwko Maximowi Magrze y Iuskowi Perewertaylowi na korporalne konfessata [2]).

1-mo. Dla czego wyszedl z zagranicy z Juskiem Perewertaylem do polskiey z drugimi z nim będącemi?

In illo puncto dormiebat et nihil dixit Maxym Magro.

R (respondit) Jusko Perewertaylo—iż wyszlismy do armiy, ale nic na rabunki żadne.

2-do. W Polszchę będąc gdziescie rabowali szlachty, żydow, mużyków y silascie ich zabili?

Etiam in illo dormiebat (Maxym Magro), propterea nihil dixit.

R (respondit) Perewertaylo—iż niedziesmy nie rabowali szlachty, a ni żydow y żodnych nie zabialismy.

3-tio. Gdzieście zdobycz y komu te z rabunków oddawali.

Et in illo puncto dormiebat (Maxym Magro) etiam nihil dictum ab illo est.

R (respondit) Juzko Perewertaylo—że żadney zdobyczy nie mielismy, a ni komu nie dawalismy y wcale do niczego nie przyznaie y w Humaniu nie byłem, y konia tego swego, ktorego Wesniowski miał poznać, kupiłem. Zguła wszystko do konfessat dobrowolnych tylko przyznaię".

---

[1]) „Кіевск. Стар." 1888, книжка 12-я, сообщеніе г. Андріевскаго.

[2]) Кодн. кн. стр. 20.

После этого коднеискому суду оставалось только отпустить и мнимаго гайдамацкаго ватажка Перевертайла, и его товарищей, тѣмъ болѣе, что ихъ личности не представляли ничего загадочнаго. Обо всѣхъ ихъ извѣстно было, что они запорожцы, числившіеся въ куреняхъ. О Перевертайлѣ мы уже имѣли указанія, скажемъ теперь и объ остальныхъ. Тимишъ Билый былъ родомъ изъ Прохоровки переяславскаго полка и долго торговалъ рыбой и солью въ Сѣчи, до самой турецкой войны. Другой, Степанъ Билецъ, также родомъ изъ Прохоровки, ушелъ на Запорожье изъ Кіева и десять лѣтъ числился въ каневскомъ куренѣ. Третій, Максимъ Магро, родомъ изъ Келиберды переяславскаго полка, также долго жилъ на Запорожьѣ. Наконецъ, четвертый, Иванъ Гладыренко и родомъ былъ изъ запорожской земли; родился онъ въ Кодакахъ и тамъ выросъ, а въ Сѣчи былъ потомъ записанъ въ куренѣ каневскомъ. Вооружены всѣ эти люди были пистолетами; у кого былъ одинъ пистолетъ, а у кого и два.

Едва ли однако всѣ эти люди были бы такъ скоро отпущены Кодней, если бы, несмотря на уясненіе дѣла путемъ допроса подсудимыхъ подъ пыткой, кодненскіе судьи не сочли нужнымъ допросить еще подъ пыткой Василія Весніовскаго, личность котораго никому не могла внушать довѣрія. Въ Кодненской книгѣ сохранился только обрывокъ „korporalnych konfessat“ этого доносчика. Приводимъ его.

Punkta na Wasyla Wissniowskiego inkarcerata [1]).

1-mo. Czy byli w Umaniu Juzko, Maxym Magro y inni, czy rabowali, czyli nie, gdzie i kiedy?

R. iż nie byli, tylkom się przeż iednego konia zbalamutił, żem na nich powiedział.

2-do. Za co pierwey powolywał tych ludzi, a potym odwołał, kto go namówił na to y jak go namowiali?

R. iz mnie nie namowili, tylko mnie persowadowali, abym iam na dusze swoie nie brał, co teraz rewokuie żem ich nie widział a ni ich znam“.

---

[1]) Кодн. кн., стр. 16.

Понятно, что послѣ этого показанія дѣло о запорожцахъ необходимо должно было окончиться ихъ освобожденіемъ.

Все данное дѣло показываетъ намъ, какъ привыкла польская слѣдственная коммиссія къ появленіямъ запорожцевъ въ Украинѣ ради поддержанія возставшихъ крестьянъ. Относительно Перевертайла и его товарищей, конечно, произошла грубая ошибка, но во многихъ случаяхъ дѣйствительно запорожцы подъ предлогомъ торговли или подъ предлогомъ переходовъ въ русскіе предѣлы оставались въ Украинѣ и принимали участіе въ гайдамацкомъ движеніи, приставая не всегда только къ небольшимъ загонамъ, но иногда и къ большимъ ватагамъ, вродѣ дѣйствовавшей подъ Уманью.

Случалось, что и запорожцы шли на помощь возставшимъ въ полной увѣренности, что таково желаніе царицы; особенно легко овладѣвала подобная иллюзія запорожцами, проживавшими вдали отъ коша, этого запорожскаго центра вѣрныхъ политическихъ новостей.

Въ подтвержденіе можемъ сослаться на показанія запорожца Алексѣя Ногайца, уличеннаго въ гайдамачествѣ и бывшаго на судѣ кіевской губернской канцеляріи 23 октября 1768 г. [1]). Въ показаніяхъ этихъ между прочимъ читаемъ: „... многіе запорожскіе козаки шли за границу въ Польшу, объявляя, что якобы по указу велѣно запорожцамъ собираться къ находящимся въ Польшѣ россійскимъ войскамъ противъ поляковъ для защищенія живущихъ въ Польшѣ греческаго исповѣданія людей“.

И такъ, при всѣхъ затрудненіяхъ, какія встрѣчали запорожцы для фактическаго проявленія своихъ симпатій къ угнетаемой Украинѣ, они все же проникали туда, хотя и нелегально. Но не отразиться на числѣ запорожцевъ, проникавшихъ въ Украину, упомянутыя затрудненія не могли: прежде въ XVII в. бывало все товариство шло вызволять украинцевъ, въ количествѣ чуть не десятковъ тысячъ, теперь же изъ общаго числа запорожцевъ 13,000 человѣкъ [2]) едва-едва проникала туда какая-нибудь тысяча.

---

[1]) Максимовичъ. Сочиненія, т. I, стр. 606.

[2]) Скальковскій.

Пересмотрѣвъ имѣвшіяся у насъ данныя объ участіи въ коливщинѣ лѣвобережцевъ, степныхъ гайдамакъ и запорожцевъ, мы только и можемъ повторить ранѣе сказанное,—что, коливщина есть только слабый отблескъ того, что бывало на Украинѣ раньше въ XVII и даже въ началѣ XVIII столѣтія. Одна уже слабая населенность Украины въ XVIII вѣкѣ, послѣ руины, необходимо должна была свести это движеніе до размѣровъ сравнительно ничтожныхъ. Во время его дѣйствовали десятки и сотни возставшихъ, тогда какъ раньше полякамъ приходилось имѣть дѣло съ десятками тысячъ и даже сотнями тысячъ козаковъ и посполитыхъ. Изъ постороннихъ участниковъ въ колівщинѣ только лѣвобережцы, надо полагать, поддерживали возстаніе сколько-нибудь значительными силами. Степныхъ же гайдамакъ къ концу столѣтія становилось все меньше и меньше—и помощь ихъ коліямъ была далеко не такъ велика, какъ это обыкновенно думаютъ. Наконецъ и самое Запорожье въ это время не могло давать сколько-нибудь замѣтнаго контингента пособниковъ. Слѣдствіемъ же всего этого и является тотъ, какъ намъ кажется, несомнѣнный фактъ, что коліивщина есть движеніе чисто крестьянское, заключенное притомъ въ предѣлы только большей части Кіевщины и Брацлавщины.

Я. Шульгинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МИЛЛІОНЕРЪ.

КАРТИНКА ИЗЪ ГАЛИЦКОЙ ЖИЗНИ.

(Окончаніе) [1].

Яць былъ уже дома. Двѣ думы мучили его: о безпомощномъ положеніи родственницы и о неудачѣ съ шуриномъ. Намѣреніе начать работу самому не покидало его ни на минуту. Несчастный бился какъ рыба объ ледъ, не находя возможности поставить на своемъ и обойтись безъ помощи богача.

— Самъ буду копать—это такъ, но на что жить все это время? Развѣ принять въ компанію тѣхъ бѣдняковъ, что чуть не каждый день ходятъ по селу и ищутъ работы и хлѣба? Въ компанію они бы пристали—это такъ, но откуда же я возьму для нихъ хлѣба?

Когда бѣдный Яць былъ обуреваемъ своими тяжелыми мыслями, слегка отворилась дверь и показалась сухая, сгорбленная фигура извѣстнаго всему Бориславлю Юдки Лыбака [2]).

Это былъ еврей еще не старый, лѣтъ подъ 40, но сгорбленный, сморщенный, какъ старикъ. Его высохшее, усѣянное веснушками лицо, покрытое рѣдкой огненно-красной растительностью, коротко остриженная голова съ растрепанными пейсами, выпуклые глаза съ красными больными вѣками, грубый, непрі-

---

[1]) См. „Кіевская Старина", 1890 г., № 5.

[2]) *Лыбаками* въ Бориславлѣ называются тѣ, которые при помощи конскихъ хвостовъ собираютъ съ поверхности воды выступающую на ней „кипячку"—нефть, идущую на подмазку возовъ.

ятный голосъ—все это производило отталкивающее впечатлѣніе. Но сердце у Юдки было мягкое, доброе; всѣмъ онъ готовъ былъ помочь въ бѣдѣ, а съ бѣднякомъ подѣлиться послѣднимъ кускомъ. Юдка уже нѣсколько лѣтъ занимался въ Бориславлѣ своимъ промысломъ, жилъ у мужика и въ свободное время охотно помогалъ хозяину. Всѣ смѣялись надъ его безобразной фигурой, но тѣмъ не менѣе любили его за доброту, и никто не отказывалъ ему въ маленькихъ услугахъ: тотъ отвезетъ въ городъ собранную имъ кипячку, другой подаритъ горшокъ вареннаго картофеля, два-три яйца, немного луку—все нужное для его пропитанія. За то каждый могъ на него надѣяться. Въ горячую пору сѣнокоса или жатвы, когда такъ трудно достать работника, Юдка по первому зову бросалъ конскій хвостъ и шелъ сгребать сѣно или вязать снопы. За свою работу онъ не бралъ опредѣленной платы: довольствовался тѣмъ, что дадутъ, а чаще всего простою благодарностью.

— Добрый человѣкъ этотъ Юдка,—говорили про него бориславскіе жители.

— Оттого то онъ и такой *капцанъ* (бѣднякъ), — подтверждали другіе.—Никогда того не бывало, чтобы добрый человѣкъ не умеръ *капцаномъ*.

Однако же Юдкѣ не суждено было умереть бѣднымъ.

— *Добре полудне вамъ*, пане Зелепуга!—сказалъ онъ, входя и низко кланяясь.

— Добраго здоровья!—отвѣтилъ Яць.—Это ты, Юдка! Садись—гостемъ будешь!

— *Най усе добре сидае!*—сказалъ Юдка, все еще стоя у порога и комкая въ рукахъ порванную шапку.

— А что у тебя новаго?—спрашивалъ Яць.

— А что жь? Все, благодаря Богу, по старому.

— Хочешь мнѣ что сказать, что такъ шапку мнешь?—допытывался Яць, добродушно усмѣхаясь.

— Да оно того... какъ его,—заикнулся Юдка, какъ будто не рѣшаясь продолжать. Наконецъ, набравшись храбрости, онъ приблизился шага на два къ скамьѣ, на которой сидѣлъ Зелепуга.

— Знаете что, пане Зелепуга? Говорилъ мнѣ Мендель, что вы хотите продать вашъ грунтъ на *Волянци.*

— Грунтъ на *Волянци?* Да, продалъ бы.

— Ну, такъ продайте мнѣ.

— Тебѣ? А тебѣ на что?

— Такъ себѣ. Нужно... У меня есть немного денегъ, такъ думаю: не заработаю ли чего нибудь на вашемъ грунтѣ.

— Ну, чтожь, Богъ тебѣ помоги, Юдко!—искренно сказалъ Яць.—Если у тебя есть деньги, то конечно лучше на грунтѣ работать, чѣмъ конскимъ хвостомъ по лужамъ махать.

— А какъ цѣна?

— А развѣ тебѣ не сказалъ Мендель? По сотнѣ за моргъ.

— Это для меня много!—сказалъ Юдка.—Я вамъ дамъ по 80. Хорошо?

— Пускай будетъ и по 80, другому жиду я бы и по сто не отдалъ, а тебѣ отдамъ по 80, потому что знаю, что ты хлопской работы не чураешься.

На губахъ Юдки заиграла улыбка, а затѣмъ онъ вынулъ изъ за пазухи кварту водки.

— Ну, коли такъ, то выпьемъ могарычъ!—сказалъ Юдка.— Пускай вамъ Богъ на все доброе помогаетъ! И сейчасъ пойдемъ къ писарю—контрактъ сдѣлаемъ.

— А когда деньги выплатишь?

— Сейчасъ, какъ только контрактъ будетъ при свидѣтеляхъ подписанъ.

Яць Зелепуга слушалъ и ушамъ не вѣрилъ: Юдка Лыбакъ землю покупаетъ! Платитъ наличными! Ну, вѣрно конецъ свѣта скоро!

Зелепуга недовѣрчиво посматривалъ на веселое лицо Юдки,— не хочетъ ли онъ его надуть? Но нѣтъ. Юдко серьезно брался за дѣло и не любилъ шутить.

Выпили по нѣсколько стаканчиковъ могарыча и пошли къ писарю. Писарь былъ дома и тотчасъ написалъ контрактъ. Юдка заплатилъ гульденъ за труды писарю и, подписавши бумагу, отправились къ Зелепугѣ, гдѣ тотъ въ присутствiи свидѣтелей сдалъ свою землю въ полное владѣнiе Юдкѣ, а послѣднiй уплатилъ ему сполна 320 римскихъ новыми бумажками.

Получивъ деньги, Яць, несмотря на позднюю пору, бросился прямо къ невѣсткѣ. Каково же было его удивленіе, когда передъ хатой онъ увидѣлъ подводу Недовареннаго, а въ хатѣ самого Недовареннаго съ женой.

— А, швагерокъ здѣсь!—крикнулъ, замѣтивъ его, шуринъ гораздо ласковѣе, чѣмъ прежде.—А ну, ну, иди сюда, ближе!

— Не надѣялся я васъ тутъ застать,—сказалъ Яць, останавливаясь въ дверяхъ.

— Ага, ты думалъ, что я такой турокъ, что не имѣю въ себѣ души христіанской! Эхъ вы нищіе, нищіе! Все только себя однихъ считаютъ честными и добрыми, и все бы съ радостью отдали, да только сами ничего не имѣютъ.

Зеленуга отвелъ въ сторону невѣстку и вручилъ ей „покуда" пять римскихъ, добавивъ, чтобы она обращалась прямо къ нему, если будетъ въ чемъ нуждаться. Бѣдная женщина удивленно посмотрѣла на него и даже забыла поблагодарить. А Зеленуга надѣлъ шапку и пошелъ домой.

— Постой, Яцю, постой! — крикнулъ вслѣдъ ему Недоваренный.

— А что вамъ нужно?—спросилъ Зеленуга, неохотно возвращаясь.

— А что, ты еще не бросилъ своего глупаго намѣренія копать ямы на своемъ грунтѣ.

— Нѣтъ, не бросилъ!

— А когда начинаешь?

— Завтра.

— Что? Завтра? Ну, а кого же ты въ компанію приманилъ?

— Никого не приманилъ, и никого мнѣ не нужно приманивать. Самъ для себя буду стараться,—это лучше всего. Знаете, какъ говорятъ: „самъ себя пасу, самъ себя и выгоняю". Спокойной ночи!

И Зеленуга поспѣшно удалился, оставивъ Недовареннаго въ большомъ недоумѣніи. Какъ же это? Правда ли? Вздумалъ ли этотъ безумецъ самъ начать работу и на чьи же деньги? Долго размышлялъ Недоваренный надъ этими вопросами и рѣшилъ завтра же лично побывать у Яця и навести его на умъ.

Но что за зрѣлище увидѣлъ на другой день Недоваренный на дворѣ у Яця!

Толпа жидовъ, жидовокъ, мужиковъ, работниковъ и всякихъ бродягъ... Крикъ, гамъ, насмѣшки... Что за чудо? Э, да это Яць началъ копать яму. Первый крестьянинъ взялся за это дѣло, которое до сихъ поръ было привилегіей жидовъ. Неудивительно поэтому, что едва Яць привелъ рабочихъ и назначилъ мѣста для четырехъ ямъ, какъ нахлынула толпа любопытныхъ. Первымъ примчался Мендель и, увидѣвъ къ чему идетъ дѣло, даже позеленѣлъ отъ злости.

— Что это? Вы здѣсь хотите копать?—спросилъ онъ Яця полушутливымъ, полуугрожающимъ тономъ.

— А конечно, хочу,—сказалъ спокойно Яць.

— А кто вамъ позволилъ?

— Самъ себѣ на своемъ грунтѣ позволяю.

— А я вамъ запрещаю, я!—крикнулъ Мендель, не будучи въ состояніи больше сдерживаться и почти не сознавая, что говоритъ.

— А ну, попробуй!—отвѣтилъ Зелепуга.

Мендель бросился на него и хотѣлъ вырвать заступъ, но Яць такъ сильно толкнулъ его въ грудь, что Мендель упалъ навзничь. Громкій смѣхъ сопровождалъ начало этой исторіи, но Мендель, не вставая, начать кричать не своимъ голосомъ, какъ будто его хотѣли рѣзать. Масса жидовъ сбѣжалась на этотъ крикъ и вѣроятно Яцю пришлось бы плохо, если бы крестьяне не заступились за него. Но крикъ и суматоха продолжались очень долго. Мендель побѣжалъ съ жалобой въ правленіе, но, видно, не имѣлъ тамъ успѣха, потому что немедленно явился на работы. Между жидами начались бурныя пренія, но Яць не обращалъ больше на нихъ вниманія и продолжалъ работу. Недоваренный былъ свидѣтелемъ этой сцены. Злость и упорство жидовъ не предвѣщали ничего добраго.

— Э, это плохое дѣло!—сказалъ онъ, махнувши рукой, и не поздоровавшись съ Яцемъ, поспѣшилъ домой.

Съ этихъ поръ жилище Яця приняло иной видъ. Жилъ онъ вмѣстѣ съ рабочими, копавшими ямы; невѣстка варила имъ пищу.

Часто забѣгали сосѣди выпить водки или такъ себѣ, поболтать и посмотрѣть на работу. Нѣкоторые собирались и у себя начать тоже самое, но ожидали, какъ пойдетъ дѣло у Яця.

А Яць и во снѣ, и на яву только и грезилъ какъ бы дорыться до подземныхъ богатствъ. Онъ огородилъ свою усадьбу, а возлѣ ямъ привязалъ трехъ собакъ, чтобы стерегли отъ жидовскихъ пакостей. При копаньи четырехъ ямъ разомъ четырехъ зарабочихъ оказалось недостаточно. Многіе совѣтовали Яцю забросить три ямы и копать только одну; если въ ней покажется нефть, можно будетъ приняться и за остальныя; но Яць и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Въ душѣ его въ послѣдніе дни происходилъ переломъ. Казалось, что вся его энергія, всѣ духовныя силы были направлены на одинъ пунктъ—открыть на своей землѣ нефть. Что будетъ потомъ—его не занимало; потомъ,—въ его воображеніи рисовались цвѣтущіе луга, роскошныя поля, безграничное счастье и наслажденіе. Лишь бы только добраться до нефти.

Днемъ и ночью онъ переживалъ ужасныя тревоги. Ну что если мѣсто это нехорошее? Онъ прикладывалъ ухо къ землѣ, прислушивался нѣтъ ли какого шума, принималъ мѣры предосторожности. Часто, вскочивши ночью съ постели, онъ съ толстою палкою въ рукѣ обходилъ ямы. Оказалось, что осторожность была не излишней: жиды нѣсколько разъ подсылали своихъ рабочихъ портить бревна, засыпать ямы, перерѣзывать канаты. Но, благодаря бдительности собакъ и самого Яця, имъ это не удавалось. Какъ любящая мать слышитъ во снѣ плачъ своего дитяти, такъ Яць чуялъ сердцемъ, когда его ямамъ грозила бѣда, и взявши съ собой работниковъ, отражалъ нападеніе. Однажды жидамъ удалось отравить его собакъ, но на свою же бѣду; на другую ночь Яць съ рабочими, укрывшись за заборомъ, схватилъ двухъ жидовъ на мѣстѣ преступленія. Ихъ ввели въ избу и, завязавши имъ головы мѣшками, „сквозь мокрое полотно“ [1]) такъ больно высѣкли ихъ палками, что они закаялись больше ногой ступать во дворъ Яця. Бѣдняги на другой день даже пожало-

[1]) Такой способъ практикуется, чтобы не оставалось слѣдовъ.

ваться не могли, потому что послѣ „холодной бани" доказательствъ не оказалось. Но свое слово сдержали: Яця больше не тревожили.

Ямы вырыли уже въ 10 сажень глубиной, но нефти и слѣдовъ не было. Тогда только замѣтилъ Яць, что изъ его капитала осталось очень мало. Имъ овладѣло ужасное безпокойство. По цѣлымъ ночамъ онъ не спалъ, днемъ ходилъ самъ не свой. Онъ не могъ себѣ даже представить, что придетъ то время, когда онъ долженъ будетъ прекратить работу. Перестать рыть — вѣдь это для него равнялось смерти! А незначительный остатокъ денегъ ясно говорилъ, что эта минута близка, что надо на что нибудь рѣшиться. Поэтому рано, чуть свѣтъ, назначивъ занятія рабочимъ, Яць бросился къ Недоваренному. Онъ засталъ его въ постели; полевыя работы уже окончились, а потому можно было отдохнуть подольше.

— Пане швагре!—не ожидая отвѣта на привѣтствіе, началъ Яць.—Я пришелъ къ вамъ по важному дѣлу.

— По какому? — спросилъ Недоваренный, продолжая лежать.

— Помните вы когда то заинтересовались моими ямами, спрашивали, кого принимаю въ компанію? Дуракъ я былъ тогда, думалъ, что у меня денегъ достанетъ...

— А теперь ты поумнѣлъ, закопавши свои деньги? Да еще и меня хочешь втянуть въ свое глупое предпріятіе! — крикнулъ сердито Недоваренный.—Иди ты изъ хаты, *замороко*!—Иди, а то велю тебя собаками затравить! Иди къ своему Юдкѣ, котораго ты за 300 римскихъ богачемъ сдѣлалъ, а ко мнѣ не ходи!

— Богачемъ, какимъ богачемъ?—спросилъ Яць.

— Развѣ не знаешь, что Юдка на твоемъ грунтѣ, на *Волянци*, уже четыре ключа кипячки добылъ, цѣлую недѣлю черпаетъ и черпаетъ по сто бочекъ въ день, и еще конца нѣтъ? Видишь, какой твой разумъ? Иди же къ нему, проси его, можетъ быть, пристанетъ къ тебѣ въ компанію, а меня оставь въ покоѣ.

И Недоваренный, не могшій сдержаться отъ злости, отвернулся отъ остолбенѣвшаго Яця на другой бокъ. Тотъ посидѣлъ еще минуту молча и потомъ вышелъ, пошатываясь.

— Боже милый! что это такое дѣлается на свѣтѣ? Развѣ вправду доля прокляла христіанина, а только жидамъ усмѣхается? Ну, ктожь бы могъ подумать, что кладъ былъ для меня не здѣсь, а на *Волянци?* И что теперь дѣлать?

Горючія слезы текли по щекамъ Яця. Не давая себѣ отчета, что дѣлаетъ, пошелъ онъ на Волянку — посмотрѣть на ту землю, что нанесла такой ударъ его надеждамъ и мечтамъ.

У Юдки работа кипѣла. Двадцать рабочихъ работали у ямъ, доставали нефть, наливали въ бочки, нагружали на телѣги или устанавливали въ большомъ, выстроенномъ на скорую руку сараѣ. Тутъ же бондари сколачивали изъ досокъ бочки, кузнецы обтягивали ихъ обручами, плотники оканчивали сарай — однимъ словомъ, на недавней пустоши стояла цѣлая фабрика. А среди всей этой суматохи метался Юдка, счастливый, веселый и порядочно одѣтый, словомъ совсѣмъ переродившійся. Двадцать другихъ рабочихъ копали новыя ямы.

— Дай Боже счастья!—мрачно сказалъ Яць, протискиваясь сквозь занятую, суетливую толпу.

— Дай Боже!—отвѣтилъ Юдка; потомъ, обернувшись и увидѣвъ Яця, онъ радостно его привѣтствовалъ: А, панъ Зелепуга! Какъ поживаете?

— Скверно поживаю, Юдко! — сказалъ Яць. — Тебѣ вотъ Богъ счастье послалъ, а я твои деньги закопалъ и ничего не имѣю.

— Глубоко докопались уже?—спросилъ тотъ.

— У меня четыре ямы по двадцати сажень.

— А у меня Богъ далъ на шестомъ сажнѣ, — сказалъ Юдка,—на то Божья воля. Нужно и вамъ копать дальше—и у васъ будетъ, навѣрно будетъ.

— И я такъ думаю, что будетъ. Но чтоже, коли не на что копать дальше!

— Не на что? Это скверно!

Юдка задумался. Яць въ это время съ любопытствомъ разсматривалъ поле, которое такъ недавно принадлежало ему и которое онъ не разъ проклиналъ за его безплодіе.—Вотъ же мои проклятія обрушились на меня самого!—упрекнулъ себя Яць и

заплакалъ.—Теперь все это могло бы быть моимъ, да Богъ, видно, не захотѣлъ. Поле дало кладъ, да не мнѣ!

— Ну, не печальтесь, Яцю,—сказалъ минуту спустя Юдка.— Можетъ быть Богъ дастъ, что все будетъ хорошо. Знаете, что я вамъ скажу?

— Ну, что такое?

Юдка отвелъ Яця въ сторону за сарай и сказалъ:

— Этотъ грунтъ я купилъ у васъ, пусть васъ Богъ наградитъ за него! Купилъ я его дешево: по 80 римскихъ за моргъ. Знаете, какъ старый *лыбакъ*, я могъ лучше всего знать, гдѣ можно скоро докопаться до кипячки. И я не ошибся. Я могъ бы вамъ сразу дать по сто римскихъ за моргъ, какъ вы хотѣли, но я все таки торговался. Ну что же, — человѣкъ всегда останется человѣкомъ, а при томъ я боялся, что не хватитъ денегъ на копанье. Теперь другое дѣло. Грѣхъ бы мнѣ былъ, если бы я не помогъ вамъ въ вашей бѣдѣ. Вотъ вамъ еще 80 римскихъ, сверхъ тѣхъ денегъ; какъ вы сами оцѣнили, такъ и даю, что бы вы на меня не пеняли.

Такая доброта жида до глубины души тронула Яця. Хоть и не любилъ онъ „жидовскаго племени“, но въ порывѣ благодарности поцѣловалъ руку, которая подала ему пачку бумажекъ.

— Пусть вамъ Богъ въ сто кратъ воздастъ, Юдко! — сказалъ Яць.—Я вашей доброты до смерти не забуду.

— Только знаете, что я вамъ посовѣтую, Яцю,—сказалъ жидъ. Не разбрасывайте вы этихъ денегъ на четыре ямы. Пока забейте три и копайте только одну, такъ скорѣе до кипячки доберетесь.

На томъ и распрощались. Юдка побѣжалъ къ ямамъ, а Яць, полный надежды, вернулся домой. Хотя ему было тяжело рѣшиться забить ямы, но въ будущемъ у него снова могло не хватить денегъ, а полученныхъ было слишкомъ мало и потому надо было сконцентрировать всѣ силы на одной. Яць забилъ три ямы, оставилъ только двухъ работниковъ, а остальныхъ отпустилъ, разсчиталъ деньги по днямъ и съ лихорадочнымъ волненіемъ высчитывалъ, сколько дней еще можно будетъ работать.

Работать теперь было тяжелѣе. Вмѣсто мягкой глины пошелъ твердый камень, который надо было ломать ломами, такъ

какъ заступы здѣсь уже не годились. Въ ямѣ двадцатисаженной глубины не хватало воздуха: надо было купить помпу, которая поглотила много денегъ. Медленно, тяжело шла работа, а нетерпѣніе Яця все больше и больше увеличивалось. Вѣдь каждую минуту одинъ ударъ лома могъ принести ему спасеніе, пробить дорогу къ желанному кладу. Онъ все время оставался въ ямѣ, его на силу вытаскивали оттуда. Ни пить, ни ѣсть онъ не могъ. Ночью онъ прислушивался къ собственному дыханію и съ безумно радостнымъ крикомъ: „Е, е!“ вскакивалъ съ постели и бѣжалъ къ ямѣ и, не видя ничего въ темнотѣ, прикладывалъ ухо къ деревянной, запертой на замокъ дверцѣ (крышкѣ), не услышитъ ли какого шептанья, ропота подземныхъ духовъ. Но все было тихо, духъ молчалъ и не появлялся, несмотря ни на просьбы, ни на проклятья обезумѣвшаго Яця.

— Боже мой!—вскрикнула разъ невѣстка, увидѣвъ его вылѣзавшимъ изъ ямы.—Швагре Яцю! Какъ вы выглядите! На васъ лица нѣтъ!

— Какъ нѣтъ?—разсѣянно спросилъ Яць.

— Вы блѣдный, худой, желтый, хоть въ гробъ клади! Ѣдите ли вы что нибудь?

— Ѣмъ.

— Ну, такъ вы должно быть нездоровы.

— Богъ съ вами, кумо, я здоровъ.

— Ну, то можетъ кто вамъ *данне* далъ, что вы такъ страшно измѣнились? Или можетъ, не дай Господи, переполохъ?

— Э, басни! Не бойтесь, скоро поправлюсь, только кипячки добуду.

И торопливымъ, невѣрнымъ шагомъ, будто очарованный, Яць шелъ обѣдать съ работниками.

Невѣстка варила имъ у себя дома, но рѣдко сама носила обѣдъ, а чаще присылала свою 14-лѣтнюю дочку съ *кобелею* [1]), въ которую ставились горшки. Поэтому неудивительно, что она, не видѣвши долго Яця, не узнала его и справедливо замѣтила, что онъ должно быть боленъ. Но Яць какъ будто ничего не

---

[1]) Кошъ, корзина, плетеная изъ тростника.

слышалъ. Вся его жизнь, всѣ мысли сосредоточились на одномъ пунктѣ, на ямѣ, этой двадцатисаженной пропасти, которая не хотѣла выпустить ни одной капли золота.

Для Яця яма обратилась въ существо понимающее и разумное. Въ минуты отчаянія онъ обращался къ ней съ страстными рѣчами, упрекалъ ее въ дружбѣ къ жидамъ, въ нерадѣніи о собственномъ хозяинѣ: не хочетъ она оказать милосердія, справедливости, пусть только вернетъ затраченное на нее. Но яма упорно молчала. Прошла еще недѣля. Яма была уже глубиной въ 22 сажня, а въ кассѣ Зелепуги оставалось всего 22 крейцера. А яма ни гу-гу. Яць ходилъ точно помѣшанный, на колѣняхъ умолялъ рабочихъ остаться еще и работать въ долгъ. Работники, недовольные плохими харчами и неаккуратной платой, ушли, проклиная Яця на чемъ свѣтъ стоитъ. Яць остался одинъ.

Неужели его послѣднія надежды лопнутъ, какъ мыльные пузыри? Онъ побѣжалъ къ Недоваренному—тотъ затравилъ его собаками, бросился къ Юдкѣ—Юдки не было въ Бориславлѣ, поѣхалъ заключать контрактъ съ дистиллярней для подвоза кипячки и остановилъ работу, заперши ямы и оставивъ сторожа. Будто преслѣдуемый звѣрь бросился Яць къ своей избѣ, но возлѣ двора столкнулся съ Менделемъ. Послѣдній злобно усмѣхался.

— Ну, пане Яцентій, какъ поживаете?—сказалъ жидъ.

— А чтожь?—отвѣтилъ Яць съ глухимъ упорствомъ,—слава Богу, ничто мнѣ не вредитъ.

— Ге, ге, ге!—сухо замѣтилъ жидъ.—Ничто вамъ не вредитъ? Нѣтъ, нѣтъ, слава Богу! А что не продадите мнѣ своихъ закоповъ?

— Нѣтъ, теперь еще не продамъ.

— А когда же продадите?

— Когда время придетъ.

— А когда же время придетъ?

— А это увидимъ.

И Яць направился къ избѣ.

— Слушайте, пане Яцентій,—сказалъ Мендель,—безъ шутокъ вамъ говорю. Къ чему вамъ всѣ бѣды, хлопоты и расходы?

Видите, тотъ грунтъ продали вы Юдкѣ? Теперь Юдка богачъ, а вы закопали деньги въ ямы и ничего не имѣете. Бросьте вы эту работу! Это не хлопская работа. Я вамъ дамъ за каждый закопъ по сто римскихъ, и *нащо вамъ клопоту на здорову голову?* Хватитъ на вашъ вѣкъ.

Зелепугѣ кровь ударила въ голову, эти слова уязвили его болѣе, чѣмъ злая насмѣшка, можетъ быть потому, что въ душѣ онъ сознавалъ, что Мендель говоритъ правду.

— Иди ты отъ меня, жиде, къ чорту!—крикнулъ взбѣшенный Яць.—Иди, коли не хочешь получить камнемъ въ лобъ.

— Ну, что это такое? Камнемъ въ лобъ? А это за что? Ты *дурню, гой смердяче!* Думаешь, что я тебя боюсь и что твои закопы больше стоятъ? Подожди, еще самъ ко мнѣ придешь и будешь просить, чтобы я купилъ эти дыры.

— Не дождешься этого, *парху!*—крикнулъ Яць.—Скорѣе самъ найду въ нихъ свою смерть!

И, надвинувши на лобъ шапку, дрожа отъ злости, побѣжалъ Яць къ невѣсткѣ, которая варила ему пищу.

Та теперь въ самомъ дѣлѣ перепугалась.

— Всякое дыханіе да хвалитъ Господа!—вскрикнула она,—куме швагре! что съ вами такое? Гонится кто за вами? Или, можетъ быть, несчастье какое?

Яць даже не обратилъ вниманія на ея возгласы. Въ безсиліи упалъ онъ на скамью и не переводя духа заговорилъ:

— Кумо ятровка! На васъ одна моя надежда! Деньги у меня вышли, работники меня покинули, а яму копать надо. Хочу докопаться кипячки. Скорѣе пропаду, а не покину этого дѣла. Поможешь мнѣ, кума? Я же не для себя работаю! Какъ что будетъ, то будетъ и вамъ и дѣтямъ вашимъ. Идите сами, у васъ дивчина уже въ силахъ, обѣ станете *до корбы*, меньшой хлопецъ можетъ *млынкуваты*, а я полѣзу въ яму, буду копать пока силы станетъ. Чую я, что уже недолго. Нѣсколько разъ копнуть. Кто знаетъ? Можетъ быть нужно только разъ въ счастливое мѣсто ударить... Не откажите мнѣ, кумочко!

Женщина остановилась пораженная. Не такъ ее удивила самая просьба Зелепуги, какъ тонъ его голоса, просящій, мягкій. Съ

минуту она колебалась. Вѣдь кромѣ двухъ старшихъ дѣтей, у нея было еще трое, которые требовали постояннаго присмотра. Что съ ними дѣлать?

Яць догадался въ чемъ дѣло.

— И о тѣхъ меньшихъ не безпокойтесь. Возьмите ихъ въ мою хату, тамъ они будутъ близко отъ васъ. Вы спустите меня въ яму и будете имѣть съ полчаса свободнаго времени, пока я что нибудь накопаю, а дѣти будутъ въ это время *млынокъ* крутить.

Та все еще не рѣшалась. Яць, обливаясь слезами, бросился ей въ ноги.

— Кумо швагрова!—молилъ онъ, обнимая ея колѣни.— Богомъ васъ заклинаю, не отказывате мнѣ! Не отказывайте, а не то съ ума сойду! Чувствую я, что при одной мысли бросить эту работу какой то недобрый духъ овладѣваетъ мною и я готовъ надѣлать бѣды, великой бѣды!

— Богъ съ вами!—крикнула испуганная женщина, поднимая плачущаго Яця.—Что за страшныя рѣчи вы говорите, пускай Богъ заступитъ и спасетъ! Успокойтесь, еще все будетъ хорошо! Всѣ пойдемъ, будемъ копать, будемъ Богу молиться, можетъ Богъ смилуется надъ нашею недолею и пошлетъ намъ свой великій даръ. Только не убивайтесь!

— Награди васъ Боже! Награди Боже!—шепталъ Яць, всхлыпывая какъ ребенокъ.—Я спокоенъ, совсѣмъ спокоенъ, только силъ какъ то нѣтъ, ко сну меня клонитъ...

— Засните, засните, вамъ лучше будетъ. А то, Боже мой, вы выглядите *наче зъ хреста зняты.*

Она уложила Яця на соломѣ, покрытой грубымъ *рядномъ.* Яць тотчасъ же заснулъ глубокимъ сномъ, точно убитый. Невѣстка подумала даже, не пьянъ ли онъ, но приблизившись къ нему, она не почувствовала запаха водки.

— Бѣдняга!— вздохнула она.— Такъ его эта проклятая кипячка одолѣла, что дальше ему уже и дышать будетъ не въ мочь. Боже милосердый! заступи его отъ всякаго несчастья. Скорѣе моему поганину попусти сломать себѣ шею, чѣмъ этой доброй душѣ.

Спалъ Яць долго, но тревожно. Нѣсколько разъ ночью онъ вскакивалъ, прислушивался, кричалъ во снѣ: „Е, е!“ и снова безсильно падалъ на постель. Но все же на другой день онъ былъ бодрѣе и помогалъ хозяйкѣ укладывать и переносить ея бѣдные пожитки.

Что то тянуло его къ ямѣ. Онъ бѣгомъ пустился къ своему дворищу, по дорогѣ бросилъ все и побѣжалъ заглянуть въ ямы, не показалась ли за ночь кипячка. Черезъ часъ онъ вернулся мрачный и недовольный.

— Пусто, нѣтъ ничего! Но я знаю, что скоро, скоро будетъ! Должно быть! Развѣ... Развѣ ужъ милости Божіей надъ нами нѣтъ...

— Бойтесь Бога, что это вы говорите! — вскрикнула невѣстка.—Даже слушать страшно!

— Я уже самъ не знаю, что говорю,—сказалъ Яць, опуская голову.—Но пойдемъ, пойдемъ на работу! Нужно спѣшить! Чувствую, что меня что то тревожитъ, какъ будто смерть моя уже близко, а мнѣ передъ смертью нужно сдѣлать что то великое.

Она ничего не отвѣтила, только перекрестилась при послѣднихъ словахъ. Она ясно видѣла, что съ Яцемъ творится что то неладное, но чѣмъ она могла помочь? Только на ходу она шептала молитву. Вмѣстѣ со старшей дочерью стала она къ машинѣ и потихоньку, осторожно спустила Яця въ яму, хотя тотъ изъ глубины постоянно кричалъ: „скорѣе, скорѣе!“ Старшій сынъ изо всѣхъ силъ накачивалъ свѣжій воздухъ.

Опустивши Яця, она пошла въ хату, оставивъ дѣтей однихъ. Потомъ Яць нашелъ способъ обходиться и безъ ея помощи. Онъ самъ на особенномъ канатѣ вытаскивалъ вверхъ ведро, дѣти высыпали изъ него накопанную глину и снова опускали внизъ Яць придумывалъ всевозможныя средства, чтобы дѣти не упали въ яму. Объ этомъ мать не безпокоилась. Работа подвигалась. Яць работалъ черезъ силу, отбивая заостреннымъ молоткомъ куски камня. Ведро за ведромъ вытаскивалъ онъ вверхъ, не заботясь о свѣжемъ воздухѣ, такъ какъ дѣти работали исправно. Если бы показалась нефть, Яць рѣшилъ не ждать, пока дѣти призовутъ мать, а самому выкарабкаться по

брусьямъ на нѣсколько сажень и тамъ уже ждать, такъ какъ вдругъ выступившая нефть могла его залить и задушить. Но нефть не показывалась. Яць послѣ долгой работы страшно ослабѣлъ, чувствовалъ острую боль въ поясницѣ, ему не хватало свѣжаго воздуха, въ вискахъ стучало и голова кружилась.

— А что, можетъ быть, обморокъ предвѣщаетъ кипячку?— подумалъ обрадованный Яць и дернулъ три раза за шнурокъ отъ звонка. Это было знакомъ для дѣтей звать мать и тащить его наверхъ.

— Ну что? Есть, будетъ?—спрашивала нетерпѣливо невѣстка, когда Яць, стоя въ ведрѣ, показался изъ темныхъ нѣдръ ямы.

— Слава Богу, кажется, что будетъ,—отвѣтилъ Яць, тяжело дыша и съ трудомъ вылѣзая.

Его отвязали, повели домой, накормили и онъ легъ спать. Но надежда оказалась преждевременной. Воздухъ былъ удушливъ, но нефть не показалась. Безпокойство и ожиданіе Яця усилились. Отдохнувши немного, онъ сталъ настаивать, чтобы его снова опустили въ яму, но невѣстка ни за что не соглашалась на это.

— Сами себя замучите, куме!—говорила она.—Отдохните лучше, соберитесь съ силами. Яма не убѣжитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, надо кончить скорѣе!—настаивалъ Яць.— Что вамъ изъ того, что вы будете меня мучить? Вѣдь я и такъ не могу ни сидѣть, ни лежать на одномъ мѣстѣ. Лучше спустите меня въ яму.

Она едва упросила его подождать до полудня. Такъ прошло два дня. Яць за эти дни постарѣлъ на десять лѣтъ, сгорбился, посѣдѣлъ, лицо его покрылось морщинами. Только сѣрые глаза его горѣли огнемъ, а энергія не только не уменьшалась, но росла съ каждымъ днемъ. Сонъ совсѣмъ покинулъ его. Только днемъ, утомленный работой, онъ засыпалъ на минуту.

Вдругъ на третій день случилось несчастье, котораго онъ наименѣе ожидалъ. Въ полдень, когда Яць съ дѣтьми только что пообѣдалъ, а хозяйка разостлала солому, чтобы Яць могъ отдохнуть, влетѣлъ въ избу шуринъ-пьяница.

— А, вотъ гдѣ нахожу свою жиночку!—крикнулъ онъ, и, не говоря больше ни слова, ударилъ остолбенѣвшую жену кулакомъ такъ сильно, что та, обливаясь кровью, упала на землю.

Цѣлый часъ въ хатѣ свирѣпствовала буря. Раздавались удары, слышенъ былъ плачъ и крикъ дѣтей, стоны женщины, трескъ разбиваемой посуды и вопли Яця. Досталось довольно и на долю Яця, но тотъ съумѣлъ обороniться и далъ шурину нѣсколько удачныхъ тумаковъ, которые значительно охладили пылъ нападающаго.

Побоище окончилось и наступило печальное прощанье. Бѣдная женщина, забравъ своихъ дѣтей и все добро, простилась съ гостепріимнымъ жилищемъ Яця. Мужъ ея, проклиная все и всѣхъ, плелся позади плачущаго и избитаго семейства. Яць остался одинъ, безъ силъ, безъ средствъ, безъ надежды...

Что это такое было? Откуда налетѣла эта буря? Былъ ли это страшный сонъ или дѣйствительность?—Этого онъ не зналъ. Онъ чувствовалъ только шумъ въ головѣ и страшную боль во всемъ тѣлѣ; глаза закрывались, сознаніе терялось. Не помня когда и какъ, Яць заперъ дверь и заснулъ на соломѣ посреди хаты.

Проснулся онъ на зарѣ. Свѣтало. Яць поспѣшно всталъ, съ трудомъ припоминая, что съ нимъ было и что ему нужно дѣлать. Первой мыслью его было: нѣтъ ли чего въ ямѣ? Онъ бросился за кожухомъ и только теперь ясно представилось ему его положеніе.

— Боже мой! Вѣдь я теперь одинъ одинехонекъ, какъ былина въ полѣ. Что же мнѣ дѣлать?

Въ нѣмомъ ужасѣ стоялъ бѣднякъ, ломая руки. Ему казалось, что онъ летитъ въ бездонную пропасть и напрасно старается ухватиться за что нибудь. Но источникъ его надеждъ еще не былъ исчерпанъ. Въ его больной фантазіи начали рисоваться самыя счастливыя перемѣны судьбы; на одномъ незначительномъ словѣ, „а можетъ“ строились воздушные замки. Упоенный этими фантазіями, Яць натянулъ на себя кожухъ, взялъ лампу и пробный камень, привязанный къ шнурку, и пошелъ къ ямѣ. Онъ шелъ или вѣрнѣе бѣжалъ, подталкиваемый какою

то невидимою силой. Отворилъ дверцы, заглянулъ въ яму—темно! Спустилъ шнурокъ съ камнемъ, камень нескоро упалъ съ легкимъ стукомъ на сырое каменистое дно. Яць вытянулъ его. камень былъ сухъ, нефти не было и слѣда. У Яця опустились руки.

Теперь только почувствовалъ онъ свою безпомощность, свое безсиліе. Къ чему были его труды, мученія? Къ чему зарылъ онъ въ эти проклятыя ямы все, что имѣлъ: здоровье, силу, деньги? Видно, доля не для всѣхъ одинакова: то, что Юдкѣ достается легко, для него недостижимо, какъ для маленькаго червяка. Отчего такая ужасная несправедливость? Яць чувствовалъ, что что то бурлитъ въ его груди, подступаетъ къ горлу, спираетъ дыханіе... Съ минуту стоялъ онъ, нѣмой, полуживой, посинѣвшій, словно боролся съ невидимымъ врагомъ; потомъ онъ упалъ на землю, грызъ ее зубами, билъ кулаками и кричалъ безумнымъ голосомъ:

— На, на тебѣ, проклятая! Вотъ тебѣ, измѣнница!

Утомленный онъ лежалъ нѣсколько мгновеній, потомъ поднялся на колѣни и, обращаясь къ сѣрому, покрытому тучами небу, крикнулъ:

— Боже, Боже! Въ чемъ я виноватъ передъ тобою? За что ты меня такъ тяжко караешь? На долю жидовъ, пьявокъ людскихъ, выпадаетъ добро, а на мою долю одно горе! Боже, Ты все видишь! Неужели это Твоя святая воля?

Онъ притихъ, тяжело переводя духъ, облегченный, будто тяжелый камень спалъ съ его плечъ. Онъ не успокоился, только нервы его на минуту отупѣли отъ чрезмѣрныхъ страданій.

— Что же мнѣ, несчастному, дѣлать? Съ чего начать?—плаксиво причиталъ онъ, присѣвъ на землю и обхвативъ голову руками.—Кинуться ли стремглавъ въ эту проклятую яму и положить конецъ своему житью? Вѣдь ничего лучшаго мнѣ уже не остается? *Ой земле, матинко*, прими меня къ себѣ, пусть я не буду больше здѣсь мучиться!

И обливаясь слезами, съ распростертыми руками, Яць припалъ къ землѣ и замеръ. Только вздрагиванье тѣла показывало, что это не трупъ, а живой человѣкъ.

Вдругъ онъ вскочилъ, точно ужаленный. Что это? Сонъ? Или игра его больной фантазіи? Сознаніе его притупилось, обезсилѣло. Но нѣтъ, то не воображеніе. Яць дрожалъ съ головы до ногъ въ неописанномъ безпокойствѣ. Долго стоялъ онъ, протирая глаза; потомъ схватилъ пробный камень и спустилъ. И снова камень съ глухимъ стукомъ упалъ на сухое дно. Яць вытянулъ его, осмотрѣлъ. Сухой! Значитъ, и на этотъ разъ обманъ! Значитъ, то бурчанье, которое онъ слышалъ такъ ясно, когда лежалъ на землѣ было обманчиво, было диковинной насмѣшкой судьбы надъ его несчастьемъ! Будь проклята доля! Прощай свѣтъ! Прощай горькое житье!

Яць сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ, чтобы разогнаться и прыгнуть въ яму. Но что это? Едва удалился онъ отъ ямы, какъ услыхалъ то же самое тихое бурчанье. Онъ напрягъ слухъ... Такъ и есть. Бурчанье не было созданіемъ его фантазіи. Яць сдѣлалъ еще шага два назадъ—слышно яснѣе. Въ ту же самую минуту ему ударилъ въ носъ крѣпкій запахъ нефтяныхъ паровъ. Что же это? Откуда? Онъ оглянулся кругомъ. Боже! Вѣдь онъ стоитъ возлѣ старой, забитой и заложенной дерномъ ямы.

Однимъ прыжкомъ Яць былъ на самой ямѣ. Густой туманъ паровъ поднимался изъ подъ дерна и громкое бурленье подъ землей убѣдило его, что цѣль его достигнута, кладъ найденъ тамъ, гдѣ онъ наименѣе ожидалъ его.

Но Яць еще не вѣрилъ самъ себѣ. Дрожа, снялъ онъ кожухъ и, стоя на колѣняхъ, началъ срывать дернъ, разбрасывать глину и руками вытаскивать брусья, которыми была забита яма. Съ лихорадочною поспѣшностью, собравъ послѣднія силы, онъ отвалилъ одинъ брусъ. Солнце, поднявшееся невысоко надъ землей, искоса заглянуло въ яму; его лучи, какъ въ зеркалѣ, отразились на черной металлической поверхности нефтяной гущи, которая наполняла яму до краевъ.

Что Яць въ эту минуту не сошелъ съ ума и не упалъ отъ радости въ яму—было чудомъ. Очевидно, онъ самъ почувствовалъ, что съ нимъ можетъ случиться что нибудь подобное. Облитый холоднымъ потомъ, онъ отскочилъ въ сторону отъ темнаго отверстія ямы, будто искалъ безопаснаго мѣста, заглянувъ

такъ близко въ глаза страшной загадкѣ бытія. Но минута остолбенѣнія прошла; Яць бросился къ другой ямѣ, раскопалъ ее, открылъ—полна! Къ третьей—тоже самое! Значитъ, не пустыми были тѣ сны, въ которыхъ ему постоянно что то шептало: есть. есть желанный кладъ! Только его собственная слѣпота причинила ему столько мукъ. А тѣ проклятія, укоры судьбѣ, не пали ли они на его собственную голову?

Но нѣтъ! Прочь черныя мысли! Цѣль достигнута! Кладъ найденъ! Цѣною здоровья, страданій, мученій, униженій, но найденъ! Что съ нимъ теперь дѣлать? Объ этомъ Яць не думалъ: дальше видно будетъ.

Заранѣе, въ безсонныя ночи онъ обдумалъ все дѣло, и теперь побѣжалъ прямо къ Мендлю. Онъ засталъ жида торгующимся съ работниками. Не поздоровавшись, не говоря ни слова, онъ схватилъ Мендля за плечи и потащилъ за собою.

— Ны, что это такое?—кричалъ Мендель.—Яцю, вы съ ума сошли? Чего вы хотите отъ меня?

— Иди, иди!—охрипшимъ, запыхавшимся голосомъ отвѣчалъ Яць, не выпуская его изъ рукъ.

— Куда? Зачѣмъ?—спрашивалъ Мендель.

— Иди, иди, самъ увидишь!—вопилъ Яць и тащилъ его далѣе, спотыкаясь о груды глины и камни и не обращая на это вниманія. Мендель сначала упирался, но Яць не пускалъ его. Потомъ жидъ догадался, что вѣроятно случилось что нибудь особенное, и пошелъ охотно. Яць ускорилъ шагъ. Перегоняя другъ друга, они подошли къ первой ямѣ.

— *Ади!*

Еще Мендель не пришелъ въ себя, а Яць уже тянулъ его къ другой.

— Ади!

И снова дальше къ третьей ямѣ.

— Ади!

Мендель остолбенѣлъ.

Яць, обезсиленный, упалъ на землю, тяжело переводя духъ, не будучи въ состояніи сказать и двухъ словъ. Добрые полчаса продолжалось молчаніе.

— Ну, и чтожь?—сказалъ наконецъ Мендель, обращаясь къ Яцю.

— Купи! отвѣтилъ коротко тотъ.

— А сколько хотите?

— Милліонъ!

— Опомнитесь, Яцю! Что вы говорите? Кто вамъ дастъ милліонъ?

— Ты дашь.

— Да знаете ли вы, что такое милліонъ? Сколько это денегъ?

— Знаю, что много. А какъ буду, имѣть ихъ въ рукахъ, то и посчитать ихъ съумѣю. А ты думалъ, что я тебѣ даромъ отдамъ?

— Я не хочу даромъ, а говорите человѣческую цѣну?

— Милліонъ.

Жидъ засмѣялся.

— Ну что съ нимъ говорить? Заучилъ на память одно слово и твердитъ. Вѣдь откуда же, Яцю, я вамъ возьму милліонъ?

— Это твое дѣло.

— А что же вы съ нимъ сдѣлаете?

— Это мое дѣло.

Жидъ снова захохоталъ. Но вдругъ счастливая мысль пришла ему въ голову. Онъ сразу сдѣлался серьезнымъ.

— Ну, знаете что, Яцю?—сказалъ онъ, приближаясь.— Вижу, что вы не такой человѣкъ, чтобы съ вами шутить, пускай будетъ Божья воля. Дамъ вамъ милліонъ за ваши ямы.

— Я такъ и зналъ, что дашь,—спокойно отвѣтилъ Яць.

— Но уже за всѣ четыре?

— Разумѣется.

— И за весь остатокъ грунту?

— А то какъ же?

— Такъ идти за писаремъ и свидѣтелями?

— Иди!

Въ полдень хата Яца была наполнена народомъ. Мендель велѣлъ поставить наскоро сколоченные столы и лавки. На нихъ

усѣлось не мало людей: жиды, мужики—это были свидѣтели. А новые все прибывали.

Въ Бориславлѣ быстро разнеслась вѣсть, что Зеленуга вырылъ три ямы нефти и продаетъ жиду за милліонъ. Жиды улыбались, крестьяне вздыхали, крестились и думали о томъ, что будетъ дѣлать съ такими большими деньгами одинокій, старый, ошеломленный Яцъ. И всѣ сбѣгались въ его хатѣ, разсчитывая на угощеніе.

Всѣ собравшіеся притихли. За столомъ сидѣли: староста, старшій церковный братъ и присяжный [1])—это были главные свидѣтели. Панъ писарь только что окончилъ составленіе контракта и крякнулъ въ знакъ того, что желаетъ начать чтеніе. Яцъ стоялъ противъ писаря, желтый, какъ воскъ, съ пылающими глазами и смотрѣлъ на него въ упоръ.

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь!—началъ рѣзкимъ голосомъ писарь и всѣ присутствовавшіе крестьяне набожно перекрестились.—Я нижеподписавшійся владѣлецъ Яцъ Зеленуга, въ присутствіи свидѣтелей: пана войта [2]) бориславскаго Якима Дуригроша, пана присяжнаго Олексы Бовши и пана старшаго брата Гриця Тумана, заключаю съ присутствующимъ здѣсь Менделемъ Ляпменлихтомъ слѣдующее условіе: продаю я Мендлю землю мою отцовскую, граничащую съ землей того же Мендля, мѣрою два морга, вмѣстѣ съ находящимися на ней нефтяными ямами и передаю эту землю тутъ же, при свидѣтеляхъ, упомянутому Мендлю въ вѣчное и потомственное владѣніе. А Мендель обязуется до принятія во владѣніе земли уплатить мнѣ при тѣхъ же свидѣтеляхъ цѣну покупки—милліонъ... валюты австрійской...

— Чего, чего?—прервалъ чтеніе Яцъ.

— Валюты австрійской,—повторилъ писарь.—Это значитъ, денегъ австрійскихъ, цесарскихъ, понимаете?

— А, понимаю! Ну, это само собою разумѣется, иными деньгами я не принимаю. Ну, читайте дальше!

---

[1]) Десятскій.

[2]) Староста.

Дальнѣйшее чтеніе окончилось скоро. Контрактъ, разумѣется, и Яць, и свидѣтели подписали, поставивъ вмѣсто имени и фамиліи крестъ.

Тогда выступилъ Мендель и выложилъ на столъ цѣлый мѣшокъ денегъ, развязалъ его и началъ вынимать пачки ассигнацій. Каждая пачка состояла изъ мелкихъ бумажекъ—*шустаківъ* [1]) или гульденовъ, перевязанныхъ ниткой.

— Тутъ сто, тутъ сто, тутъ сто!—машинально произносилъ жидъ, бросая ихъ одну на другую, такъ что у многихъ даже духъ захватило. Наконецъ, онъ опорожнилъ мѣшокъ.

— Вотъ вамъ вашъ милліонъ, пане Яцю!—сказалъ Мендель, свысока поглядывая на него.

Яць стоялъ ошеломленный. Столько денегъ онъ не видѣлъ за всю свою жизнь, а теперь все это принадлежало ему.

— Гм... А кто знаетъ, хорошо ли это посчитано?—сказалъ онъ, опомнившись.—Надо бы пересчитать.

— Я присягну, что хорошо считано,—отвѣтилъ Мендель.—Ну, вы можете себѣ не вѣрить, это ваше дѣло, только что милліонъ не такъ легко пересчитать, какъ вамъ кажется. А чтобы вы на меня не претендовали, что я васъ обманулъ, я вамъ скажу вотъ что: положите эти деньги въ мѣшокъ и запечатаемъ ихъ при свидѣтеляхъ, и пусть назначатъ кого угодно изъ громады, чтобы помогъ вамъ пересчитать. А если хоть одного римскаго не хватитъ, то я обязываюсь за одинъ дать вамъ десять.

— Хорошо, хорошо!—закричали свидѣтели.—Вотъ видно, что честный жидъ, не хочетъ вашей кривды, пане Яцю!

— Согласенъ на это, но мѣшокъ съ деньгами долженъ остаться въ моихъ рукахъ.

— А конечно!—подхватилъ Мендель.—Вѣдь деньги ваши!

И быстро сложивши всѣ пачки въ мѣшокъ, Мендель запечаталъ его съ обѣихъ сторонъ большой громадской печатью, которую войтъ всегда носилъ при себѣ, въ голенищѣ.

— Ну, это дѣло кончено, куме Яцю! Теперь ваша очередь сдать Мендлю землю и ямы. Всѣ встали и вышли изъ

[1]) 10 крейцеровъ. Прежде были бумажные, теперь серебряные.

хаты. Врučивши землю Мендлю, Яць успокоился. Началось угощеніе и на жида посыпались благодарности за его гостепріимство. Угощеніе затянулось до поздней ночи. Только панъ писарь, отдавъ жиду контрактъ и пошептавшись съ нимъ о чемъ то въ сѣняхъ, ушелъ до начала попойки. У него сегодня было еще много дѣла, къ тому же онъ чувствовалъ угрызенія совѣсти. Правда, что онъ хорошо заработалъ: сверхъ обычныхъ пяти римскихъ *„видъ руки"*, онъ получилъ еще отъ Мендля сто римскихъ за самую пустую мелочь.

Но чортъ его знаетъ, не выйдетъ ли изъ этого что нибудь крупное? Вѣдь дѣло идетъ объ очень большихъ суммахъ. Мендель увѣрялъ его, что тутъ нечего бояться, на то онъ и свидѣтелей такъ много собралъ, всѣ были трезвы, слѣдовательно о подложности документа никому и въ голову не придетъ, такъ что даже и у нотаріуса не надо его свидѣтельствовать. Да, если бы все это было такъ! Но вѣдь *лыхо не спыть*, а жиду развѣ можно повѣрить!

Несмотря на увѣренія Мендля, панъ писарь былъ неспокоенъ и поспѣшилъ уйти оттуда, гдѣ изъ-за сто-гульденовой бумажки допустилъ такую... бездѣлицу. Вся механика состояла вотъ въ чемъ: между словами „милліонъ" и „валюты" въ контрактѣ онъ написалъ, а при чтеніи пропустилъ одно единственное слово „крейцеровъ". Правда, это одно словцо изъ громкаго милліона дѣлало десять тысячъ гульденовъ, ну, да и этого слишкомъ много для такого глупаго мужика, какъ Яць,— думалъ писарь. Едва ли и съ такой суммой онъ справится. А между тѣмъ Яць торжествовалъ, что имѣетъ милліонъ. Что съ нимъ сдѣлать—объ этомъ будетъ время подумать завтра, послѣзавтра. Теперь же счастье въ его рукахъ. Этотъ мѣшокъ съ деньгами—основа всѣхъ его надеждъ. Милліонъ! Вѣдь это огромное состояніе, о которомъ только въ сказкѣ говорится.

Была уже глубокая ночь, когда отъ Яця вышли послѣдніе гости—войтъ, присяжный и старшій братъ. За ихъ здоровье Яць долженъ былъ выпить нѣсколько чарокъ сладкой водки, которую жидъ принесъ по уходѣ прочихъ. И самъ Мендель, отдавъ Яцю остатокъ водки, простился съ нимъ и пошелъ домой.

Когда всѣ гости разошлись, Яць почувствовалъ себя такимъ счастливымъ, здоровымъ, какъ никогда. Какая то пріятная теплота разлилась у него по всему тѣлу. Не осталось и слѣда недавней горячки. Онъ сидѣлъ на скамьѣ, облокотившись на столъ и сжимая въ своихъ объятіяхъ осуществившіяся мечты—милліонъ, который лежитъ вотъ тутъ въ запечатанномъ мѣшкѣ. Яць улыбался и произносилъ какія то несвязныя слова, старался что то припомнить и не могъ. Наконецъ онъ вспомнилъ, что надо запереть дверь, но не имѣлъ уже силъ встать.

— Э, что тамъ двери!—подумалъ онъ.—У меня милліонъ, милліонъ!

И при послѣднихъ словахъ онъ склонилъ голову на мѣшокъ и заснулъ. На стулѣ, противъ Яця, стоялъ *каганецъ*, напрасно силившійся заглянуть ему въ глаза своимъ колеблющимся свѣтомъ.

Вдругъ, нѣсколько минутъ спустя, тихо отворилась дверь и, осторожно ступая босыми ногами, вошелъ Мендель.

Онъ подошелъ къ спящему, осмотрѣлъ его и, спокойно поднявъ его локти, вынулъ мѣшокъ, всунувъ вмѣсто него лежавшее тутъ же круглое полѣно.

Съ мѣшкомъ подъ мышкой онъ направился къ двери, но тотчасъ же вернулся, взялъ со стола каганецъ и поставилъ его на землю, гдѣ со вчерашняго дня лежалъ разостланный снопъ соломы. Куча соломы лежала и подъ скамьей, на которой сидѣлъ Яць.

— Такъ лучше будетъ,—прошепталъ жидъ.—Слѣда не останется.

И онъ поспѣшно вышелъ изъ хаты, замкнулъ въ сѣняхъ переднія двери, потомъ направился къ заднимъ, вышелъ на дворъ и засунулъ задвижку при помощи шнурка, привязаннаго къ ней и протянутаго сквозь дырку въ стѣнѣ наружу. Засунувъ задвижку, Мендель оборвалъ шнурокъ, такъ что каждому казалось, будто дверь заперта изнутри. Потомъ онъ исчезъ во тьмѣ.

— Осторожнѣе съ огнемъ!—кричалъ протяжнымъ голосомъ сторожъ, проходя по улицамъ. Вдругъ онъ взглянулъ на хижину, что стояла шагахъ въ ста въ сторонѣ отъ дороги.

— Что это тамъ старый хрѣнъ дѣлаетъ?—подумалъ онъ.— Неужели печь топитъ въ такую позднюю пору?

Но въ ту же минуту мысли его были прерваны.

Сильный свѣтъ, который наполнялъ жилище Яця, вдругъ прорвался огненными кровавыми языками на крышу сквозь окна и двери, охвативъ всю избу, запылавшую, какъ восковая свѣча.

— Горитъ, горитъ!—закричалъ во все горло сторожъ и побѣжалъ къ колокольнѣ, чтобы ударить на пожаръ.

На другой день толпа снова стояла у жилища Яця Зеленуги, но вмѣсто хаты было только черное пепелище. Одна глиняная четырехугольная печь бѣлѣлась среди печальныхъ руинъ. Изъ подъ нея вытащили на половину обгорѣвшій трупъ Яця. Очевидно, покойный, проснувшись среди огня, хотѣлъ спрятаться подъ печь, но не успѣлъ этого сдѣлать. Онъ влѣзъ только до половины; ноги и нижняя часть туловища сдѣлались жертвой огня. Зато лицо, прижатое къ землѣ, и руки были невредимы. Въ рукахъ, вмѣсто мѣшка съ деньгами, Яць держалъ толстое полѣно.

— Несчастный!—думали люди.—Вѣрно задремалъ надъ деньгами и столкнулъ каганецъ со стола на солому, а когда проснулся, то въ безпамятствѣ, вмѣсто того, чтобы спасать деньги, схватилъ полѣно. А деньги всѣ сгорѣли. Такъ видно самъ Богъ не давалъ ему счастья съ этимъ кладомъ!

А трупъ Зеленуги лежалъ среди двора, сжимая и послѣ смерти полѣно такъ сильно, что его съ трудомъ могли вынуть. Его посинѣвшее лицо съ выраженіемъ испуга было обращено къ небу и казалось, будто сквозь судорожно стиснутые зубы вотъ-вотъ вырвется горькая жалоба.

Миронъ.

Сынъ Гетмана.[1)]

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго.

ГЛАВА IV.

У канцлера.

Стояла тихая, погожая весна 1646 года. Сады Варшавы цвѣли и благоухали; кокетливыя варшавянки ходили на легкѣ безъ тяжелой, неуклюжей зимней одежды, щеголяя высокими красивыми сапожками на каблукахъ. По одной изъ главныхъ улицъ ѣхалъ знакомый намъ сотникъ Богданъ рядомъ съ молодымъ статнымъ козакомъ, въ которомъ трудно было узнать маленькаго неуклюжаго Тимоша.

— Какъ долго ты не ѣхалъ! говорилъ Тимошъ: мы тебя ждемъ уже цѣлую недѣлю. Король ужъ не разъ присылалъ о тебѣ справляться; всѣ полковники уже съѣхались.

— Нельзя было, Тимошъ, никакъ нельзя было. Французы народъ хитрый; переговоры съ ними вести куда какъ трудно, а своихъ мнѣ тоже не хотѣлось обидѣть; изъ-за каждаго гроша торговля... Ну, а у насъ что новаго? Ты изъ Бродъ?

— Нѣтъ, домой заѣзжалъ.

— А что дома? Всѣ здоровы? Что дивчата? Что Марина?

— Что имъ дѣлается—лаконически отвѣчалъ Тимошъ.— Вотъ въ Бродахъ, татко, такъ новость: панъ коронный гетманъ умеръ.

[1)] См. „Кіевская Старина“ 1890 г., № 5.

— Что, кто? въ испугѣ переспросилъ Богданъ.

— Да, панъ гетманъ.

— Вѣдь онъ недавно женился?

— Женился, — подтвердилъ Тимошъ, — такой добрый, веселый былъ, да вдругъ взялъ да и умеръ.

— Вотъ что не добре, такъ не добре! въ раздумьѣ проговорилъ Богданъ. Теперь и намъ, сынку, хуже станетъ.

— Теперь подстароста Чаплинскій всѣмъ распоряжается.

— Эхъ, не добре! съ досадою проговорилъ Богданъ. Надо мнѣ скорѣе на поклонъ къ новому старостѣ явиться. Гдѣ онъ теперь?

— Здѣсь, въ Варшавѣ. Я съ нимъ и пріѣхалъ. Какъ ты мнѣ велѣлъ, такъ я и сдѣлалъ; академію кончилъ и пріѣхалъ тебя встрѣчать.

— Слышалъ, слышалъ про твои успѣхи въ наукахъ. Ректоръ не разъ мнѣ на тебя жаловался, — съ укоризною замѣтилъ Богданъ. Въ дебошахъ ты былъ первымъ, а въ наукѣ чуть не послѣднимъ. Не по моему это, сынку! я въ юности учился хорошо, зато и теперь отъ пановъ почетъ.

Тимошъ смутился.

— Никакъ нельзя, татко; безъ бурсацкихъ набѣговъ и шалостей, чѣмъ бы бурсаки и живы были? Академія бѣдная, живи впроголодь, да еще долби латынь; тутъ никакая наука впрокъ не пойдетъ!

— Ну, добре! Что прошло, того не воротить, — махнувъ рукою, сказалъ Богданъ. А теперь ужъ не до науки. Что слышно въ Варшавѣ? Зачѣмъ король козаковъ требуетъ?

— Слухи ходятъ, а навѣрное никто ничего не знаетъ. Говорятъ, хочетъ послать на турокъ.

— Вотъ что! протянулъ Богданъ. Ну, а кто изъ полковниковъ пріѣхалъ?

— Нестеренко, Барабашъ, Ильяшъ.

— Ильяшъ-то, вотъ это плохо! Кто его подсунулъ.

— Извѣстно кто: покойный коронный гетманъ. Вѣдь, онъ у него чуть не первымъ лицомъ былъ!

— А развѣ панъ гетманъ тоже стоялъ за войну съ Турціею?

— Какъ же! онъ, да панъ канцлеръ коронный, да итальянцы.

— Какіе итальянцы?

— Да развѣ ты не слыхалъ? съ удивленіемъ спросилъ Тимошъ. Все это дѣло затѣялъ венеціанскій посолъ; а ему при дворѣ помогаетъ секретарь молодой королевы, да музыкантишка, да камердинеръ. Эти италіанцы, говорятъ, весь дворъ оплели.

— Гмъ! въ раздумьѣ проговорилъ Богданъ. Надо принять это къ свѣдѣнію. Надо сегодня же повидаться съ паномъ коронным канцлеромъ.

— Панъ канцлеръ теперь сильно занятъ, замѣтилъ Тимошъ.

— А что?

— Выдаетъ дочь замужъ.

— За кого?

— За молодаго Калиновскаго.

— Эге-ге! протянулъ Богданъ. Значитъ, теперь панъ воевода въ польные гетманы проскочитъ; надо къ нему забѣжать. Ну, а что другіе паны, согласны съ королемъ?

— Никто еще ничего не знаетъ. Панъ канцлеръ со своими италіанцами, какъ вьюнъ, вьется.

— Да, ты може брешешь? съ недовѣріемъ возразилъ Богданъ. Если никто не знаетъ, такъ откуда же ты то узналъ?

— Такъ, вѣдь, я не панъ, а козакъ. Панамъ знать не должно, а козакамъ можно. Съ польнымъ гетманомъ уже снеслись, и листы приповѣдные готовы, только печать приложить.

— Такъ ужъ если до этого дошло, то не можетъ быть, чтобы никто изъ пановъ не зналъ? возразилъ Богданъ.

— Вчера я слышалъ, что пронюхалъ про это великій канцлеръ литовскій.

— Ну, и что же?

— Не знаю. Говорятъ, ѣдетъ сюда.

— А еще кто здѣсь есть?

— Да всѣ почти: и Радзивиллы, и Сапѣги, и Любомирскіе, и Вишневецкіе и Опалинскіе; про нашего старосту я уже тебѣ говорилъ; панъ Калиновскій, конечно, здѣсь, а панъ Потоцкій на дняхъ пріѣдетъ.

— А когда назначена свадьба?

— Недѣли черезъ двѣ, въ двадцатыхъ числахъ мая.

Всадники въ это время подъѣхали ко дворцу великаго канцлера, гдѣ Богданъ разсчитывалъ найти временный пріютъ. Едва только успѣли они отдохнуть съ дороги, какъ уже панъ канцлеръ прислалъ за нимъ своего пажа. Богданъ наскоро умылся, одѣлся и отправился по широкимъ лѣстницамъ дворца въ рабочій кабинетъ канцлера. Панъ Оссолинскій любилъ роскошь и щеголялъ ею передъ родовитыми панами, передъ которыми невольно чувствовалъ свое ничтожество. Генеалогическое дерево не могло похвалиться вѣтвями и подъ его тѣнью нельзя было укрыться отъ насмѣшекъ такихъ родовитыхъ пановъ, какъ Любомирскіе, Вишневецкіе, Радзивиллы. Его вліянію на короля всѣ завидовали и зло подсмѣивались надъ его стремленіемъ изобрѣсти небывалыхъ знаменитыхъ предковъ, не записанныхъ ни въ одну родословную книгу.

Богданъ смѣло и увѣренно шелъ по мозаичному полу, покрытому дорогими коврами, съ удовольствіемъ посматривая на драгоцѣнныя бронзы, прекрасныя картины, преимущественно италіанскихъ мастеровъ, и мраморныя статуи, выглядывавшія изъ темныхъ нишъ большаго зала. Онъ далъ знакъ лакею не слѣдовать за нимъ и съ увѣренностью человѣка, знающаго всѣ ходы и выходы въ канцлерскомъ дворцѣ, прошелъ длинную амфиладу парадныхъ комнатъ, завернулъ въ корридоръ и смѣло постучалъ въ дверь.

— Войдите! послышался голосъ канцлера.

Богданъ отворилъ дверь и вошелъ въ небольшой кабинетъ съ массивнымъ письменнымъ столомъ и высокими шкафами, заключавшими въ себѣ обширную библіотеку канцлера. Панъ канцлеръ кивнулъ ему головой на его низкій поклонъ и знакомъ пригласилъ его сѣсть. Они совѣщались часа два и, наконецъ, вставая въ знакъ того, что аудіенція кончена, панъ Оссолинскій сказалъ:

— Панъ сотникъ, конечно, остановится у меня и воспользуется моимъ гостепріимствомъ. Аудіенція у короля состоится на дняхъ; и затѣмъ я попросилъ бы пана сотника и его товарищей выждать окончанія переговоровъ. Наше дѣло трудное;

надо еще склонить пановъ, а къ этому представляется теперь случай, такъ какъ вся именитая Польша съѣдется на бракосочетаніе дочери моей Урсулы съ паномъ Самуиломъ Калиновскимъ.

— Осмѣливаюсь поздравить пана короннаго канцлера съ семейнымъ торжествомъ,—съ низкимъ поклономъ проговорилъ Богданъ—и принести ему мою почтительную благодарность за его милость; но я здѣсь не одинъ, мнѣ на встрѣчу выѣхалъ сынъ мой Тимошъ.

— А, протянулъ Оссолинскій: это тотъ бѣдовый запорожецъ? Ну, чтожъ? пусть потрется между панами, это послужитъ ему въ пользу, а наши панночки укротятъ его буйный нравъ.

— Не смѣю ослушаться пана великаго канцлера, проговорилъ Богданъ нерѣшительно и снова низко кланяясь. Но мой птенецъ еще истый бурсакъ и совсѣмъ не былъ въ образованномъ обществѣ; онъ будетъ плохимъ гостемъ вашей свѣтлости.

— Ничего! снисходительно возразилъ канцлеръ. Пооботрется, пріобрѣтетъ лоскъ! А панночкамъ будетъ любо увидѣть бурсака: имъ ужъ наши раздушенные паны порядкомъ надоѣли. Прошу милости ко мнѣ откушать сегодня,—прибавилъ онъ,—и съ сыномъ. Дочь у меня бойкая, она его живо воспитаетъ.

Богданъ не мечталъ о такой чести. Онъ даже не нашелъ что отвѣчать и, почтительно кланяясь, отретировался къ двери.

Канцлеръ же прошелъ на женскую половину и заглянулъ въ комнату дочери. Панна Урсула, невысокая, довольно полная брюнетка съ подвижнымъ лицемъ и развязными манерами, стояла у зеркала и примѣряла новый беретъ, стараясь спрятать подъ него непослушныя пряди волосъ, выбивавшіяся наружу. Панна очень гордилась своею густою шелковистою косою, да и вообще умѣла ловко пользоваться преимуществами молодости, красоты и богатаго изящества наряда.

— Рано, рано, дочка! улыбаясь замѣтилъ панъ канцлеръ, цѣлуя ея пышную нѣжную ручку. Или тебѣ надоѣла твоя коса, что ты хочешь поскорѣе ее упрятать?

Панна Урсула шутливо надула губки.

— Нѣтъ, отецъ! Но я не знаю, какъ я спрячу свою косу подъ такую маленькую шапочку. Посмотри, она совсѣмъ не лѣзетъ.

И панна кокетливымъ образомъ стала натягивать шапочку, сдѣлавъ при этомъ уморительную гримаску.

— Такъ ты отрѣжь косу-то! шутливо посовѣтовалъ отецъ.

— Вотъ еще! отозвалась панна. Тогда я буду похожа на татарку.

— Ну! тогда купи беретъ побольше

— На что это будетъ похоже? большой беретъ!

— Тогда я ужъ ничего тебѣ не могу посовѣтовать, какъ только по старомодному носить корабликъ.

— Ты все смѣешься, отецъ! протянула панна полушутливо, полусердито.

— А я пришелъ тебѣ сказать новость,—продолжалъ канцлеръ: сегодня у насъ будетъ обѣдать новый гость.

— Кто такой? съ любопытствомъ спросила панна.

— Запорожецъ, настоящій запорожецъ и при томъ бурсакъ, весело проговорилъ Оссолинскій. Особый родъ медвѣдя, котораго тебѣ придется приручить.

— Кто такой? запорожецъ? гдѣ? послышался звонкій голосъ въ дверяхъ.

И мощная фигура пани канцлеровой вплыла въ комнату, звеня браслетами, блистая кольцами и ожерельями.

Панъ канцлеръ почтительно поцѣловалъ у жены руку и проговорилъ:

— Совершенно вѣрно, ясновельможная пани! Настоящій запорожецъ, онъ чуть не съ пеленокъ бьется съ татарами, и при томъ бурсакъ, опустошавшій окрестности Бродъ.

— Гдѣ же онъ? спросила пани съ испугомъ озираясь.

— Онъ будетъ у насъ сегодня обѣдать, проговорилъ канцлеръ, забавляясь смущеніемъ женщинъ.

— Панъ Юрій всегда что-нибудь такое выдумаетъ, съ неудовольствіемъ возразила пани.

— Да! прибавилъ панъ канцлеръ, и углы его губъ слегка вздрагивали отъ смѣха: я попрошу и пани, и панну быть съ нимъ отмѣнно любезными, такъ какъ онъ и отецъ его мнѣ очень нужны.

— Зачѣмъ это пану понадобились запорожцы? сердито проворчала пани. Довольно того, что я сдѣлала два визита

этой гордянкѣ пани Радзивиллъ, довольно того, что принимаю Вишневецкихъ, которыхъ ненавижу и которые носятся со своею роднею Мнишками, какъ съ писаною торбою. Какая невидаль имѣть въ своей генеалогіи сперва любовницу, а потомъ жену самозваннаго царя.

— Пани забыла, что мы не одни! многозначительно проговорилъ отецъ, указывая глазами на дочь.

Впрочемъ Урсула, какъ благовоспитанная дѣвица, отвернулась и сдѣлала видъ, что ничего не слышала.

— Ну, что жъ такое? взволнованно продолжала пани: Урсула скоро будетъ женщиною и она можетъ знать, что есть на свѣтѣ любовницы, отравляющія семейное счастіе.

Тутъ уже панъ канцлеръ сдѣлалъ видъ, что не понялъ краснорѣчія своей супруги; улыбка на его лицѣ смѣнилась желчнымъ, раздражительнымъ выраженіемъ и, повернувшись къ двери, онъ рѣзко проговорилъ:

— Пани приметъ мои замѣчанія къ свѣдѣнію. У меня сегодня обѣдаетъ сотникъ Богданъ съ сыномъ его Тимоѳеемъ, а этого сотника самъ наияснѣйшій король удостоиваетъ своей милости; прошу сообразоваться съ моими указаніями.

Онъ вышелъ и сердито хлопнулъ дверью.

— Вотъ вы всегда такъ, ворчала Урсула; раскричитесь изъ за пустяковъ и разсердите отца. А мнѣ сегодня надо было просить его за пана Мартина, я обѣщала Самуилу, что сдѣлаю это. Какъ я теперь подступлюсь къ нему?

Пани совсѣмъ опѣшила: она была у дочери подъ башмакомъ и не выносила ея гнѣва.

— Да я же ничего, ципочка! Я только такъ! бормотала она, путаясь и запинаясь.

— Какая я вамъ ципочка! сердито крикнула та. Вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что меня еще надо нянчить. Я лучше вашего понимаю всѣ дѣла и знаю, почему отецъ ухаживаетъ за запорожцами; а вы только вездѣ напутаете и вмѣшиваетесь, гдѣ васъ не спрашиваютъ.

— Да полно тебѣ сердиться! Ну, я не буду! Ну, я приму этихъ уродовъ, страшилищъ.

— И должны принять! сердито отрѣзала дочь. Его величество король не хуже насъ; а тѣмъ болѣе, что мнѣ сегодня непремѣнно надо отца настроить такъ, какъ этого желаетъ Самуилъ.

— А эти несносныя молдаванки тоже будутъ сегодня обѣдать у насъ? нерѣшительно спросила мать.

— Конечно, будутъ, вѣдь, мы же съ вами вмѣстѣ ѣздили ихъ приглашать! нетерпѣливо проговорила Урсула.

— Да онѣ, кажется, отказались!

— Ничуть, я упросила пани Радзивиллъ, и она обѣщала непремѣнно быть вмѣстѣ съ сестрой.

— Іезусъ Марія! глубоко вздохнула пани, принимая видъ покорной жертвы. Нельзя ли, чтобы у меня сегодня разболѣлась голова? Ты одна съ ними и справляйся.

— Вамъ всегда хочется сдѣлать мнѣ непріятность! проворчала дочь. Куда какъ будетъ прилично невѣстѣ хозяйничать одной безъ матери. Вы этого и не думайте. Вотъ когда я уйду изъ дому, тогда дѣлайте, что хотите.

Пани расчувствовалась: близкая разлука съ дочерью была ея больнымъ мѣстомъ. Урсула знала, чѣмъ на нее подѣйствовать.

— Ну, хорошо, хорошо, моя пташечка! согласилась пани, поднося платокъ къ глазамъ. Я знаю, что мнѣ недолго на тебя радоваться. Не сердись только, все для тебя сдѣлаю.

ГЛАВА V.

СОПЕРНИКИ.

Въ смежной со столовой небольшой диванной кучка знатной польской молодежи ожидала выхода канцлера и его семьи. Хотя обѣдъ и назывался семейнымъ, но къ нему было приглашено человѣкъ двадцать гостей, и Тимошъ, вошедшій въ эту минуту вмѣстѣ съ Богданомъ, почувствовалъ себя неловко между блестящимъ молодымъ шляхетствомъ. Вотъ почему онъ даже обрадовался, замѣтивъ Дмитрія Вишневецкаго. Онъ дру-

желюбно протянулъ ему руку, но гордый панъ, отвѣтивъ ему кивкомъ, презрительно отвернулся.

— Кто это? спросили князя Дмитрія паны.

— Не знаю! солгалъ князь Дмитрій: козакъ какой—то.

Онъ вовсе не желалъ сообщать товарищамъ обстоятельства своего знакомства съ Тимошемъ и теперь менѣе, чѣмъ когда—либо, желалъ съ нимъ встрѣтиться.

— Однакоже онъ, кажется, знаетъ князя? проговорилъ юный Калиновскій, недолюбливавшій князя за его высокомѣріе и замѣтившій его смущеніе.—Онъ, кажется, протянулъ князю руку?

— Можетъ быть, онъ меня и видѣлъ гдѣ нибудь; эти хлопы предерзкій народъ. Я удивляюсь пану канцлеру, съ какой стати онъ пригласилъ этихъ козаковъ.

Въ эту минуту вошелъ въ комнату князь Янушъ Радзивиллъ и, поздоровавшись съ молодыми людьми, кивнулъ головою Богдану, отвѣсившему низкій поклонъ.

— Панъ гетманъ знаетъ этого сотника? съ любопытствомъ спросила молодежь.

— Да, это Богданъ Хмельницкій. Онъ только что вернулся изъ Парижа. А съ нимъ, вѣроятно, его сынъ.

— Какъ здоровье ея свѣтлости? освѣдомился кто-то изъ молодежи.

— Жена моя теперь совсѣмъ здорова, отвѣчалъ Янушъ съ поклономъ. Она на женской половинѣ вмѣстѣ со своею сестрою, пріѣхавшей къ намъ погостить.

Князь Дмитрій при этихъ словахъ вспыхнулъ.

— Домна Локсандра здѣсь, въ Варшавѣ? не удержался онъ отъ вопроса.

— Князь, кажется, несовсѣмъ равнодушенъ къ прекрасной княжнѣ? замѣтилъ Янушъ. Я помню, какъ князь Дмитрій два года тому назадъ за нею ухаживалъ; но тогда она была едва распустившійся бутонъ, а теперь... Бѣдный князь Дмитрій; что будетъ съ его сердцемъ?

— А домна Локсандра, дѣйствительно, такъ прекрасна, какъ о ней говорятъ? спросилъ одинъ изъ шляхтичей.

— О, она цвѣтетъ, какъ роза, и привѣтлива, какъ день!

восторженно сказалъ Янушъ, искоса посматривая на Вишневецкаго, пощипывавшаго свой усъ.

— Однако, панъ гетманъ слишкомъ восторженно говоритъ о свояченицѣ, шутливо замѣтилъ кто-то.

Всѣ засмѣялись. Дмитрій закусилъ губу и, угрожающе взглянулъ на Януша.

Тотъ снисходительно потрепалъ его по плечу.

— Его сіятельству не къ чему меня вызывать на поединокъ: я его соперникомъ не буду; страстныя женщины не въ моемъ вкусѣ. А слыхали про пана Тарновскаго? обратился онъ къ остальнымъ, стараясь замять разговоръ.

— Опять кого-нибудь убилъ? спросилъ молодой шляхтичъ.

— На его душѣ такъ много преступленій, продолжалъ другой, что однимъ больще—это ничего не значитъ.

— Паны знаютъ, что онъ поступилъ въ духовное званіе и получилъ санъ священника? На пасхѣ онъ пригласилъ къ себѣ своего домоваго ксендза разговляться и началъ по обыкновенію кощунствовать. Ксендзъ ушелъ, а панъ въ догонку закричалъ ему, чтобы онъ ждалъ его къ вечернѣ. Ждетъ, ждетъ ксендзъ въ церкви,—нѣтъ пана, онъ и началъ служить вечерню. Вдругъ входитъ панъ со слугами и начинаетъ тутъ же въ церкви бить ксендза батогами; ксендзъ бросился бѣжать, панъ догналъ его, прокололъ его саблей и дотѣхъ поръ сверлилъ въ ранѣ, пока тотъ не умеръ.

Послышались восклицанія и удивленія.

— Однакожъ, ужъ это слишкомъ смѣло! Это, пожалуй, дойдетъ и до сейма.

— Что-же онъ испугался, опомнился?

— Развѣ паны не знаютъ пана Тарновскаго? Онъ тутъ же, какъ ни въ чемъ не бывало, велѣлъ принести священническія одежды и самъ, въ качествѣ священнослужителя, предалъ погребенію тѣло усопшаго раба такого-то.

— Вѣдь не можетъ же это ему сойти съ рукъ? Кто же нибудь на него донесетъ.

— Кто же донесетъ? Ни вы, и ни я, и ни третій, и ни десятый; а хлопы будутъ молчать, потому что никому

изъ нихъ не желательно отправиться въ царство небесное за ксендзомъ.

— Да, страшный человѣкъ этотъ панъ Тарновскій—замѣтилъ князь Дмитрій. Я слышалъ, что онъ со своею челядью грабитъ на большой дорогѣ.

— Этого я не знаю,—замѣтилъ Янушъ. Врядъ-ли благородный шляхтичъ рѣшится на разбой.

— А правду говорятъ, что у пана великаго канцлера живетъ шляхтичъ, потомокъ того знаменитаго Богдана, который жилъ у князя Острожскаго? спросилъ князь Дмитрій.

— Какого Богдана? освѣдомился Янушъ.

— Онъ могъ съѣсть за завтракомъ цѣлаго жаренаго поросенка, гуся, двухъ каплуновъ, три ковриги хлѣба и цѣлый сыръ, а запивалъ все это двумя гарнцами меду.

Всѣ засмѣялись.

— Вотъ такъ аппетитъ! Но ужъ послѣ такого завтрака онъ, конечно, не могъ сойти съ мѣста и не обѣдалъ?

— Ни чуть не бывало! За обѣдомъ онъ съѣдалъ кусковъ десять говядины, да телятины и баранины постольку же, еще жаренаго поросенка, гуся и каплуна, не отказывался и отъ свиной туши; меду, вина и горѣлки выпивалъ гарнца четыре, а пиво—безъ счета, какъ воду.

— Ну, ужъ это совсѣмъ невѣроятно, замѣтилъ Янушъ.

— Клянусь честью, что не лгу! Мой дѣдъ и отецъ сами видѣли его у князя.

— Чтоже, онъ былъ толстъ?

— Нѣтъ, представьте, длинный и сухощавый и такой силачъ, что тридцати человѣкамъ съ нимъ было не справиться.

— И вы говорите, что внукъ этого человѣка теперь живетъ у пана канцлера?

Князь Дмитрій не успѣлъ отвѣтить, какъ дверь распахнулась, и на порогѣ показался Оссолинскій подъ руку съ княгиней Радзивиллъ и домной Локсандрой. За ними слѣдовали Урсула съ матерью и еще нѣсколько шляхтянокъ. Княгиня недавно пріѣхала въ Варшаву и почти никого еще не знала изъ присутствовавшей польской молодежи. Ея стройная, статная, величе-

ственная фигура невольно внушала уваженіе, и молодежь почтительно раскланялась съ ней, не дерзая даже цѣловать руки. Но на домнѣ Локсандрѣ сосредочились взоры всего общества. Высокая, стройная, гибкая, съ огненными взглядами, съ алыми смѣющимися губами и роскошною косою, переплетенною цвѣтами и монетами по обычаю ея страны, въ ярко-синей юбкѣ, изящно оттѣнявшей красивую бахраму передниковъ и богатое шитье бѣлой рубашки, въ шитыхъ золотомъ сапожкахъ съ переплетомъ, она являлась какою то сказочною царевной изъ „Тысячи и одной ночи".

Князь Дмитрій съ восторгомъ не спускалъ съ нея глазъ и поворачивалъ за нею голову, какъ подсолнечникъ за солнцемъ.

Желая особенно почтить нужнаго ему сотника, панъ Оссолинскій представилъ дамамъ Богдана и его сына наравнѣ съ прочими гостями; Тимошу показалось, что онъ никогда не видывалъ такой красавицы. Домна Локсандра невольно вспыхнула подъ нескромнымъ взглядомъ молодаго козака.

— Татко, прошепталъ Тимошъ, тихонько толкая отца локтемъ: и родятся же на свѣтѣ такія чаровницы! За такою дивчиною и въ огонь, и въ воду прыгнешь.

— Эге, братику! Это ты гдѣ научился дивчатъ разбирать? Въ бурсѣ, что-ли?

Тимошъ ничего не отвѣтилъ; онъ слѣдилъ глазами за подвижною княжною, говорившею въ полголоса съ княземъ Дмитріемъ.

— Татко! проговорилъ Тимошъ, а кто она такая?

— Дурню! съ досадою проворчалъ Богданъ. Это не нашего полета птица. Молдавская княжна, сестра княгини Радзивиллъ.

Тимошъ вздохнулъ и промолчалъ. Степенный дворецкій указывалъ между тѣмъ мѣста гостямъ и, къ великому удивленію и Тимоша, и самого Богдана, посадилъ его между панной Урсулой и домной Локсандрой. Боясь, не произошло ли какого либо недоразумѣнія, Богданъ тихонько спросилъ дворецкаго, туда ли велѣно было посадить его сына. Дворецкій полупрезрительно, полунасмѣшливо посмотрѣлъ на сотника.

— Я никогда не путаю приказаній! дерзко отвѣчалъ онъ. Состарѣлся на службѣ знатнымъ панамъ; свое дѣло знаю!

Панна Урсула съ лукавой усмѣшкою посматривала на своего сосѣда слѣва и украдкой шепнула что то своему жениху, сидѣвшему справа. Тотъ тоже скосился въ сторону козака и тоже усмѣхнулся. Князь Дмитрій сидѣлъ противъ, немного наискосокъ между пани хозяйкою и хорошенькою варшавянкою, дальнею родственницею пана канцлера. Но онъ мало заботился о своей сосѣдкѣ; его грызли зависть, гнѣвъ, злоба. Цѣлыхъ два года не видѣть предмета своей страсти, получать о любимой дѣвушкѣ только отрывочныя безтолковыя свѣдѣнія пана Кутнарскаго, оставшагося по настоянію князя на службѣ у молдавскаго господаря, и теперь, когда случай такъ нечаянно свелъ ихъ, издали ею любоваться, между тѣмъ какъ этотъ дерзкій козакъ сидитъ подлѣ, пьетъ ея дыханіе, смотритъ въ ея очи, можетъ говорить съ ней; это уже слишкомъ! Князь Дмитрій готовъ былъ вскочить, крикнуть, какъ ужаленный, заплакать, какъ ребенокъ.

— Князь что то невеселъ? съ кокетливою улыбкою обратилась его собесѣдница. Нездоровится князю? Я уже три раза обращалась къ нему съ вопросомъ, а онъ меня не слышитъ.

Князь Дмитрій угрюмо взглянулъ на молодую дѣвушку и въ душѣ пожелалъ ей провалиться.

— Что угодно паннѣ Францишкѣ? холодно спросилъ онъ.

— Я спрашиваю князя, нравится ли ему домна Локсандра?

— Панна слишкомъ любопытна—спокойно отвѣтилъ князь, стараясь сдѣлать видъ, что занятъ кускомъ баранины, лежавшимъ у него на тарелкѣ.

Тимошъ, очутившись среди двухъ дѣвушекъ, почувствовалъ невообразимое смущеніе. Языкъ у него точно прилипъ къ гортани, и онъ не зналъ, съ чего начать разговоръ. Пана Урсула вывела его изъ затрудненія.

— Панъ Тимошъ ужъ, кажется, былъ на Сѣчи? спросила она его, исподтишка подмигивая жениху. Видѣлъ татаръ и бился съ ними?

— Н-да, процѣдилъ Тимошъ.

Великолѣпная панна смущала его еще больше княжны; онъ чутьемъ понималъ, что она въ душѣ надъ нимъ посмѣивается.

Домна Локсандра робко подняла на него глаза.

— Я ужасно боюсь этихъ татаръ, сказала она: они часто опустошаютъ границы нашего княжества, жгутъ, рѣжутъ и калѣчатъ людей. Панъ такой молодой, неужели онъ уже бился съ ними?

Нѣжный, пѣвучій голосъ дѣвушки сразу успокоилъ Тимоша. Онъ безъ страха взглянулъ въ добрыя, глубокія глаза дѣвушки и встрѣтилъ въ нихъ столько доброжелательства, столько ласки, что живо овладѣлъ своимъ смущеніемъ и началъ описывать походъ на буджаковъ съ такимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, что заставилъ и Урсулу внимательно слушать. Щеки Локсандры разгорѣлись, она предлагала вопросъ за вопросомъ; ея живой пытливый умъ быстро схватывалъ и усваивалъ разсказъ козака, въ воображеніи ея рисовались живо степь, ширь, свобода, битвы и побѣды; въ ней заговорила албанская кровь, и ей хотѣлось самой быть козакомъ, все это видѣть и испытать самой.

— Какъ чудесно, какъ хорошо! восклицала она.

— А панъ Тимошъ хорошо ѣздитъ верхомъ? вставила Урсула.

— Не знаю, застѣнчиво отвѣчалъ Тимошъ: управлять конемъ я привыкъ съ дѣтства, а, право, я не умѣлъ бы сказать, хорошо ли я ѣзжу или нѣтъ.

— Я слышалъ про него, какъ про отличнаго, неутомимаго наѣздника, вмѣшался панъ Самуилъ. Говорятъ, онъ можетъ на всемъ скаку поднять съ земли какую угодно вещицу, будь то хоть самая мелкая монета.

— Ой, ой! удивилась Урсула. Это правда, панъ Тимошъ?

— Это вовсе не такъ трудно! отвѣчалъ Тимошъ. Этому мы, козаки, учимся отъ татаръ.

Князь Дмитрій, давно уже проклинавшій въ душѣ и краснорѣчіе соперника, овладѣвшаго вниманіемъ дѣвицъ, и явную благосклонность, оказываемую княжною этому козаку, не выдержалъ и вмѣшался въ разговоръ:

— Я бы совѣтовалъ паннамъ не слишкомъ довѣрять козацкимъ разсказамъ; хваленые подвиги хлоповъ раздуты ими же самими. А гдѣ теперь всѣ эти ихъ хваленые герои, гдѣ Павлюкъ, гдѣ Гуня, гдѣ Скиданъ, гдѣ Остряница? Одни постыдно бѣжали и пользуются милостью, служа холопами московскому

царю, другіе не избѣжали рукъ правосудія и подверглись достойной казни.

Что-то дрогнуло въ душѣ Тимоша, когда онъ глазами смѣрилъ своего противника и холодно, спокойно отвѣтилъ:

— Князю Дмитрію менѣе, чѣмъ кому либо, слѣдовало такъ выражаться о хлопахъ. Если онъ сидитъ теперь здѣсь, то этимъ онъ только обязанъ великодушію хлоповъ; а силою, кажется, онъ тоже пробовалъ съ ними мѣряться.

Князь Дмитрій никакъ не ожидалъ такого отпора. Дерзкій хлопъ напомнилъ ему то, чего онъ не любилъ вспоминать даже наединѣ съ самимъ собою. Онъ вспыхнулъ, потомъ поблѣднѣлъ и, стиснувъ зубы, пробормоталъ:

— Мы съ тобою разсчитаемся!

— А князь Дмитрій бился съ хлопами и былъ ими побѣжденъ? съ наивнымъ участіемъ спросила Вишневецкаго его красивая сосѣдка, нарочно стараясь говорить громко.

Князь уткнулся въ тарелку и пробормоталъ что то, боясь новыхъ разъясненій со стороны Тимоша.

— Бѣдный князь! проговорила неотвязчивая панна. А я думала, что онъ такой же искусный боецъ, какъ и любезный кавалеръ!

— Нельзя быть любезнымъ со всѣми въ мірѣ,—отвѣчалъ князь.

Панна съ язвительною улыбкою отвернулась отъ него и завязала разговоръ съ сосѣдомъ, сидѣвшимъ по лѣвую ея руку.

— Послѣ обѣда мы попросимъ пана канцлера позволить намъ состязаться въ скачкѣ, сказалъ Самуилъ, а прелестныя панны увѣнчаютъ побѣдителя.

— Ахъ, да! это такъ хорошо! воскликнула панна Урсула: только для этого мы поѣдемъ на нашу виллу. Не правда ли, домна Локсандра, это прелестно? Хотя вы и не увидите у насъ такой роскошной природы, какъ въ Молдавіи, а все же теплый воздухъ, немножко зелени, черешни въ цвѣту, распускающіеся розаны,—все это лучше душной городской залы.

Домна Локсандра вполнѣ согласилась со своею собесѣдницею.

ГЛАВА VI.

ПОБѢДИТЕЛЬ.

Послѣ обѣда панна Урсула, ластясь къ отцу, какъ кошка, упросила его устроить загородную прогулку. Панъ канцлеръ былъ ею доволенъ за ея любезность съ козаками и Локсандрою, и потому далъ свое согласіе; но отказался сопутствовоть молодежи, ссылаясь на дѣла. Началась веселая суматоха: дворецкому приказано взять ужинъ, причемъ будущій зять хлопоталъ, чтобы побольше взяли вина.

Богданъ отвелъ Тимоша въ сторону, не разсчитывая на приглашеніе, но панна Урсула подъ руку съ Локсандрою подошла къ нимъ и любезно сказала:

— Панъ Хмельницкій, конечно, не откажется сопутствовать намъ; мы надѣемся полюбоваться его ловкостью на скачкахъ.

Тимошъ нерѣшительно посмотрѣлъ на панну; на губахъ его уже вертѣлся отказъ, но прекрасная молдаванка вскинула на него глазами, и этотъ взглядъ точно обжегъ его съ головы до ногъ. Онъ молча поклонился въ знакъ согласія. А сотникъ, польщенный вниманіемъ, отвѣтилъ за него:

— Прекрасныя панны совсѣмъ избалуютъ моего бурсака.

— Если всѣ бурсаки такіе интересные, бойко отвѣтила Урсула, то я бы хотѣла познакомиться со всею бурсою. Не правда-ли, княжна? прибавила она, сбоку взглянувъ на свою спутницу.

Локсандра ничего не отвѣтила, только чуть—чуть улыбнулась, и снова взглянула на молодаго козака, а тотъ покраснѣлъ до ушей.

Панъ канцлеръ, между тѣмъ, отвелъ въ сторону князя Януша и, присѣвъ съ нимъ къ низенькому столику въ оконной нишѣ, велѣлъ слугѣ подать вина.

— Его свѣтлость, великій канцлеръ литовскій, говорятъ, скоро прибудетъ въ Варшаву? спросилъ онъ его.

— Да, князь Альбрехтъ пріѣдетъ въ концѣ этой недѣли и остановится на этотъ разъ у насъ — съ нѣкоторою гордостью проговорилъ Янушъ.

Онъ гордился независимымъ положеніемъ своего родственника.

— Я хотѣлъ просить вашу свѣтлость замолвить пану канцлеру словечко о дѣлахъ, сильно интересующихъ ихъ величества короля и королеву.

Князь принялъ мрачный видъ; онъ зналъ, о чемъ завелъ рѣчь Оссолинскій, но, какъ искусный дипломатъ, хотѣлъ дать ему высказаться.

— Какъ извѣстно пану гетману, началъ канцлеръ вкрадчиво и тихо, турки—общіе враги наши и Италіи. Венеціанскій посолъ предлагаетъ намъ вмѣстѣ двинуться на турецкія владѣнія?...

— Самъ Богъ вѣдаетъ, кто изъ нихъ большій намъ врагъ! возразилъ Янушъ. Этотъ вертлявый италіанецъ, что умѣлъ черезъ своихъ соотчичей попасть во дворецъ, не могъ даже положить къ ногамъ ея величества сколько-нибудь цѣннаго подарка, когда онъ былъ ей представленъ. Какую же помощь намъ могутъ оказать эти венеціанцы, не знающіе даже чувства долга и приличія?...

Великій канцлеръ немного съежился и оторопѣлъ; онъ не былъ приготовленъ къ такому категорическому отпору.

— Но ея величество королева сильно сочувствуетъ этому предложенію; она даже ассигнуетъ деньги изъ своей кассы....

— Знаю я, какъ она сочувствуетъ, перебилъ Янушъ, горячась. Это участіе ей подсказано.... Я бы не совѣтовалъ пану канцлеру мѣшаться въ эти дѣла, это повредитъ его репутаціи.... А князь Альбрехтъ, навѣрно, противъ всей этой исторіи, затѣянной италіанцами; за это я могу поручиться канцлеру всѣмъ, чѣмъ угодно.

Пану Оссолинскому оставалось только одно—затронуть новую тему для разговора.

Молодежь, между тѣмъ, собралась и, весело перекидываясь шутками и остротами, высыпала на крыльцо, гдѣ дамъ ожидали экипажи съ ливрейными лакеями и почетною стражею жолнеровъ, а мужчинъ—ихъ кони. Черезъ часъ уже все общество разсѣялось по зеленой лужайкѣ, окружавшей виллу, и слуги разносили фрукты, конфекты и сласти.

Домна Локсандра сѣла на ступеньку широкой террасы, а Тимошъ помѣстился у ногъ ея. Они вели оживленный разговоръ.

Локсандра разсказывала про Молдавію, про плодовые лѣса, про тучныя поля пшеницы и маиса, про молдавскіе нравы, про народные праздники.

— Когда у насъ бываетъ засуха — говорила она — наши крестьяне выбираютъ маленькую дѣвочку, надѣваютъ на нее рубашку, сплетенную изъ древесныхъ листьевъ и травъ, около этой дѣвочки собираются другія дѣти и водятъ ее вокругъ посохшихъ полей. Они поютъ пѣсню папалугѣ....

— Что это такое папалуга? спросилъ Тимошъ.

— Не знаю, должно быть—богъ дождя. А когда хлѣбъ созрѣетъ, продолжала Локсандра, тогда самая красивая дѣвушка деревни изображаетъ драгайку, богиню плодородія. Ей надѣваютъ вѣнокъ изъ колосьевъ, увѣшиваютъ ее пестрыми платками, даютъ ей въ руки ключи отъ амбаровъ и житницъ и съ пѣніемъ и пляскою водятся по сосѣднимъ деревнямъ. Если же кто родится, то молятся урбителямъ.

— А это что такое? освѣдомился Тимошъ.

— Это, богини, могущія одарить новорожденнаго и хорошими, и дурными качествами, сдѣлать его счастливымъ или несчастливымъ.

Тимошъ засмѣялся.

— Когда княжна родилась на свѣтъ, родители ея, вѣрно, усердно молились урбителямъ. Оттого панна и вышла такая пригожая, удачливая и счастливая.

— Нѣтъ, промолвила домна Локсандра, вздохнувъ: я совсѣмъ не счастливая, вотъ сестра такъ счастливая; а мнѣ цыганка давно предсказала несчастіе.

Тимошъ весело взглянулъ на нее.

— Цыганка лгала, сказалъ онъ: я тоже умѣю колдовать. Пусть панна дастъ мнѣ свою маленькую ручку, я ей разскажу ея судьбу.

Локсандра наивно и довѣрчиво протянула ему свою ладонь.

Онъ дотронулся до тонкихъ длинныхъ пальцевъ, и какое-то странное, никогда имъ не испытанное чувство, что-то жгучее, веселое, шаловливое охватило его.

— Панну полюбятъ двое, говорилъ онъ, самъ не сознавая, что говоритъ. Одинъ знатный, другой простой. Если панна вый-

деть за знатнаго, у нея будетъ все, кромѣ любви; если за простаго—у я небудетъ любовь и больше ничего.

Густая цвѣтущая черешня скрывала ихъ отъ взоровъ остальныхъ, и благоухающіе лепестки ея сыпались на смуглаго козака, державшаго руку княжны.

— Кого же княжна выберетъ? спросилъ Тимошъ и тихо сжалъ тонкіе пальцы.

Княжна испуганно взглянула ему въ глаза, вспыхнула, быстро отдернула руку и, какъ лань, въ два прыжка соскочила съ террасы.

Тимошъ постоялъ еще съ минуту, потомъ провелъ рукою по волосамъ и тоже спустился въ садъ.

— На турниръ! на турниръ! проговорилъ Самуилъ. Мы тамъ установимъ порядокъ скачекъ.

Дамы помѣстились въ высокой бесѣдкѣ, прилегавшей къ садовой оградѣ, а состязавшаяся молодежь вскочила на коней и установилась съ небольшимъ версту до перваго поворота, гдѣ во избѣжаніе недоразумѣній вбили колъ. Дорога тянулась прямою линіею, и дамы могли отлично слѣдить за состязавшимися.

Тимошъ, князь Дмитрій, панъ Самуилъ и еще два шляхтича были во второмъ ряду; въ первомъ ряду было пятеро молодыхъ шляхтичей, изъ которыхъ двое прискакали одновременно первыми къ столбу. По заранѣе составленному условію побѣдители перваго ряда должны были еще разъ состязаться съ побѣдителями втораго ряда. По данному знаку тронулся и второй рядъ; но еще на первой четверти версты Тимошъ и Дмитрій оставили товарищей назади. Тимошъ точно дразнилъ своего противника: онъ то пропускалъ его впередъ, то вдругъ быстро опережалъ и, ставъ на стремена, вертѣлся кругомъ на одномъ мѣстѣ, какъ вьюнъ, поджидая князя, вонзавшаго шпоры въ бока коня и изо всѣхъ силъ старавшагося догнать козака.

Домна Локсандра заалѣла отъ восторга. Ей не разъ приходилось присутствовать на придворныхъ скачкахъ въ Молдавіи, но никогда она не видала такого искуснаго наѣздника; казалось, конь и всадникъ слились въ одно и сообща подтрунивали надъ противникомъ. И такимъ жалкимъ казался Локсандрѣ теперь

этотъ противникъ, тщетно стараясь догнать вихрь, настичь степнаго орла, которому ничего не стоило на послѣдокъ описать съ быстротою молніи полукругъ около коня противника, очутиться за коломъ, круто повернуть и спокойно стать у цѣли, между тѣмъ какъ князь Дмитрій, задыхаясь отъ гнѣва, волненія и стыда едва еще достигалъ послѣднюю четверть версты.

Молодежь окружила Тимоша и подсмѣивалась надъ княземъ.

Третье состязаніе не состоялось, такъ-какъ всѣ единодушно признали Тимоша побѣдителемъ. Тимошъ скромно подъѣхалъ къ бесѣдкѣ и снялъ шапку. Панна Урсула въ качествѣ хозяйки предоставила честь увѣнчать побѣдителя своей молодой гостьѣ. Домна Локсандра смутилась.

— Какъ же мнѣ его надо наградить? Я не знаю обычаевъ страны.

— Вамъ слѣдуетъ дать ему какую нибудь бездѣлку на память—подсказала Урсула.

Домна Локсандра взглянула на него; сердце ея странно забилось, маленькая ручка задрожала, когда она подала ему отшпиленную отъ волосъ розу.

У князя Дмитрія помутилось въ глазахъ, онъ зашатался въ сѣдлѣ и крѣпко сжалъ въ рукѣ эфесъ сабли.

— Князю дурно? участливо спросилъ Самуилъ, взглянувъ на помертвѣлое лице Дмитрія.

— Да, я немного усталъ, проговорилъ князь, проводя по лицу рукою и стараясь оправиться.

Тимошъ прижалъ цвѣтокъ къ губамъ, а глаза его метнули такой огонь, что домна Локсандра невольно потупилась. Она весь остальной вечеръ была необыкновенно разсѣяна и задумчива.

Вернувшись домой и оставшись наединѣ съ сестрой, она вдругъ совершенно неожиданно разрыдалась.

— Что съ тобою? заботливо спрашивала сестра. Ты больна? Обидѣлъ тебя кто-нибудь? Сказалъ тебѣ кто нибудь колкость? эти полячки такія злыя; скажи мнѣ, моя дѣвочка! ласкала она сестру: я имъ отомщу за тебя, я ихъ никого не боюсь.

— Нѣтъ, нѣтъ! рыдала Локсандра: онѣ всѣ были добры ко мнѣ.

— Въ чемъ же дѣло? въ недоумѣніи спрашивала княгиня.

— Зачѣмъ я княжна? вырвалось вдругъ у Локсандры. Зачѣмъ, зачѣмъ я княжна? какъ я несчастна....

И она разрыдалась еще сильнѣе.

ГЛАВА VII.

ЗЕЛИМА.

Прошло два года. Великія событія совершались въ Украинѣ. Пепелъ потушенныхъ возстаній разгорѣлся съ новою силою, и пожаръ охватилъ все, не исключая и Польши. Во главѣ возстанія сталъ Богданъ Хмельницкій, въ нѣсколько мѣсяцевъ достигшій такой силы, какою не пользовался ни одинъ изъ предшествовавшихъ ему козацкихъ атамановъ.

Въ бахчисарайскомъ дворцѣ все кипѣло оживленіемъ. Ханъ Исламъ Гирей рѣшилъ, наконецъ, отпустить Тимоша, сына козацкаго гетмана, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ бывшаго у него заложникомъ, и вмѣстѣ съ нимъ посылалъ въ помощь гетману орду подъ начальствомъ Карабча-мурзы. Самъ ханъ разсчитывалъ двинуться позже; онъ все еще не довѣрялъ смѣлымъ замысламъ гетмана и колебался между Польшею и козаками.

Ханъ сидѣлъ въ роскошно убранной аудіенцъ-залѣ, окруженный мурзами съ ихъ свитами и многочисленною стражею. Онъ вручилъ Тимошу отпускную грамоту, милостиво допустилъ его къ рукѣ и сказалъ:

— Прощай, богатырь! Скажи отцу твоему, что мы искренно тебя полюбили; намъ жаль разставаться съ тобой. Когда вы побьете ляховъ и успокоитесь, пріѣзжай опять къ намъ ужъ не заложникомъ, а гостемъ, и мы всегда тебѣ будемъ рады!

— Ваше ханское величество! проговорилъ съ низкимъ поклономъ Тимошъ: дозвольте рабу вашему сказать смѣлое слово.

— Говори! милостиво разрѣшилъ ханъ.

— Что мнѣ сказать отцу отъ имени вашего величества о вашемъ прибытіи въ козацкій лагерь?

Брови Исламъ Гирея сдвинулись. Онъ сурово посмотрѣлъ на молодаго козака, помолчалъ немного и, наконецъ, отвѣтилъ, отчеканивая слова:

— Мы посылаемъ съ тобою Карабча-мурзу; это все, что мы можемъ теперь сдѣлать для друга нашего Богдана. Мы не зависимъ сами отъ себя, а разрѣшенія великой Порты у насъ еще нѣтъ. Такъ и скажи твоему отцу. А теперь прими отъ насъ прощальные подарки: кафтанъ, коня и саблю—и будь здоровъ!

Величественнымъ жестомъ ханъ отпустилъ Тимоша, и козакъ оставилъ аудіенцъ-залу, окруженный знакомыми мурзами и агами. Одни жали ему руку по козацкому обычаю, другіе кланялись по восточному, приложивъ руки ко лбу или къ сердцу, третьи просили передать поклоны и порученія роднымъ и знакомымъ, находившимся въ Тугай-беевой ордѣ. Тимошъ, видимо спѣшилъ поскорѣе освободиться и уѣхать. На дворѣ уже ржали кони, а Карабча-мурза, получившій прощальную аудіенцію наканунѣ, ждалъ его въ назначенномъ пунктѣ за городомъ. Наконецъ докучливые знакомые его оставили, такъ какъ они должны были ожидать выхода хана, а маленькому отряду почетной стражи Тимошъ привѣтливо махнулъ рукой, давая знать, что желаетъ уйти изъ дворца одинъ. Ходы и корридоры, ведшіе къ выходу, были ему хорошо знакомы, не даромъ онъ былъ постояннымъ гостемъ хана; стража его только стѣсняла, ему хотѣлось скорѣе пробѣжать къ выходу, и онъ озирался, будто боясь чьего либо преслѣдованія.

Вдругъ изъ темнаго корридора отдѣлилась фигура, закутанная чадрою и молча стала на пути.

— Зелима! смущенно прошепталъ Тимошъ и отступилъ назадъ.

— Ты уѣзжаешь? проговорила молодая татарка, откинувъ чадру съ заплаканнаго лица. Коварный гяуръ! ты ѣдешь и даже не нашелъ времени проститься со мною. Гдѣ же твои клятвы, твои увѣренія? Или любви твоей только и хватило на три новолунія?

Тимошъ стоялъ молча, опустивъ голову, и смущенно оглядывался по сторонамъ.

Онъ боялся, что кто-нибудь изъ прислуги, кто-нибудь изъ знакомыхъ застанетъ его, и думалъ только объ одномъ, какъ-бы ему отдѣлаться отъ этого непріятнаго свиданія.

— Что же ты молчишь, измѣнникъ? гнѣвно подступила къ нему Зелима. Не ты ли мнѣ говорилъ, что останешься здѣсь до лѣта; не ты ли увѣрялъ меня; что возьмешь меня съ собою и женишься на мнѣ; я бы всюду пошла за тобою, я бы оставила вѣру, сдѣлалась бы козачкой, научилась бы всему, что дѣлаютъ ваши жены, стала бы молиться твоему Богу, была бы твоей рабой, лишь бы ты только позволилъ мнѣ слѣдовать за собою.

Тимошъ, дѣйствительно, въ порывѣ первой молодой страсти многое наобѣщалъ Зелимѣ, сиротѣ, воспитанницѣ Карабчи-мурзы; онъ зналъ, что сдѣлалъ дурно, но сдѣланнаго не воротишь.

— Зелима! проговорилъ онъ наконецъ: я самъ не думалъ, что уѣду такъ скоро. Нельзя же мнѣ тебя везти съ собою, когда мы ѣдемъ воевать съ ляхами.

— Отчего же ты мнѣ ничего не сказалъ объ этомъ? Отчего ты уѣзжаешь тайкомъ, не простившись, не подумавъ о томъ, что бѣдная Зелима выплачетъ себѣ очи съ тоски по тебѣ?

— Я и хотѣлъ проститься съ тобою, да нельзя было, некого было послать въ гаремъ. Не отъ меня зависѣло видѣться съ тобою.

— Меня не пускали, держали взаперти, я и сегодня едва вырвалась. Мнѣ вчера сказала старая Олелька, что козаки уѣзжаютъ.

Тимошъ мысленно послалъ къ черту болтливость Олельки; онъ разсчитывалъ, что Зелима узнаетъ позже объ его отъѣздѣ и забудетъ его.

— Прощай же, Зелима! торопливо сказалъ Тимошъ; меня ждутъ, мнѣ надо ѣхать! Зелима со стономъ бросилась къ нему на грудь.

— Возьми меня съ собою! я умру безъ тебя! прошептала она.

— Зачѣмъ умирать? проговорилъ Тимошъ: можетъ быть, мы еще и увидимся. Ханъ пригласилъ меня пріѣхать къ нему въ гости, когда мы управимся съ ляхами.

Зелима недовѣрчиво подняла на него глаза.

— Слушай, козакъ! сказала она. Ты укралъ мое сердце и теперь смѣешься надо мною. Лучше скажи правду, что я тебѣ не мила, что ты хочешь меня бросить.

— Кто тебѣ говоритъ, что ты не мила! возразилъ Тимошъ: но не могу же я себя пришить къ твоей юбкѣ, когда родина зоветъ меня. Ну, прощай же! заторопился онъ, поцѣловавъ Зелиму. Прощай! насъ могутъ тутъ увидѣть.

Отъ отнялъ ея руки и торопливыми шагами, почти бѣгомъ направился къ выходу.

Зелима долго стояла на одномъ мѣстѣ, какъ окаменѣлая, съ неподвижнымъ взоромъ и стиснутыми зубами. Потомъ медленно, машинально опустила чадру и скрылась въ корридорахъ, соединявшихъ гаремъ съ половиною хана.

— Позабудетъ! утѣшалъ себя козакъ, усаживаясь въ сѣдлѣ. Выйдетъ за стараго Агу-Мастафу; онъ давно приговаривается купить ее у Калги, и будетъ счастлива по своему. Не тащить же ее съ собою на Украйну!

Однако, какъ онъ ни успокаивалъ себя, образъ неподвижной Зелимы невольно вставалъ передъ нимъ укоромъ, и онъ вздрагивалъ, точно его посѣтило привидѣніе.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ; въ теченіе ихъ Богданъ Хмельницкій еще болѣе усилился и, какъ грозный мечъ, висѣлъ надъ панами, избравшими по смерти Владислава королемъ его брата Яна Казиміра.

Выжидая послѣдствій этого избранія, Хмельницкій спокойно сидѣлъ въ Переяславѣ, переписывался съ иностранными державами и принималъ ихъ пословъ.

Стояло погожее зимнее утро, когда Богданъ послѣ аудіенціи, данной одному изъ посланныхъ Исламъ-Гирея, велѣлъ позвать къ себѣ Тимоша.

Тимошъ вошелъ въ комнату и по сумрачному лицу отца замѣтилъ, что онъ чѣмъ-то не доволенъ.

— Поди-ка сюда, хлопецъ! проговорилъ Богданъ сыну, строго посматривая изъ—подъ густыхъ бровей. Ты что тамъ натворилъ въ Крыму? Я тебя оставилъ при дворѣ хана, чтобы ты изучилъ татарскіе обычаи, завелъ знакомство съ вліятельными татарами, а ты какими науками тамъ занимался?

Тимошъ быстро сбоку посмотрѣлъ на отца. „Какъ это онъ узналъ?“ мелькнуло у него въ головѣ. „И что онъ узналъ? Можетъ быть—что другое?“

— О чемъ ты говоришь, татко? уклончиво возразилъ онъ: я въ толкъ не возьму?

— Вижу, непонятливъ сталъ хлопецъ! сердито проговорилъ отецъ. А то, можетъ, и память у тебя отшибло? А вотъ какъ возьму эту нагайку и, несмотря на то, что за двадцать тебѣ перевалило, начну тебя учить, такъ и память у тебя прояснится и понятливость явится.

Съ искаженнымъ отъ гнѣва лицемъ Богданъ схватилъ нагайку и замахнулся на сына.

Тимошу были не въ рѣдкость такія вспышки отца; за последнее время нравъ его сталъ необыкновенно перемѣнчивъ: то онъ веселился не въ мѣру, то плакалъ, какъ ребенокъ, то предавался гнѣву, топалъ ногами и грозилъ всѣхъ стереть съ лица земли, то дѣлался мрачнымъ, не довѣряя ни себѣ, ни другимъ. Тимошъ зналъ, что легче всего обезоружить отца хладнокровіемъ и благоразуміемъ. Онъ уклонился отъ удара и хладнокровно проговорилъ:

— Прежде чѣмъ бить, татко, скажи хоть за что? Може тебѣ и наплели на меня?

У Богдана опустилась рука.

— За что? проговорилъ онъ: за то, чтобы ты не путался съ татарками, а о дѣлѣ думалъ. Слушай, что мнѣ сегодняшній посолъ передалъ. Та татарка, съ которой ты тамъ шашни завелъ, какъ стали припуждать ее замужъ выйти, и разсказала всю исторію старшей ханулѣ Калги, а какъ посадили ее на хлѣбъ и на воду, сбѣжала. Все это дошло до хана, и мнѣ теперь изъ за тебя выговоръ.

Тимошъ стоялъ молча, опустивъ голову. Ему было стыдно передъ отцемъ и жалко Зелимы; онъ не зналъ, что отвѣчать.

— Чтожь ты уставился въ землю, словно каменный? проговорилъ Богданъ.

— Виноватъ, татко! отвѣчалъ Тимошъ покорно.

— То-то виноватъ! уже мягче проговорилъ отецъ. Ты ви-

новатъ, а я отвѣчай, да еще, пожалуй, эта сумасшедшая татарка сюда прибѣжитъ. Или ты и вправду на ней жениться задумалъ? прибавилъ онъ, пытливо смотря на сына.

Тимошъ нерѣшительно вертѣлъ въ рукахъ шапку.

— Не знаю, татко! проговорилъ онъ.

— Ну, коли ты не знаешь, то я за тебя знаю. Великому гетману всея Украйны не пристало женить сына на не христіанкѣ, да еще и не на родовитой. Я для тебя иную невѣсту намѣтилъ. Поэтому ты блажь изъ головы выкинь. Прибѣжитъ эта татарка сюда, мы ее обратно отправимъ.

— Да я, татко, объ ней больше и не думаю, проговорилъ Тимошъ.

— И добре, сынку! совсѣмъ размягчившись, подтвердилъ Богданъ?

— А княжну молдавскую забылъ? спросилъ онъ, помолчавъ.

-- Ты же самъ мнѣ приказалъ объ ней не думать! не безъ ехидства отвѣтилъ Тимошъ.

— То было время, а теперь мы можемъ летать, какъ хотимъ, высоко. Тимошъ опустилъ глаза. Передъ нимъ ясно сталъ образъ молодой красавицы, и сердце его тревожно забилось.

— Ты шутишь, татко? недовѣрчиво спросилъ онъ.

— Какія тутъ шутки! Молдавскій господарь присылалъ ко мнѣ пословъ, проситъ прислать ему козаковъ въ помощь противъ безпокойныхъ сосѣдей. Вотъ тебѣ и случай. Я дамъ тебѣ козаковъ. Хочешь—можешь и татаръ съ собой прихватить: другъ твой Карабча, конечно, не откажется помочь тебѣ. Поѣзжай къ князю Василію, помоги ему и проси руки княжны; на это я даю тебѣ мое отцовское благословеніе.

Тимошъ съ радостью согласился и пошелъ къ Карабчѣ-мурзѣ приглашать его въ походъ.

О. Рогова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

Изъ старинныхъ формъ побратимства и товарищескихъ союзовъ до настоящаго времени уцѣлѣли лишь немногіе обрывки сябринства, толоки, парубоцкихъ и нищенскихъ братствъ. Сравнительно-этнографическій очеркъ побратимства мы помѣщаемъ въ другомъ изданіи. Въ настоящемъ изслѣдованіи ограничиваемся лишь краткими замѣчаніями о южнорусскихъ обычаяхъ сябринства и толоки и общественныхъ союзахъ на старинныхъ братскихъ началахъ.

176.

Сябры.

Слово сябръ въ значеніи соучастника встрѣчается въ древнихъ русскихъ юридическихъ памятникахъ, напр., въ Псковской судной грамотѣ. На сябринномъ началѣ владѣли бортьями и рыболовными угодьями (*Аристовъ,* Промышл. др. Руси, 30, 36). Сябринное землевладѣніе въ старинное время встрѣчалось въ разныхъ мѣстахъ Россіи и въ славянскихъ земляхъ. Въ послѣднее время сябринство обратило на себя серьезное вниманіе изслѣдователей старинпаго русскаго быта (статьи г. *Лучицкаго,* г. *И. Новицкаго,* г-жи *Ефименко*). По мнѣнію г. Лучицкаго (въ „Сѣверн. Вѣст.“ 1889 г., кн. 1 и 2), сябринство являлось особымъ видомъ общиннаго владѣнія, основанномъ первоначально на кровномъ родствѣ, путемъ наслѣдованія отъ общаго предка, или на названномъ братствѣ, а въ позднѣйшее время пе-

---

[1]) „Кіевская Старина“, 1890 г., № 5.

решедшее на договорное начало между людьми посторонними. Въ Малороссіи начало кровной связи сябровъ держалось еще въ XVIII ст. въ сознаніи народа; но уже и въ это время сталъ обнаруживаться переходъ сябринства въ товарищескую торговую сдѣлку на паяхъ, съ полученіемъ опредѣленной доли изъ суммы доходовъ. Долевое участіе каждаго изъ совладѣльцевъ при дальнѣйшемъ дробленіи опредѣлялось сообразно съ той долей, какая причиталась ближайшему его предку. Участники общаго владѣнія могли переуступить свои доли, цѣликомъ или извѣстную ихъ часть, другимъ совладѣльцамъ, а съ согласія прочихъ сябровъ и постороннимъ лицамъ. Каждый изъ сябровъ имѣетъ голосъ въ сябринныхъ собраніяхъ и въ распредѣленіи угодій (*Новицкій*, въ Кіев. Стар. 1889, VII, 300).

Работами проф. Лучицкаго вызвано обширное изслѣдованіе А. Я. Ефименко „О дворищномъ землевладѣніи въ южной Россіи", которое было прочитано въ засѣданіи харьковскаго историко-филологическаго общества 8 октября 1889 г. Г-жа Ефименко расходится съ проф. Лучицкимъ въ опредѣленіи происхожденія и значенія сябриннаго землевладѣнія. Древнѣйшей и основной формой землевладѣнія г-жа Ефименко считаетъ дворищное землевладѣніе, существованіе котораго незыблемо устанавливается для XVI ст. множествомъ актовъ, изданныхъ виленской археогр. коммиссіей (переписными книгами староствъ и т. п.). Это дворищное землевладѣніе, по внутреннему складу своему, вполнѣ подходитъ къ сѣверному долевому владѣнію, впервые объясненному въ соч. г-жи Ефименко „Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ". Установивъ тождество между сѣвернымъ долевымъ владѣніемъ и западно-русскими дворищами, г-жа Ефименко изложила судьбу долеваго владѣнія въ лѣвобережной Украинѣ съ половины XVII в., разложеніе его и ростъ подворнаго личнаго землевладѣнія. Сябры, по мнѣнію г-жи Ефименко, представляютъ обломки тѣхъ же дворищъ; только во внутренней организаціи ихъ играетъ большое значеніе договорное начало (а не кровное родовое). Общины, по мнѣнію г-жи Ефименко, не было въ Малороссіи ни въ XVIII ст., не видно ея здѣсь и ранѣе.

Вопросъ о современномъ положеніи сябринства не выясненъ этнографіей. Несомнѣнно, что какъ слова сябръ, сябрина, шаберъ, такъ и выражаемыя ими архаическія правовыя отношенія кое-гдѣ

сохраняются въ Южной Россіи. Такъ, въ ахтырскомъ у. харьков. губ. сябрами называются крестьяне, покупающіе въ складчину съ цѣлью продажи на барышъ муку, медъ и т. п., причемъ доходъ дѣлится, согласно съ произведенными затратами. Родственныя связи при этомъ не играютъ никакой роли.

177.

Толока.

Толокою въ Малороссіи называется такая гуртовая работа, за которую работающіе не требуютъ платы, а дѣлаютъ ее за хорошее угощеніе. Работа, исполняющаяся толокою, слѣдующая: косьба сѣнокосовъ, возка дерева изъ лѣса, перевозка сѣна и т. д. Если бѣдному человѣку понадобится для чего либо скотъ, то онъ проситъ его у другаго хозяина, и за то долженъ потомъ отработать, „послухае на одынъ день молотыть". Если же бѣдняку нужно перевезти хату или вывезть дерева на хату, тогда ему помогаютъ толокою даже богатые люди (*Чубинскій*, VI, 74). Тожественный обычай встрѣчается въ другихъ странахъ. Такъ, въ Болгаріи подъ словомъ „тляка" извѣстна обычная форма взаимной помощи, когда при спѣшной работѣ созываютъ сосѣдей помогать. На толокѣ въ Болгаріи работаетъ почти одна молодежь (*Боевъ*, въ Сборн. матер. по этн., изд. Дашк. этн. муз., I, 11, 13). Подобнаго рода обычай существуетъ у чеченцевъ и ингушей. Если какой-нибудь домохозяинъ видитъ, что онъ справиться съ своей землей не можетъ своими силами, онъ приглашаетъ своихъ одноаульцевъ на помощь. Отказаться отъ такого приглашенія считается крайне позорнымъ. Пригласившій обязанъ по окончаніи работы угостить помогшихъ ему; угощеніе устраивается на самомъ мѣстѣ производства работы и сопровождается пѣніемъ и пляской. Кромѣ помощи въ сельскихъ работахъ, житель аула получаетъ еще помощь своихъ одноаульцевъ при постройкѣ новой сакли: весь аулъ сбѣгается къ нему и старается по силамъ помочь строющему; въ благодарность за это строющій обязанъ угостить весь аулъ (*Н. Харузинъ*, ib. III, 133). У кавказскихъ горскихъ евреевъ считается священнымъ долгомъ помогать ближнему въ

случаѣ нужды, если не матеріально—деньгами, то работою рукъ своихъ. Такихъ обязанностей очень много между горцами; но особенно заслуживаютъ вниманія различныя собранія, которыя ставятъ своею задачею помогать бѣднымъ и неуспѣвающимъ въ работѣ, помогать деньгами сиротамъ, ухаживать за больными и пр. Сборища съ цѣлью помогать неуспѣвающимъ въ хозяйственныхъ работахъ или тѣмъ, которые желали бы окончить поскорѣе свои дѣла въ ожиданіи какого-либо торжества, называются „булка" и составляются молодежью, парнями и дѣвушками. Къ такимъ булки относятся сборища для рубки мяса на зиму и выниманія жилъ изъ него, для шитья одежды новобрачнымъ, для смазыванія и бѣленія новыхъ жилищъ, для очищенія лука, чесноку и кукурузы, для сбора плодовъ и пр. Каждый употребляетъ здѣсь для ближняго свои молодые силы и работаетъ нѣсколько ночей съ истиннымъ рвеніемъ (*Анисимовъ*, ib. 254).

178.

Разбойничія братства.

Обычай соединяться въ товарищескія группы иногда вытекалъ изъ необходимости самозащиты отъ сосѣдей или изъ желанія грабежа. У разныхъ народовъ существовалъ обычай, что храбрые люди вступали въ побратимство военнаго или разбойничьяго характера. Изъ такихъ побратимствъ мало-по-малу развились военныя и разбойничьи товарищества, наиболѣе крупнымъ историческимъ выразителемъ которыхъ является Запорожье. Съ паденіемъ Запорожья побратимство продолжало жить въ гайдамачествѣ, преимущественно среди галицкихъ опрышковъ. Опрышки, подобно запорожцамъ, называли другъ друга „пане брате, товарышу, побратиме". Въ первой половинѣ XVIII ст. въ Покутьѣ было еще много опрышковъ. Положеніе этого края, на границахъ трехъ государствъ, наполненнаго большими горами и непроходимыми лѣсами, весьма благопріятствовало разбоямъ. Если одинъ ватагъ (атаманъ) послѣ грабежа, сдѣланнаго въ Покутьѣ, былъ прослѣдуемъ властями или разбитъ, онъ отступалъ въ Волощину (Молдавію), откуда другой ватагъ и побратимъ его приходилъ къ нему на помощь. Если они обое при встрѣчѣ съ войска-

ни терпѣли пораженіе, то разбитые отступали къ своимъ побратимамъ въ Угріи и находили у нихъ помощь или убѣжище. Въ первой половинѣ XVIII в. опришки развелись по всему Заднѣстровью и образовали свои побратимства. Вездѣ по всему Покутью до самаго Днѣстра были у нихъ по селамъ присяжные побратимы, сообщники, товарищи и друзья, которые доставляли имъ съѣстные припасы и помогали разбойникамъ въ нападеніи и грабежѣ. Въ 1704 г. ватагъ Пискливый водилъ шайки по Волощинѣ и Угріи, а его побратимъ Пинто грабилъ въ Угріи и на Покутьѣ (*Головацкій*, Гал. пѣсни, I, 708).

Съ развитіемъ гражданственности и культуры разбойническое побратимство отошло въ область преданій. Наиболѣе яркія воспоминанія о немъ сохраняются среди галицко-русскаго населенія. Въ народныхъ пѣсняхъ: „Есть насъ не мало... того товариства, якъ у лѣсѣ Медоборѣ буковаго листа“; „На що тобѣ, пане брате, торбыну таскаты, лѣпше тобѣ, пане брате, людей розбиваты“, или:

Чи видишъ ты, пане брате, за лѣсомъ могила?
Чи ты умрешъ, чи новиснешъ, разъ маты родыла! (*Головацкій*, іb. 708—710).

Военное побратимство встрѣчается въ настоящее время среди осетинъ (*Ковалевскій*, Совр. обыч. и древ. зак. II, 314), черногорцевъ и сербовъ (*Миличевич*, Живот срба селяка, 14). У сербовъ церковь приняла побратимство въ свое вѣдѣніе, и въ старинныхъ сербскихъ рукописяхъ встрѣчается „чинъ братотворенію“, въ которомъ обозначено, что читать изъ Посланій апостольскихъ и св. Евангелія при церковномъ освященіи побратимства. Въ молитвѣ, составленной спеціально для „чина братотворенія“, между прочимъ, говорится: „Владыко Господи... яже избралъ еси светіе свое ученики и славніе свое апостолы Петра и Павла, Филипа и Вареоломея..., св. муч. Сергія и Вакха брата быти не оузою сьродною нь вѣрою духовною и любовію, даждь и рабомъ твоимъ симъ (име рек) любити другъ друга независтно“ (*Миличевич*, іb. 11).

179.

Нищенскія братства.

Нищенскія товарищества и братства въ древности имѣли цѣлью не только сборъ подаянія, но также помощь другъ другу при странствованіяхъ на богомолье по русскимъ монастырямъ и къ святымъ мѣстамъ въ Палестинѣ. Въ духовныхъ стихахъ калики изображаются богатырями; они выбираютъ себѣ атамана, милостыню берутъ не рублемъ, не полтиной, а цѣлыми тысячами; отъ крика ихъ дрогнетъ сыра земля. Изъ древнихъ русскихъ лѣтописей и поученій видно, что паломники ходили толпами, что предполагаетъ извѣстную организацію. Такъ и въ 1283 г. въ курской области татарами были „переимани и переходници, иже ходятъ по землямъ милостыни просяще“; татары не нашли въ нихъ ничего опаснаго и отпустили ихъ (*Л. Майковъ*, Матер. по стар. рус. литер. I, 41).

Остатки нищенскихъ братствъ встрѣчаются въ сѣверной и въ южной Россіи. Въ „*Новомъ Времени*“ 1888 г. г-нъ Куликовскій сообщилъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній объ артеляхъ калѣкъ и нищихъ въ олонецкомъ краѣ. Въ олонецкой губерніи по переписи 1886 г. считалось слѣпыхъ на оба глаза 961 д. обоего пола. Вотъ эти слѣпцы и другія калѣки составляютъ артели, которыя выпрашиваютъ себѣ пропитаніе именемъ Христовымъ. Лѣтомъ такія артели обходятъ сосѣднія и даже дальнія селенія и города; онѣ знаютъ гдѣ и когда бываютъ ярмарки. Зимою „артель, состоящая изъ двухъ, трехъ и четырехъ семействъ, доходящая до 6, 8, 10 и болѣе человѣкъ, ѣдотъ на одной лошади, не только кормясь и ночуя по всѣмъ деревнямъ безвозмездно, но даже и сѣно для лошади нищенски выпрашивая по дворамъ. Артель „Христа-ради“ получаетъ печеный хлѣбъ, зерновой, толокно, ленъ, горохъ и т. п. Печеный хлѣбъ на мѣстахъ же ночевокъ разрѣзывается на куски, сушится на сухари и по пріѣздѣ домой дѣлится между артельщиками по паямъ, какъ и горохъ, ленъ и пр. Всѣ артельщики, безъ различія пола и возраста получаютъ по одному паю; тотъ же, которому принадлежитъ лошадь и сани, получаетъ два пая; если лошадь принадлежитъ одному, а сани другому, то два пая получаетъ имѣющій лошадь, а сани въ

разсчетъ не идутъ. Рѣдкая артель не имѣетъ въ средѣ своей знахаря, колдуна или колдуньи, которые и главенствуютъ въ артели. Знахарь или знахарка, при хожденіи за милостыней, не прочь помочь ближнему, чѣмъ умѣетъ: приворожить кого либо къ кому либо, „отсушить“, мыть дѣвицъ для славы, отъ „глазу“, лѣчить и т. п.; такая особа, кромѣ денегъ, платья и обуви, и всю прочую милостыню получаетъ въ высшемъ количествѣ. Артель это хорошо понимаетъ и даетъ колдуну два пая: какъ обыкновенному артельщику и за волховство. Деньги, одежда и обувь, выпрошенныя тѣмъ или другимъ артельщикомъ, въ дѣлежъ не идутъ“.

П. С. Ефименко говорилъ уже на страницахъ „Кіевской Старины“ (1883 г., X, 312—317) о братствахъ и союзахъ нищихъ въ Малороссіи, по двумъ источникамъ: 1) замѣтки о нищенскихъ цехахъ въ Минскихъ Епархіальн. Вѣдом. и 2) личнымъ сообщеніямъ М. Д. Линды. Въ замѣткѣ говорится, что въ с. Семежовѣ слуцк. у. минск. губ. существуетъ нищенскій цехъ съ выборнымъ цехмистромъ, особыми правилами и обычаями и съ особымъ нищенскимъ языкомъ, причемъ вся организація нищенскаго цеха, за исключеніемъ особаго языка, напоминаетъ организацію ремесленныхъ и церковныхъ братствъ. Въ сообщеніи г. Линды приведенъ разсказъ одного старика нищаго о нищенскихъ собраніяхъ, причемъ нищіе обрисованы чертами, напоминающими отчасти каликъ перехожихъ. Такъ, здѣсь говорится, что нищіе привели одного козака въ середину своего табора, гдѣ сложены были наряднахъ цѣлыя горы пряженыхъ, смаженыхъ и пр. печеній, между которыми былъ и столбецъ коржей, высотой съ человѣка. Козакъ, выпивъ чарку горилки, ткнулъ пикой въ столбецъ, прокололъ его до низу, поднялъ на верхъ и умчался. Нищіе, числомъ тысячъ до трехъ, бросились догонять его и, конечно, не догнали (ib. 315). Это роскошное угощеніе болѣе идетъ древнимъ каликамъ перехожимъ, которые заходили во „дворы княженецкіе“ и носили „полсумочья рыта бархата“. Кромѣ того въ сообщеніи г. Линды находится указаніе, что въ концѣ 50-хъ годовъ въ подольской губерніи ватаги нищихъ ходили щедровать и колядовать.

Къ этимъ даннымъ, собраннымъ П. С. Ефименкомъ, добавлю двѣ, три мелкихъ подробности, извлеченныхъ изъ Историко-статистическаго описанія черниговской епархіи (архіеп. Филарета). Въ

заштатномъ г. черниговск. губ. Березномъ въ старину былъ старечій цехъ, изъ нищихъ, жившихъ въ шпиталѣ; они дѣлали приношенія въ церковь (V, 139). Въ томъ же городѣ былъ старечій шинокъ, построенный въ 1682 г. (VI, 252). Село Покошичи черниг. губ. славилось нищенской школой (V, 402). Кое-что изъ нищенскихъ братствъ сохранилось до настоящаго времени, напр. выборъ старосты, но самой характерной чертой стариннаго общиннаго устройства нищихъ можно признать особый жаргонъ, о которомъ въ послѣднее время неоднократно говорилось въ „Кіевской Старинѣ" (статьи г. *Боржковскаго* и г. *Николайчика*). Не имѣя намѣренія останавливаться въ настоящее время на этомъ жаргонѣ, я въ дополненіе къ статьямъ поименованныхъ авторовъ укажу еще на слѣдующія статьи: 1) *Сцепуры*, Словарь нищенскаго языка с. Семежова слуцк. у. минск. губ. въ Минск. Епарх. Вѣдом. 1880 г. № 17 и въ Зап. Акад. Наукъ, 1881, т. 37; 2) *А. Ѳ. Бычкова*, Отзывъ о Словарѣ свящ. Сцепуры въ Зап. Акад. Н. 1881, т. 37; 3) *В. В. Иванова*, въ Статистич. Листкѣ 1883 г. хорошая статья о невляхъ и большой словарь ихъ нищенскаго жаргона и 4 и 5) двѣ замѣтки въ польскомъ этнографическомъ журналѣ *Wisła* 1888, № 3 и 1890 г., № 1, стр. 152—153). При изученіи нищенскаго жаргона въ особенности любопытнымъ въ историко-культурномъ отношеніи представляется рѣшеніе двухъ вопросовъ: во первыхъ, въ чемъ выражается оригинальность жаргона, другими словами, какія приставки, сокращенія и передѣлки употребляются для искаженія общеизвѣстныхъ словъ и, во вторыхъ, въ чемъ состоитъ инородческій элементъ этого жаргона, другими словами, насколько въ немъ обычны слова цыганскія, молдавскія, татарскія и нѣмецкія.

180.

Цеховыя братства.

Въ старинной Малороссіи ремесленники сплачивались въ цехи, или союзы, основанные въ отношеніи юридическомъ, на магдебургскомъ правѣ, по существу отвѣчавшіе потребности народа въ орга-

низаціи на началахъ товарищества и братства. Цеховыя братства имѣли денежные капиталы, которые составлялись изъ условленныхъ годовыхъ членскихъ взносовъ, изъ штрафовъ за ослушаніе и неисправности въ ремесленной работѣ и изъ пожертвованій частныхъ лицъ, напр., изъ тѣхъ пожертвованій, которые поступали за цеховое погребеніе умершаго нецеховаго. У цеховъ было свое выборное начальство, свои годовые праздники, свое знамя и особый кодексъ руководящихъ правилъ. Цеховые помогали въ нуждѣ другъ другу и оказывали пособіе церкви. Цехмейстеры наблюдали, чтобы цеховые работали хорошо; захожіе ремесленники должны были уплачивать налогъ въ пользу цеха или сдѣлать пожертвованіе на мѣстную церковь. Выборные отъ цеха люди исполняли въ церкви пономарскую обязанность, звонили въ колокола въ торжественные дни, наблюдали за церковными починками и чистотой въ церкви. За это они пользовались уваженіемъ мѣстнаго сельскаго общества, и пользовались нѣкоторыми льготами (освобождались отъ военнаго постоя, поставки подводъ и т. п.). Кое-гдѣ еще сохранились обломки стараго цехового устройства ремесленниковъ. Такъ, въ заштатномъ городѣ черниговской губерніи Березномъ (въ 36 верстахъ отъ Чернигова), по старинному благочестивому обычаю, цехи ткацкій, калачницкій и кравецкій подаютъ по большой свѣчѣ во всѣ церкви города въ Свѣтлое Воскресенье, въ Рождество Христово и на Покровъ Богородицы; цехъ шевскій (сапожническій), болѣе другихъ богатый, даетъ свѣчи во всѣ церкви, какъ и цехи кравецкій, кушнирскій, рѣзницкій и ковальскій (*Филаретъ*, Ист.-ст. опис. черн. еп. V, 139). Въ с. Олишевкѣ козелецкаго уѣзда черниг. губ. сохраняются два цеха, торговый и ремесленный. Цехи состоятъ изъ парубковъ. У нихъ есть „цехмейстеръ", который имѣетъ свой значекъ—камышевую палку съ серебряною головкой. Въ будніе дни значекъ хранится въ церковной ризницѣ. Въ каждомъ цехѣ имѣется шесть большихъ зеленыхъ свѣчей, которыя зажигаются въ праздники. Цеховые становятся на срединѣ церкви по три, одинъ за другимъ. Въ большіе праздники двое изъ цеховыхъ съ горящими свѣчами входятъ въ алтарь, одинъ въ сѣверныя, другой въ южныя двери; тамъ стоятъ они по сторонамъ престола, до окончанія чтенія Евангелія, а потомъ выходятъ къ своему цеху (*Филаретъ*, V, 273).

Въ мѣстечкѣ Шаргородѣ подольской губерніи, одномъ изъ древнихъ городовъ Подоліи, который всегда пользовался магдебургскимъ правомъ, безъ ограниченія его помѣщичьей властью, цеховое устройство имѣетъ громадное вліяніе до настоящаго времени на нравственное состояніе общества: цехъ простираетъ свой контроль на проявленія безнравственности въ семейной жизни (*Заря*, 1884, № 280). Въ большомъ и торговомъ мѣстечкѣ Дунаевцахъ подольской губ. цеховое устройство сохранилось въ большой чистотѣ, со многими архаическими чертами. Каждогодно, около 8 января, каждый цехъ избираетъ себѣ новаго цехмейстера или утверждаетъ стараго. Обрядъ избранія происходитъ слѣд. образомъ: за три дня до выборовъ цехового старшины, выносится изъ дома цехмейстера хоругвь, сдѣланная изъ шелковой или шерстяной матеріи. На хоругви посрединѣ вышитъ крестъ изъ галуна или изъ матеріи другого цвѣта, чѣмъ хоругвь. Хоругвь каждаго цеха отличается вышитымъ внизу особымъ цеховымъ значкомъ, эта хоругвь ставится у воротъ цехового старшины. При этомъ цехмейстеръ выдаетъ паробкамъ, принадлежащимъ къ его цеху, значокъ (цешку), которая дѣлается изъ дерева и своимъ видомъ напоминаетъ о ремеслѣ извѣстнаго цеха, наприм., сапожническая имѣетъ видъ сапожка, скорняжская сдѣлана на подобіе круглаго ножа; рѣзницкая на подобіе обыкновеннаго ножа; ткацкая—на подобіе челнока и проч. Эта цешка украшается вокругъ барвинкомъ и ягодами калины. Ее носятъ паробки по домамъ ремесленниковъ, принадлежащихъ къ извѣстному цеху, и этимъ даютъ знать, чтобы всѣ члены извѣстнаго цеха собирались въ назначенный день въ домъ своего цехмейстера для избранія новаго или утвержденія стараго цехмейстера. Собравшіеся въ извѣстный день цеховые ремесленники требуютъ отъ своего старшины годичнаго отчета въ приходѣ и расходѣ цеховыхъ денегъ, поступившихъ въ теченіе года въ кружку отъ опредѣленныхъ взносовъ и штрафовъ; повѣряютъ, есть-ли всѣ цеховыя свѣчи. Эти свѣчи, сдѣланныя изъ желтаго воска, употребляются при богослуженіи въ торжественныхъ случаяхъ. По окончаніи повѣрки, приступаютъ къ избранію новаго или утвержденію стараго цехмейстера, что совершается такъ: зажигаютъ вечеромъ цеховыя свѣчи и съ цеховою хоругвію обводятъ новаго цехмейстера вокругъ домовъ ремесленниковъ извѣстнаго цеха. Въ прежнее время обводили цехмейстера

со всѣмъ церемоніаломъ вокругъ мѣстечка. Послѣ этого отправляются въ домъ новоизбраннаго, который долженъ угостить своихъ избирателей. Новоизбранному старый цехмейстеръ передаетъ всѣ вещи, принадлежащія цеху, какъ-то: хоругвь, которая помѣщается въ домѣ цехмейстера въ почетномъ углу, кружку, свѣчи и цешку. На другой день снова собираются въ домъ новоизбраннаго, чтобы разсудить о дѣлахъ цеха. На обязанности цехмейстера лежитъ завѣдывать извѣстнымъ цехомъ, судить съ другими почетными ремесленниками виновныхъ, налагать на нихъ штрафы, которые, поступая въ цеховую кружку, расходуются на поддержаніе цеховыхъ свѣчей и на годичную попойку при избраніи цехмейстера. Предъ выборами старый цехмейстеръ проситъ священника отслужить въ извѣстный день божественную литургію о здравіи живыхъ съ панихидой объ упокоеніи усопшихъ братій и сестеръ, принадлежавшихъ его цеху, для чего каждый цехъ имѣетъ свой особый помянникъ (*Заря*, 1884, № 280).

Въ м. Хомутцахъ миргородскаго у. полтав. губ. существуетъ гончарный цехъ. О времени основанія этого цеха нѣтъ письменныхъ свѣдѣній. Вступившій въ гончарскій цехъ, по традиціонному обычаю, не долженъ ни убивать животныхъ, ни снимать кожъ съ палыхъ; иначе его „вытрутъ зъ бумаги“, т. е. вычеркнутъ изъ списковъ. Цехъ имѣетъ крестъ съ изображеніемъ Распятаго Христа и св. Николая (патрона); этотъ крестъ и цеховая скринька находятся всегда въ домѣ цехмистра. Гончары имѣютъ въ приходской церкви кіотъ съ образомъ св. Николая, нѣсколько хоругвей и содержатъ 4 ставника, которые ежегодно возобновляютъ къ праздникамъ Воскресенія Христова, Троицы, Покрова и Рождества Христова. Общія собранія цеха бываютъ во время рождественскихъ и свѣтлыхъ праздниковъ въ домѣ цехмистра. Въ теченіе года бываютъ экстренныя сходки для принятія новыхъ членовъ или для суда надъ виновнымъ въ кражѣ глины, который подвергается денежному штрафу въ скрыньку 1—2 руб. Цехъ владѣетъ на правѣ собственности участкомъ земли около 8 десятинъ съ залежами гончарной глины. Среди глинищъ есть большой деревянный крестъ, выкрашенный масляною краской, съ небольшой оградой. Черезъ каждые два года происходитъ освященіе глинищъ, съ молебствіемъ и водосвятіемъ при крестномъ ходѣ. Поступающій въ цехъ угощаетъ братчиковъ и

вноситъ въ скриньку 1 р. 50 к. Къ гончарскому цеху приписались нѣсколько десятковъ хозяевъ, не занимающихся гончарствомъ (*Василенко*, въ „Кіевск. Стар." 1885, X, 165).

181.

Церковныя братства

развивались въ старинное время главнымъ образомъ подъ вліяніемъ цеховаго строя ремесленнаго быта и въ силу той свободы, которую открывало городамъ магдебургское право. Въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ въ Малороссіи церковныя братства играли важную роль въ жизни народа, какъ источники просвѣщенія и благотворительности. Братства защищали православныхъ отъ притѣсненій со стороны католиковъ и уніатовъ, издавали религіозно-полемическія книги въ защиту православія, строили церкви, поддерживали церкви обветшавшія. При братствахъ были школы и шпитали. Въ школѣ дьячки учили „дѣтокъ малыхъ" безъ различія сословій чтенію, письму и счету. Въ шпиталь, или богадѣльню помѣщали „людей всякихъ, отъ пана Бога хоробою и уломностями навѣжоныхъ", безродныхъ стариковъ и старухъ, калѣкъ, слабоумныхъ, отъ которыхъ отказывались родные.

Многіе изслѣдователи съ любовью обращались къ стариннымъ церковнымъ братствамъ (Флеровъ, г-жа Ефименко, Костомаровъ). Уже чтеніе однихъ актовъ, относящихся къ этимъ учрежденіямъ, при всей старозавѣтной сухости изложенія, производитъ успокаивающее и жизнерадостное впечатлѣніе: въ нихъ просвѣчиваетъ мягкое и сердечное чувство братолюбія, гуманности, взаимной поддержки на основаніи любви къ Богу и къ ближнему, каковымъ считался всякій братчикъ.

Очень немного остатковъ церковыхъ братствъ сохранила современная жизнь. Въ шестидесятыхъ годахъ въ с. Дыбинцахъ, канев. у. кіевск. губ. существовало еще церковное братство, съ характеромъ старинныхъ братствъ. Братство это заботилось о содержаніи и украшеніи мѣстной церкви, о пособіи бѣднымъ, погребеніи бѣдныхъ, обученіи желающихъ грамотѣ и гончарному ремеслу и въ особен-

ности о поддержаніи нравственной чистоты въ обществѣ. Всѣ, провинившіеся, относительно братскаго устава или общественнаго кодекса нравственныхъ правилъ, подлежали суду братства и несли наказанія, преимущественно денежную пеню. Тѣлесныя наказанія никогда не употреблялись. Главная цѣль наказанія состояла въ томъ, чтобы виновный произнесъ раскаяніе передъ братствомъ. Въ 60-хъ годахъ на Волыни существовали еще по селамъ церковныя братства, состоявшія изъ зажиточныхъ прихожанъ обоего пола. Главную принадлежность каждаго братчика и каждой сестрички составляютъ большія восковыя свѣчи, съ которыми они стояли въ церкви во время важнѣйшихъ частей богослуженія, напр., во время чтенія евангелія, при освященіи св. даровъ и т. п. Это былъ обычай древнихъ братствъ; такъ стояли нѣкогда съ собственными зажженными свѣчами князья, дворяне и другихъ сословій братчики во Львовѣ, Вильнѣ, Луцкѣ и др. мѣстахъ. Братчики и въ позднѣйшее время были посредниками между священникомъ и прихожанами въ заботахъ о церковныхъ пользахъ. И въ позднѣйшее время въ церковныхъ братствахъ держался обычай устраивать обѣды въ храмовые праздники, поминальные дни, на проводы (радоница), въ дни св. Николая, св. вмч. Георгія. Бывали особые сестричные обѣды въ дни св. Варвары, св. Екатерины. Въ назначенное время братчики и сестрицы, по общему соглашенію, приносили кушанья на цвинтарь (въ церковную ограду) и, послѣ обѣдни и „паростаса", обѣдали въ хорошую погоду подъ открытымъ небомъ близь церкви, въ дурную—въ домѣ священника, дьячка, гдѣ обыкновенно помѣщалась школа, или въ частной хатѣ вблизи церкви. На обѣдъ приглашались нищіе, и братчики имъ прислуживали (*Основа*, 1862, IX, 48).

Г. Василенко въ статьѣ „Остатки братствъ и цеховъ въ Полтавщинѣ" (Кіевск. Стар., 1885, X, 159—171) упоминаетъ о церковномъ братствѣ въ с. Панскомъ, золотоношскаго у., которое устроилось послѣ пожара церкви, независимо отъ церковно-приходскаго попечительства. Средства братства состоятъ изъ членскихъ взносовъ—не менѣе 1 р. отъ каждаго братчика и въ сборѣ отъ продажи меда въ храмовые праздники. Дѣлами завѣдываетъ старшій братъ, избираемый ежегодно.

Остатками бывшихъ нѣкогда многочисленнымъ церковныхъ братствъ являются обычаи медоваренія и общественныхъ обѣдовъ.

Эти обычаи сохраняются и теперь почти во всѣхъ селахъ на днѣпровскомъ побережьѣ золотоношскаго уѣзда и въ нѣкоторыхъ переяславскаго уѣзда (*Василенко*, 169).

Современное положеніе церковныхъ братствъ г. Василенко очерчиваетъ народной поговоркой: „Марковъ кинь, та не Марко на нимъ, Маркова зброя—та не Маркова мова“; „осталась форма, а богатое содержаніе исчезло; уцѣлѣли обычаи, а смыслъ, духъ ихъ затерялся или затемнился, и самая память о прежней жизни братствъ утрачена въ живущихъ поколѣніяхъ“ (ib. 159).

Идеалисты 60-хъ годовъ думали, что „возможны и въ настоящее время подобныя братства; нужно только возбудить громаду къ дѣятельности, напомнить ей старое забытое учрежденіе; нужно уяснить ей то благотворное значеніе, какое оно имѣло и можетъ имѣть въ жизни каждаго человѣка“ (*Основа*, 1862, X, 50). Этотъ доброжелательный идеализмъ обнаружился и въ Высочайше утвержденныхъ 8 мая 1864 г. основныхъ положеніяхъ о церковныхъ братствахъ. Положенія эти открываютъ широкій просторъ для филантропической и просвѣтительной дѣятельности общества. Первое положеніе о церковныхъ братствахъ гласитъ, что цѣль учрежденія братствъ — служеніе нуждамъ и пользамъ православной церкви, созиданіе и украшеніе православныхъ храмовъ, дѣла христіанской благотворительности, распространеніе и утвержденіе духовнаго просвѣщенія. Четвертое положеніе предусматриваетъ добрые остатки старины и хочетъ сохранить ихъ: „При учрежденіи братствъ въ составляемыхъ для нихъ уставахъ могутъ быть сохраняемы употреблявшіяся въ древнихъ церковныхъ братствахъ наименованія, правила и внѣшніе обычаи“.

Эти добрыя пожеланія и свѣтлыя надежды не оправдались. Церковныя братства получили развитіе лишь въ немногихъ мѣстахъ юго-западнаго края, преимущественно на почвѣ борьбы національной и религіозной. Въ Малороссіи они не привились, и старые корни ихъ здѣсь оказались совсѣмъ засохшими. Народъ грубѣлъ „на самотыни“ въ отчужденіи отъ руководящихъ общественныхъ слоевъ. Мѣщане въ большихъ городахъ обезличились и опошлились, отставши отъ народа по языку, нравамъ и обычаямъ и не присоединившись къ высшимъ сословіямъ по недостатку образованія. Сельская

интеллигенція получила односторонній служилый характеръ, и изъ ея одноцвѣтной среды, въ значительной степени тронутой кулацкой червоточиной, рѣдко стали выдѣляться люди съ иниціативой во имя общаго блага.

182.

Парубоцкія братства.

Парубоцкія или молодецкія братства представляютъ искаженіе идеи церковнаго братства. То живое общественное дѣло, которое нѣкогда составляло предметъ заботы лучшихъ людей и привлекало къ себѣ наиболѣе зрѣлую въ умственномъ отношеніи часть народа, настолько отодвинулось въ сторону, что уважаемые полноправные граждане стали забывать о немъ, и попеченіе о немъ перешло въ руки недорослей по семейному и соціальному положенію. Въ „Кіевской Старинѣ“ 1887 г. были помѣщены обстоятельныя статьи г. Боржковскаго и Чернышева о значеніи малорусскаго парубоцтва, какъ общественной группы, и здѣсь мы не будемъ останавливаться подробно на парубоцтвѣ. Признавая правильнымъ мнѣніе Чернышева, что организація парубоцства въ особую общественную группу служитъ остаткомъ древнѣйшей формы признанія половой зрѣлости молодежи, нельзя не согласиться, однако, съ тѣмъ положеніемъ, что, по общенароднымъ понятіямъ новаго времени, половая зрѣлость парубоцтва не выражаетъ его умственной и нравственной зрѣлости настолько, чтобы признать его полноправнымъ въ гражданскомъ отношеніи съ людьми женатыми, семейными, стариками, и фактъ перехода общихъ церковныхъ братствъ въ братства парубоцкія остается для первыхъ явнымъ признакомъ вырожденія и упадка. Въ парубоцкихъ братствахъ сохраняется почти исключительно внѣшняя сбрядовая сторона церковныхъ братствъ; древніе просвѣтительные и филантропическіе элементы церковныхъ братствъ утеряны. Парубоцкія братства существуютъ издавна. Такъ, въ началѣ XVIII в. въ с. Ярославкѣ козелецкаго уѣзда наряду съ цеховымъ братствомъ существовало братство „молодецкое“, изъ парубковъ. Во главѣ этого братства стояли два атамана, по числу двухъ въ Ярославкѣ приходовъ. На

Рождество Христово парубки обходили съ поздравленіемъ все село и собранный хлѣбъ продавали; три части вырученныхъ за то денегъ отдавали въ распоряженіе своихъ атамановъ, а четвертую оставляли на „молодецкій могоричъ“. Атаманы обязаны были на полученныя деньги справлять въ церковь три раза въ годъ двѣ большія ставныя свѣчи, окрашенныя ярью, а также иногда починяли хоругви и другія церковныя вещи (*Филаретъ*, Ист.-стат. опис. черниг. еп., V, 225). Парубоцкія братства существуютъ во многихъ мѣстахъ полтавской губ.; дѣятельность ихъ ограничивается главнымъ образомъ содержаніемъ одного или нѣсколькихъ ставниковъ. Въ м. Хомутцѣ молодецкія братства существуютъ особо въ каждомъ приходѣ и избираютъ атамановъ отдѣльно. Въ одномъ приходѣ парубки имѣютъ въ церкви свою икону—Спасителя и звѣзду и держатъ три ставника. Атаманъ во время великаго поста дѣлаетъ раскладку на парубковъ по состоянію для сооруженія ставника, хоругви и т. п. Начинающій ходить на улицу парубокъ угощаетъ братчиковъ водкой и дѣлаетъ взносъ въ пользу братской кассы. Въ с. Панскомъ золотоношск. у. молодецкое братство варитъ медъ къ рождественскимъ и воскресенскимъ праздникамъ, имѣетъ въ церкви шесть ставниковъ, которые зажигаются на литургіи при чтеніи Апостола. Въ первый день рождественскихъ праздниковъ братчики дарятъ атаману шелковый платокъ или хорошій поясъ и получаютъ отъ него угощеніе. Съ того же дня и почти цѣлую недѣлю парубки колядуютъ, собирая пожертвованія съѣстными припасами и деньгами (*Василенко*, въ „Кіевск. Стар.“ 1885. X, 168).

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Литературная дѣятельность
Іоанна Вишенскаго.

I.

Іоаннъ, авторъ посланій на Украину и въ Галичину, родился приблизительно въ половинѣ XVI-го вѣка [1]). Самъ Іоаннъ называетъ себя „мнихъ изъ Вишни“ [2]), даже просто—Вышенскій [3]); съ большимъ вѣроятіемъ можно признать мѣстомъ его родины Судову Вишню [4]), городокъ около Львова въ Галиціи [5]). Мы

[1]) Съ такимъ предположеніемъ согласуются и данныя біографическія, и матеріалы самыхъ сочиненій Вишенскаго. Ближайшій же другъ Іоанна (и, должно быть, сверстникъ) Іовъ Княгиницкій имѣлъ въ 1620 г. около 70 лѣтъ отъ роду, (Зоря Галицкая, яко Альбумъ, стр. 248). Галицкій монахъ Іовъ Княгиницкій родился въ половинѣ XVI в., какъ то видно изъ его біографіи, составленной Игнатіемъ изъ Любарова (Зоря на 1861 г., стр. 225—251). Знаменитый подвижникъ былъ основателемъ и устроителемъ монастырей на юго-западѣ русской земли, чѣмъ способствовалъ широкому подъему религіознаго настроенія южной Руси въ трудную годину Уніи. Другъ Вишенскаго (Зоря, стр. 233, 234. Арх. юго-зап. Рос., т. VII, ч. I, стр. 36, 37), Копыстенскаго (Рус. Ист. библ., т. IV, стр. 856) и другихъ ревнителей православія, Іовъ игралъ роль насадителя и укрѣпителя иноческаго, скитскаго житія въ южной Руси. Онъ не отказывался и отъ литературной дѣятельности, впрочемъ исключительно богословскаго характера (Голубевъ. П. Могила. Прилож., стр. 218—225); умеръ 29 дек. 1621 г. Біографическія данныя объ Іовѣ приведены по рѣдкому изданію Альбума „Зоря Галицкая“ на 1861 г.) Голубевъ въ приложеніяхъ къ соч. П. Могила; тамъ же перепечатаны отрывки изъ біографіи Іова съ пропускомъ характернаго описанія устроенія Княгиницкимъ Воздвиженской обители (Зоря, стр. 239—242).

[2]) Ак. Ю. и З Р., т. II, стр. 205.

[3]) Арх. юго-зап., Р., т. VII, ч. I, стр. 35.

[4]) „Кіевск. Стар.“ 1889 г., № 4, стр. 144.

[5]) Въ началѣ XVII в. этотъ городъ игралъ нѣкоторую роль въ Галицкой жизни; въ 1605 и 1607 гг. въ Судовой Вишнѣ собирались сеймики русской шляхты (Зубрицкій, Лѣтоп. Львов. брат., стр. 55, 59).

такъ мало имѣемъ свѣдѣній о личной жизни извѣстнаго публициста, что и главнѣйшія данныя его біографіи приходится устанавливать гадательно. Іоаннъ едвали получилъ серьезное образованіе, едва-ли учился и работалъ систематически въ какой нибудь школѣ [1]), но онъ былъ „трудолюбенъ", а потому и начитанъ въ священномъ писаніи, о чемъ свидѣтельствуютъ сочиненія Іоанна со ссылками на священные тексты, а также и разсужденія его. Наконецъ, Іоанну былъ знакомъ и польскій языкъ [2]).

До принятія иноческаго сана Іоаннъ живалъ въ Луцкѣ, гдѣ былъ знакомъ съ Кирилломъ Терлецкимъ и Діонисіемъ Збируйскимъ, въ Острогѣ, Жидичинѣ и другихъ мѣстахъ Галицкой, Волынской и Подольской Руси [3]). Можетъ быть такъ же, какъ и другъ Іоанна—Княгиницкій, ушелъ онъ изъ дому бродить по монастырямъ, спасать душу и работать до изнуренія надъ книжнымъ дѣломъ, „рукодѣліє творѧ, єже книгы оправлѧти", „тягнучися терпеніемъ и смиреніемъ" ради будущаго спасенія и жизни вѣчной [4]). Мы считаемъ возможнымъ предположить, что Іоаннъ былъ въ молодости тѣсно связанъ съ Львовскимъ братствомъ, и когда ушелъ въ монашество, то возбудилъ этимъ много шуму, толковъ и убѣжденій возвратиться къ міру [5]). Такія заявленія побудили Іоанна возразить одному изъ защитниковъ „прехвальныхъ плодовъ въ мірскомъ житію гнѣздящихся" Юрію, вѣрнѣе всего Рогатинцу, посланіемъ къ старицѣ Домникіи. Въ этомъ посланіи есть упоминанія о нѣкоторыхъ мірскихъ знакомствахъ Іоанна. Съ однимъ изъ львовскихъ братчиковъ Красовскимъ Іоаннъ странствовалъ, предполагаемъ по какому то общему

---

[1]) Вишенскій, говоритъ: а ѡ собѣ азъ самъ свѣдителство вамъ даю, іако грамматично дробязку не изучих риторичню игрушки не вѣдах, философского высоко мечтателнаго не слыхахъ („Кіевск. Стар." 1889 г, № 4, стр. 31).

[2]) Голубевъ. П. Могила. Приложенія, стр. 109.

[3]) Голубевъ. П. Могила, стр. 67, 114. Ак. Ю. и З. Р., т. II, стр. 223, 231. 320. „Кіевск. Стар." 89 г., № 4, стр. 147—148.

[4]) Зоря, яко Албумъ, стр. 230.

[5]) Арх. Ю.-Зап. Р., т. VII, ч. I, стр. 34—35.

дѣлу[1]) „львовскаго народа“ [2]). Во время отправленія посланія Домникіи Іоаннъ жилъ въ Уневскомъ монастырѣ[3]), гдѣ провелъ первое время своего монашества и Іовъ Княгиницкій [4]). Во всякомъ случаѣ, это было время подготовительной работы крѣпнувшаго духомъ борца за народное южнорусское дѣло, время сближенія во едино лучшихъ людей юга, носившихъ въ себѣ одну душу, работавшихъ на разныхъ поприщахъ для счастія одной и той же своей „глупой“ Руси—дорогой родины. Еще до времени Брестскаго собора Вишенскій ушелъ въ монастырь на Аѳонъ. Много въ тѣ бурныя времена уходило на Аѳонъ люду, который хотѣлъ захватить тамъ ученой мудрости въ строго православномъ духѣ, такъ какъ „послѣ паденія Константинополя Аѳонъ сдѣлался главнымъ хранилищемъ сокровищъ духовной образованности. Сюда стремились всѣ лучшія силы грековъ, чтобы взаимными усиленными трудами собрать, сберечь и изучить національныя, дорогія произведенія греческаго ума“ [5]). Странниками изъ южной Руси, были, напримѣръ, Кипріанъ переводчикъ толкованій І. Златоуста на посланіе ап. Павла [6]), Іосифъ, переводившій толкованія на дѣянія апостольскія въ 1-й четверти XVII вѣка [7]) и мн. др. [8]) Аѳонъ удовлетворялъ религіознымъ потребностямъ тѣхъ южанъ, которые всѣмъ сердцемъ своимъ отдавались православному благочестію: онъ манилъ ихъ своимъ покоемъ и святостью „Вѣси, пишетъ Іоаннъ

---

[1]) Отказываясь отъ мірскихъ знакомствъ, Вышенскій говоритъ: „не вѣмъ другого развѣ странствовавшаго пана Красовскаго и на препитаніе (Іоанна) нечто возложившаго“. Арх. Ю.-З. Р., т. VII, ч. I, стр. 34—35.

[2]) Можетъ быть, странствіе было въ Варшаву; о посылкѣ въ Варшаву Д. Красовскаго при спорѣ братства съ львовскимъ магистратомъ въ 1600 г. мы знаемъ изъ Лѣтописи львов. брат. (Зубрицкій, стр. 44).

[3]) Арх. Ю.-З. Р., стр. 35.

[4]) Зоря, яко Альбумъ, стр. 228.

[5]) Подольск. Епарх. Вѣдом. 1875 г., № 17, стр. 425.

[6]) Прибавленія къ Твор. св. Отцевъ 1848 г., кн. II; стр. 163.

[7]) Сборникъ отд. рус. яз. и словесн. Ак. наукъ, т. 34, стр. 74. Тотъ же Іосифъ—переводчикъ „Душеполезныхъ поученій Аввы Дорофея 1628 г.“ Максимовичъ. Собр. соч., т. III, стр. 698.

[8]) О южанахъ, бывшихъ на востокѣ въ концѣ XVI и началѣ XVII вв. см. въ трудахъ: Терновскаго „Изуч. визант. ист.“, вып. 2, и Малышевскаго „Мелетій Пигасъ“, т. I и въ Приложеніяхъ passim.

съ Аѳона Княгиницкому, яко святая гора раю подобна, аеровоздушнымъ, чистотнымъ и утѣшительнымъ эфиромъ въ отлученію мира содержима дыхающе: сія и нынѣ никакоже оскудѣ благодать, яже отъ воздуха“ [1]). Эта обитель была достаточно безопасной для тѣхъ, кто страстнымъ словомъ и умѣлъ, и хотѣлъ, и могъ бороться за дорогія ему идеи. Вишенскій объясняетъ такими словами свое удаленіе на Аѳонъ: Бꙋ́дет зась и таѧ похва́лка ѹпротивных — волно ти мовѧчи тамъ заочне, и въ далеком Кꙋ́тѣ хочже и пра́вдою ѡ нас так безпечне ширмова́ти, але коли бы есѝ тꙋ́тъ былъ и тобѣ бы есмо тотъ ѧзыкъ, ѧко и Никифорꙋ [2]) затворили и пропи́сꙋти не дали. На тое вамъ такъ отповѣмъ; не длѧ дале́кости от вас бꙋдꙋчи ѧ пра́вдꙋ смѣле мо́влю, и пра́вдою вас постига́ю а̂ле заправдꙋ и оумрѣти изволѧю, аще Богъ дарꙋетъ, да зна́ете и помолѣтесѧ Богꙋ да вас сподобит и зраковиднѣ от мене́ рече́нное слышати, азъ бо жела́ю, но ещѐ во́лѣ Божей на сїе нѣсть, а ѡ себѣ наскакова́ти безстꙋднѣ пе́ски, ѧкоже вы на попо́вство безъ волѣ Божей не хощꙋ; наоучих бо сѧ благоговѣти къ благоговѣнномꙋ, и ѿ ѡного повелѣнїѧ ожида́ти, аще и бра́тскаѧ любов правосла́вных христїанъ спредѣловъ естественныхъ мѧ вытѧгаетъ“ [3]).

Скитальцы далекаго Аѳона не забывали своей родной земли. Они были въ постоянномъ общеніи съ южанами, а когда пришелъ часъ рѣшительной борьбы за интересы родины, они приняли въ этой борьбѣ самое горячее участіе. Уже А. М. Курбскій въ одномъ изъ писемъ къ извѣстному западно-русскому типографу, Мамонычу выражаетъ свой чрезвычайный восторгъ по поводу сочиненій Нила Кавасилы и Григорія Паламы, солунскихъ архіепископовъ XIV в., аѳонскими монахами съ греческаго на славянскій языкъ [4]). Въ составленіи посланія съ

[1]) Арх. Юго-зап. Р., т. VII, ч. I, стр. 36.

[2]) Протосинкелъ константинопольскаго патріарха на Брестскомъ соборѣ.

[3]) Ак. Ю. и З. Р., т. II, стр. 252.

[4]) „Но, оле! уже благодати ради Божія подана намъ книга въ помощь отъ святыя горы, яко самою рукою Божіею принесена, простоты ради и глубокаго неискусства церковниковъ русскихъ церквей“... Въ послѣдующихъ словахъ Курбскій

Аѳона на югъ (обнародованнаго кн. Острожскимъ въ 1598 г.) безъ сомнѣнія принимали самое дѣятельное участіе иноки русскаго происхожденія если не являлись исключительными составителями посланія; предисловіе говоритъ, что посланіе передается: „отъ святое Аѳонское горы скитствующихъ і о царствіи Христовѣ нудящихся отъ страны вашее вамъ поспѣшниковъ и молитвенниковъ“ [1]). И значеніе для южной Руси Аѳона, какъ высшаго руководителя православнаго благочестія, какъ школы духовной, было ясно сознаваемо въ началѣ XVII-го вѣка. Въ совѣтованіи „о благочестіи“ (1621 г.) сказано: „потреба естъ духовная абы и россовъ маючихся истиннѣ и кожитію добродѣтелному, посылати на Аѳонъ, яко вшколу духовную“ [2]).

Вишенскій вторую половину своей жизни (съ конца XVI-го вѣка) провелъ на Аѳонѣ. Тамъ была имъ написана большая часть сочиненій, отправляемыхъ на Русь: Іоаннъ въ своей публицистической дѣятельности шелъ тѣмъ же путемъ, на какой вступили и другіе аѳониты, посылавшіе свои увѣщанія и воззванія изъ далекихъ монастырей въ родную землю. Вопросъ о хронологической послѣдовательности сочиненій Вишенскаго не вполнѣ выясненъ: сами произведенія Іоанна даютъ для этого немного данныхъ. Къ періоду времени отъ 1588-го года до 1596-го г. [3]) можно отнести: „Сочиненіе о заблужденіяхъ римской вѣры“ [4]) и посланіе, отправленное наканунѣ Брестскаго

совѣтуетъ Мамонычу прочесть посылаемое письмо виленскому собору, „да наймутъ писаря добраго, кто бы приписываючи ее, не попсовалъ, взявши тую книгу у пана *Гарабурды*, або у меня, да препишутъ; а переписавши, трезвѣ да прочитаютъ отлучившеся отъ піанства: ибо тамъ готовые отвѣты блаженныхъ оныхъ мужей“. (Сказ. Курбскаго, стр. 230). Гарабурда (Вас. Мих.), собственникъ втораго экземпляра упоминаемой книги, виленскій типографъ XVI вѣка, издатель виленскаго Октоиха 1582 г. (Каратаевъ, Опис. славян. книгъ, стр. 200—201) и Шестоднева 1582 г. Послѣдняя книга была на выставкѣ послѣдняго VIII-го археологическаго съѣзда въ Москвѣ (коллекція г. Большакова).

[1]) Малышевскій, Мелетій Пигасъ, т. II, приложеніе II, стр. 44. Подпись аѳонитовъ выражена иными словами въ рукописи Царскаго, Строевъ, Описаніе рукописей, стр. 451.

[2]) Памятн. врем. ком., т., I, отд. I, стр. 248.

[3]) Макарій. Ист. рус. церкви т., X, стр. 301.

[4]) Ак. ю. и з. Рос., т. II, стр. 254—270. Вишенскій не хочетъ писать въ этомъ посланіи о кое какихъ новшествахъ католичества противныхъ православію,

собора „ко всѣмъ православнымъ жителямъ юго-западной Руси“ [1]).

Мы полагаемъ возможнымъ отнести къ этому же первому періоду литературной дѣятельности Вишенскаго „Посланіе [2]) старицѣ Домникіѣ, основываясь прежде всего на данныхъ для біографіи Вишенскаго, сохранившихся въ упомянутомъ сочиненіи. Эти данныя (см. выше) могутъ относиться только ко времени борьбы Гедеона съ львовскимъ братствомъ [3]) и широкой дѣятельности членовъ этого братства Красовскихъ и Рогатинцевъ [4]). Борьба Гедеона съ братствомъ заканчивается миромъ

„яко о всемъ томъ доволно Василій отъ блаженнаго писанія написа“ (стр. 264) „Книга о вѣрѣ единой“ издана въ 1588 г. въ Острогѣ (Рус. Историч. Библ., т. IV, примѣчаніе 29); подпись на книгѣ „мнѡгогрѣшный и хꙋждшїи въ христїанехъ ѹбогый васнлей“ (Каратаевъ. Опис. старопеч. кн., стр. 224). Ундольскій знаетъ эту книгу въ острожскомъ сборникѣ 1588 г. (Очеркъ слав.-рус. библ., стр. 17), какъ и Строевъ (Рукописи Царскаго, № 393). Головацкій указываетъ годъ перваго изданія „книги“ 1583 и предполагаетъ въ 1588 г. второе изданіе (Дополненія къ очерку Ундольскаго, стр. 18). Сочиненія Іоанна „о Заблужденіяхъ“ ни разу не упоминаетъ объ Уніи и относится къ заблужденіямъ только католичества.

[1]) Ак. ю. и з. Рос., т. II, стр. 224—227. Авторъ не упоминаетъ объ Уніи и Брестскомъ соборѣ, но содержаніе посланія указываетъ на такое сильное напряженіе борьбы православныхъ съ католическою пропагандою, что В—скій обращается къ своимъ слушателямъ больше съ укорами въ религіозныхъ нестроеніяхъ, чѣмъ съ убѣжденіями стоять за правую вѣру. Это сочиненіе Іоаннъ отправилъ на Русь черезъ проигумена „отъ св. Павелъ—отца Савву“.

[2]) Арх. юго-зап. Р., т. VII, ч. I, стр. 26—35.

[3]) Юрій, о которомъ упоминаетъ посланіе, обвиняется въ нѣкоторомъ вольнодумствѣ раціоналистическаго характера. Есть даже отдаленный намекъ на дѣло о своевольно устраненномъ львовскими братчиками священникѣ (Арх. Ю.-З. Рос., т. VII, ч. I, стр. 30), за что старшіе изъ братчиковъ Юрій и Иванъ Рогатинцы и Иванъ Красовскій были отлучены отъ церкви патріархомъ Іереміей въ 1589 году (Зубрицкій. Лѣтоп. львов. брат., стр. 21).

[4]) О братчикахъ Красовскихъ и Рогатинцахъ, которые въ концѣ XVI вѣка и началѣ XVII являются постоянно старшими братчиками во Львовѣ, находимъ упоминанія у Зубрицкаго въ Лѣтоп. львов. братс. подъ годами 1588, 1590, 1593, 1596 (въ послѣднемъ году Діом. Діом. Красовскій и Юрій Ѳом. Рогатинецъ были посланы брест. соборомъ помирить Гедеона съ львовск. брат.), 1601 и 1607 гг.; находимъ еще свѣдѣнія объ этихъ братчикахъ въ посланіи молд. господаря ко львов. брат. (Ак. ю. и з. Р., т. I, стр. 271), въ спискѣ львов. братства (Памятн. времен. ком., т. III, стр. 90) и въ судной грамотѣ Брест. соб. по дѣлу львов. брат. (Ibid., стр. 57).

1602 г. [1]), слѣдовательно подпись на посланіи „въ Уневскомъ монастырѣ“ не можетъ относиться къ позднѣйшему по времени посѣщенію Іоанномъ родины (1605—1607 гг.). Въ 1597 г. Вишенскаго уже не было на родинѣ [3]), поэтому „посланіе Домникіи“ могло быть отправлено только до 1597 г. и вѣрнѣе всего въ началѣ монашеской жизни Іоанна, который и называетъ себя въ концѣ посланія „странникъ реченный Вишенскій“ [2]).— Первымъ сочиненіемъ Вишенскаго послѣ Брестскаго собора было посланіе Іоанна къ князю Острожскому около 1597 г. [4]) и, наконецъ, посланіе къ „Митрополиту и Епископомъ“ [5]), отправленное не позже 1599 года, когда умеръ Михаилъ Рогоза [6]), котораго авторъ посланія знаетъ живымъ. Приблизительно къ тому же времени, если не къ самымъ первымъ годамъ XVII-го вѣка, относится „Краткословный отвѣтъ“ [7]) сочиненіе, безъ сомнѣнія принадлежащее Іоанну, скрывшемуся подъ псевдонимомъ Ѳеодула [8]).

Данныхъ о первыхъ годахъ XVII в. въ жизни Іоанна гораздо больше. Въ біографіи Іова Княгиницкаго есть упоминанія о пребываніи Вишенскаго въ родныхъ краяхъ Галичины [9]). Г. Миронъ съ полною убѣдительностью доказалъ, что време-

---

[1]) Макарій. Ист. церк., т. X, стр. 340.

[2]) Ак. ю. и зап. Р., т. II, стр. 224.

[3]) Арх. юго-зап. Р., т. VII, ч. I, стр. 35.

[4]) Ак. ю. и з. Р., т. II, стр. 205—224. Посланіе явилось послѣ изданія Эктезиса (1597), о каковомъ сочиненіи авторъ упоминаетъ въ началѣ посланія.

[5]) Ак. ю. и з. Р., т. II, стр. 227—254.

[6]) Макарій. Ист. цер., т. X, стр. 302.

[7]) Голубевъ. П. Могила. Прилож., стр. 109—145.

[8]) Сличи: Голубевъ. П. Могила. Прилож., стр. 144, 145 и „Кіевск. Стар.“ 89 г., № 4. Прилож., стр. 29—31 или рукоп. публ. библ. (Q., № 243) стр. 1 и оборотъ.

[9]) Въ одномъ мѣстѣ Игнатій изъ Любарова говоритъ: „и къ той часъ отецъ Іоаннъ Вышенскїй, другъ его (Іова) отъ святыя горы пріиде и поживъ съ нимъ нѣколико время: потомъ оба съвѣщавшися, жесточайшаго безмолвънаго житїя желающе, врꙋчаетъ старѣйшинство оученикꙋ своемꙋ їеродїаконꙋ Герасимꙋ и отходитъ оттолѣ старецъ въ дальнюю пꙋстыню яко д҃ (4) поприща“ (Зоря, яко Альбумъ, стр. 233). Въ другомъ мѣстѣ Игнатій продолжаетъ: „потомъ же Іоанъ

немъ пребыванія Вишенскаго на родинѣ были 1605—1607 г.[1]). Считаемъ весьма возможнымъ предположеніе, что Вишенскій прибылъ на родину съ цѣлью устроить свое монашеское житіе среди дорогаго ему люду „въ раздѣленныхъ сектахъ и вѣрахъ розмаитыхъ мешкаючого". Іоаннъ поговариваетъ объ этомъ съ Іовомъ, но пылкая его натура, съ которой такъ трудно было справиться Іоанну, по его же сознанію, и подъ монашеской рясой, удерживаетъ полемиста въ общежительномъ Угорницкомъ монастырѣ, мѣшаетъ уйти на все время въ пустыню къ Іову. Возможно, что Іоаннъ живымъ словомъ дополняетъ передъ православными, крѣпко стоящими за свою вѣру, мысли и желанія, выраженныя въ его посланіяхъ и сочиненіяхъ. Во всякомъ случаѣ онъ входитъ въ кругъ интересовъ львовской епархіи, жизнь которой шла тогда шумно среди борьбы съ разроставшейся уніей, послѣ едва законченныхъ споровъ Гедеона Балабана съ львовскимъ братствомъ. Іоаннъ заводитъ тогда широкія отношенія съ „галицкими мешканцями"; эти отношенія заставляютъ его не пропустить случая, когда братія Ксенова монастыря рѣшила идти отъ Аѳонской горы въ предѣлы православной земли; Вышенскій пересылаетъ черезъ нихъ свое новое посланіе съ Аѳона: „христолюбивому братству львовскому и прочимъ братіямъ единомудреннымъ и единоплеменнымъ"[2]). Въ тѣ же годы пребыванія на родинѣ Іоаннъ знакомится со многими новыми дѣятелями борьбы православія съ уніей, имена которыхъ встрѣчаются въ его позднѣйшихъ сочиненіяхъ, напри-

---

Вышенскый, взѧвши отрока сыновца его Дмитра, иже бѣ вручилъ ему старецъ, прїиде, и пребысть и той съ нимъ время немало; бѧше бо и той зело любѧ безсловїе и свѧтъ бѣ мужь и трудолюбенъ, іако же и отъ многихъ слышитсѧ" (Ibid., 234). Наконецъ біографъ Княгиницкаго упоминаетъ. что „Іоанъ же Вышенскїй поживши зде, паки отходитъ въ свѧтую гору, оставль при немъ (Іовѣ) отрока его, старцу же совѣтовавъ и молѧше и не отлучатисѧ прилично мѣсто спастисѧ хотѧщимъ еже и собыстъсѧ" (Ibib., 234).

[1]) „Кіевск. Стар.", 89 г., № 4, стр. 149.

[2]) Арх. юго-зап. Рос., т. VII, ч. I, стр. 24—26.

мѣръ съ Петромъ Ляховичемъ; ему Вишенскій „рачитъ спасеніе", какъ и „прочимъ благодателемъ и знаемымъ метаніе" въ письмѣ своемъ, посланномъ съ Аѳона послѣ 1607 г. „боголюбивому брату ми, яже о Христѣ, Іову" [1]). Какъ бы то ни было, но Іоаннъ долженъ былъ удалиться на Аѳонъ послѣ двухъ лѣтъ пребыванія въ южной Руси. Мы можемъ предположить, что причиной его удаленія были преслѣдованія католиковъ и уніатовъ, вызванныя рѣзкими полемическими сочиненіями Іоанна противъ нихъ: Вишенскій съ неохотою уѣзжаетъ съ юга, убѣждая Іова оставаться подъ роднымъ небомъ, спасать свою душу для жизни вѣчной. Іоанну остаться въ родномъ краю было уже не суждено...

И вотъ Вишенскій снова на Аѳонѣ. О продолженіи литературной дѣятельности полемиста мы знаемъ вплоть до 1614-го года. Къ этому періоду 1607—1614 гг. необходимо прежде всего отнести, кромѣ упомянутыхъ выше „посланія братству львовскому" и „письма къ Іову", „Зачапку мудраго латынника съ глупымъ русиномъ" [2]); „Зачапка" явилась съ псевдонимомъ Іоанна—Христофоръ [3]). Послѣднее произведеніе, посланное Вишенскимъ на Русь было „Позорище Мысленное", отвѣтъ „на хулу въ прилозѣхъ толку апостольскаго въ книжцѣ о священствѣ Златоуста выдрукованной" [4]). Книга „о священствѣ Іоанна Златоустаго" напечатана во Львовѣ въ 1614 г. [5]). Позже этого года мы не знаемъ ни одного сочиненія Іоанна Вишенскаго. Можно думать, что Іоаннъ подъ конецъ своей жизни удалился навсегда отъ міра и его живыхъ интересовъ, весь отдался спасенію грѣшной души своей: въ заголовкѣ послѣдняго сочиненія Вишенскаго говорится, что „Позорище Мысленное" составлено „отъ инока въ пещерѣ горѣ сѣдящаго и себѣ внимающаго преподобнаго и блаженнаго отца Киръ Іоанна Вишенскаго отъ

---

[1]) Ар. Ю.-З. Р., т. VII, ч. I, стр. 36—37.

[2]) Голубевъ. П. Могила. Приложенія. стр. 67—108.

[3]) Голубевъ. Ист. Кіев. духовн. Академіи, вып. I, стр. 185. Сумцовъ. „Кіевская Старина" 85 г. №4, стр. 651—652. Миронъ. „Кіевская Старина" 89 г. № 4, стр. 150.

[4]) Арх. Юго-Зап. Р. т. VII, ч. I, стр. 37—48.

[5]) Каратаевъ. Хронологич. роспись, стр. 27.

святыя аѳонскія горы". „Позорище Мысленное" было послано Михаилу Вишневецкому, извѣстному ревнителю православія [1]), „да направятъ его потомъ во Львовъ, въ подгорскую сторону и до церкви перемышльской", и „всему сему писанію у церкви перемышской остатися изволяю", говоритъ самъ Іоаннъ въ заголовкѣ сочиненія. Послѣднюю хронологическую дату для біографіи Вишенскаго мы находимъ подъ 1621 г.: въ „Совѣтованіи о благочестіи". Между прочими мѣрами для церковнаго благоустройства южной Руси въ совѣтованіи предлагается (§ 22): „Посла́ти до патрїа́рхи констaнтинополскаго поблагословенїе по́мочъ и ра́дꙋ и на светꙋю Аѳо́нъскꙋю горꙋ — посла́ти, вызвати и припрова́дити преподо́бныхъ мꙋже́й Ро́ссовъ, межи и́ными блаженъныхъ Кѵпрїана и Іо́ана поре́кломъ Вишенского и прочїихъ тамо ѡбрѣта́ющихся вжитїи и бгословїи цвитꙋщихъ [2]). Мы не знаемъ, однако, засталъ ли этотъ призывъ Іоанна въ живыхъ, пріѣзжалъ ли онъ на родину и долго ли жилъ послѣ упомянутаго 1621 г.? Имя Кипріана извѣстно намъ, какъ имя переводчика толкованій Златоуста на посланія ап. Павла, изданныхъ въ Кіевѣ 1623-го года [3]). Имя Іоанна послѣ упоминанія въ „Совѣтованіи" исчезаетъ на долгое время изъ памяти потомковъ. Только изслѣдователи старины во второй половинѣ XIX вѣка опять обратили вниманіе на знаменитаго полемиста и стали постепенно открывать и печатать его сочиненія. Кромѣ упомянутыхъ выше десяти сочиненій Іоанна, намъ извѣстны и остальныя сочиненія Вишенскаго. Одно изъ нихъ—„Обличеніе діавола миродержца" приведено въ извѣстность г. Голубевымъ по списку рукописи Царскаго [4]) и г. Мирономъ по рукописи Подгорецкаго василіанскаго монастыря [5]). Кромѣ того, изъ той же рукописи г. Мирономъ

---

[1]) Мих. Корибутовичъ Вишневецкій, мужъ Раины Могилянки, отецъ Іеремін Вишневецкаго, желая пособить львовскому братству издать Апостольскія дѣянія, но не имѣя денегъ, отдалъ въ залогъ свой клейнотъ... Фактъ для того времени характерный и любопытный. (Зубрицкій, Лѣтоп. львов. брат. стр. 55).

[2]) Памят. кіев. врем. ком. т. I. отд. I, стр. 247).

[3]) Имп. Публ. Библ. 1—6, № 5 б.

[4]) Арх. Юго-Зап. Р. т. VII, ч. I стр. 18—24.

[5]) Кіев. Стар. 89 г. № 4. Прилож. стр. 31—36.

извлечены—предисловіе къ собранію сочиненій Вишенскаго, оглавленіе сборника, „О чину прочитанія сего писанія" и „Къ прочитателю наеднѣ сего писанія" [1]). Полнаго собранія сочиненій І. Вишенскаго въ рукописи мы не имѣемъ [2]). Рукописныхъ же сборниковъ его сочинеій имѣемъ три: рукопись Царскаго [3]) въ спискѣ Кіев. Акад. [4]), по которой напечаты сочиненія Вишенскаго въ Архивѣ Ю.-З. Руси, рукопись Подгорецкаго монастыря, изъ которой сдѣлалъ извлеченія Миронъ; и рукопись Имп. публ.

---

[1]) „Кіевск. Стар." 89 г., № 4, Прилож., стр. 27—31.

[2]) Сочиненія І. Вишенскаго въ хронологическомъ порядкѣ можно расположить такъ:

I. Сочиненія 1588—1596 г.

1) Посланіе старицѣ Домникіи.

2) О заблужденіяхъ римской вѣры.

3) Посланіе ко всѣмъ православнымъ жителямъ.

II. Сочиненія 1597—1600 г.

4) Посланіе кн. Острожскому.

5) Посланіе къ митрополиту и епископамъ.

6) Краткословный отвѣтъ Өеодула.

Въ этомъ же періодѣ, во всякомъ случаѣ не позже 1607—1608 гг., написаны Вишенскимъ: 7) Обличеніе діавола, 8) О еретикохъ, 9) Загадка философомъ, 10) Слѣдъ краткій, 11) Новина. Кромѣ того, Іоанномъ были составлены тогда же тѣ предисловія къ сборнику сочиненій, которыя напечатаны Мирономъ въ Кіевской Старинѣ 89 г. № 4. стр. 27—31.

III. Сочиненія 1607—1614 г.

12) Зачапка мудраго латынника.

13) Посланіе братству Львовскому.

14) Письмо Іову Княгиницкому.

15) Позорище мысленное.

Кромѣ этихъ пятнадцати сочиненій, трехъ предисловій и одного оглавленія произведеніи В—скаго, приведенныхъ въ извѣстность, въ „Зачапкѣ" упоминаются еще „три цвѣточка" Іоанна: 1) древо, зовомое разумное, философія, не поганскаго учителя Аристотеля, але православныхъ Петра и Павла. 2) Церковца, въ которой о учтивости оное письмомъ коротко изображенно есть. 3) Маленькая пѣсенька церковная, которую зразумѣвши благоразумную мысль, отъ сладости николиже пѣти не престанешъ. (Голубевъ. П. Могила, Приложенія стр. 74). Въ описаніи рукописей Царскаго у Строева упоминается „посланіе Михаилу Вишневецкому". Сочиненій В—скаго можно считать числомъ 19, изъ которыхъ по напечатаніи ниже четырехъ только четыре выше упомянутыя остаются неизвѣстными.

[3]) Строевъ. Рукоп. слав. и рос. Царскаго. 1848 г. стр. 605—606. № 486.

[4]) Библ. Кіев. Дух. Академіи R. № 213.

библ., послужившая текстомъ для напечатанія четырехъ посланій Іоанна и сочиненія монаха Леонтія „О еретикахъ“ въ Акт. ю. и з. Россіи [1]). Рукописи публ. библ. и Подгорецк. монастыря совмѣстно заключаютъ въ себѣ произведенія Вишенскаго, кромѣ сочиненій, подъ которыми стоятъ псевдонимы (Зачапка, Краткословный отвѣтъ), сочиненій, написанныхъ Іоанномъ въ періодъ 1607—1614 гг. (Посланіе львов. брат., Іову и Позорище), и посланіе Домникіи. Первымъ по времени сборникомъ сочиненій Вишенскаго мы и считаемъ рукопись, текстъ которой, переписанный на югѣ во второй половинѣ XVII в., хранится въ публ. библ. Въ эту рукопись вошли: „Обличеніе діавола“ и все то, что извлечено г. Мирономъ изъ Подгорецкой рукописи [2]), четыре посланія Іоанна, напечатанныя въ Актахъ, четыре небольшихъ сочиненія, которыя мы печатаемъ ниже, какъ до сихъ поръ неизвѣстныя и нигдѣ не напечатанныя: (О еретикохъ, Загадка философомъ латинскимъ [3]), Слѣдъ краткій и Новина). Вслѣдъ за этимъ было переписано введеніе въ разсужденіе Леонтія и самое разсужденіе „О еретикахъ“ (напечатанное въ Актахъ) [4]). Разсужденіе относится къ 1608 г. И сочиненія Вишенскаго, и сочиненія Леонтія тѣсно соединены другъ съ другомъ въ текстѣ,—переходомъ отъ одного къ другому служатъ слова не съ новой страницы, а съ новой строчки: **Доздѐ книжки Вышенского Іоанна Мниха. Сеже натѹюжъ потейскѹю ересь другія книжки Леонтія еродіакона печерскаго монастыря кіевскаго. Правовѣрніи внимайте словесемъ симъ, паче же духовніи** [5]). Сочиненія Леонтія служатъ какъ бы продолженіемъ сочиненій Іоанна. Первое собраніе сочиненій Вишенскаго могло быть сдѣлано и самымъ Леонтіемъ, присоединившимъ къ книжкамъ Вишенскаго свои размышленія, или переписчикомъ сочиненій того и другаго въ 1608 г. (а можетъ быть не многимъ позже): потому мы и не встрѣ-

---

1) Имп. публ. библ. Q. 243.

2) Первыя двѣ четвертушки въ рук. публ. библ. вырваны.

3) Г. Миронъ совершенно напрасно отожествляетъ „Зачапку“ съ „Загадкой“. (К. Стар. 89 г. № 4. стр. 146). „Зачапка“ и „Загадка“ два совершенно различныхъ сочиненія и по своему объему, и по своему содержанію.

4) Ак. ю. и з. Р. стр. 271—287.

5) Рук. Имп. публ. библ. Q. 243, оборотъ 165-й стр.

чаемъ въ этомъ сборникѣ—сочиненій послѣдующихъ годовъ, не встрѣчаемъ сочиненій Іоанна, скрывавшихъ автора псевдонимами, которые раскрывать было неудобно при жизни Іоанна, особенно послѣ его путешествія на родину въ 1605—1607 годахъ. Какъ рѣзкія и безпощадныя нападки на Унію въ концѣ XVI вѣка, заставили Іоанна слѣдующее по времени сочиненіе обозначить именемъ Өеодула, такъ и одно изъ первыхъ сочиненій послѣ путешествія на югъ онъ нашелъ удобнымъ прикрыть именемъ Христофора. Этихъ сочиненій и не вноситъ переписчикъ въ свой сборникъ произведеній Вишенскаго, во всякомъ случаѣ составленный около 1608 года на Украинѣ [1]). И напечатанныя въ Архивѣ и Кіев. Стар., и печатаемыя ниже сочиненія Вишенскаго—небольшіе этюды и разсужденія на благочестивыя темы; мы признаемъ ихъ написанными до 1607 года, въ первые періоды полемической дѣятельности Іоанна; потому эти сочиненія и явились въ первомъ собраніи сочиненій Вишенскаго.

Сличая текстъ Подгорецкаго сборника сочиненій Вишенскаго, съ рукописью публ. библ., мы проходимъ къ убѣжденію что Подгорецкая рукопись—списокъ съ той же самой первоначальной рукописи, текстъ которой сохранился въ публ. библ. Подгорецкая рукопись отличается по языку отъ рукописи публ. библ. *привнесеніемъ* въ первую тѣхъ особенностей галицко-русскаго говора, которыя ярко выступаютъ въ языкѣ XVII вѣка. Подгорецкая рукопись содержитъ въ себѣ все то, что списано въ рукописи публ. библ., но въ ней недостаетъ четырехъ ниже печатаемыхъ сочиненій Вишенскаго, сочиненія Вишенскаго „О заблужденіяхъ рим. вѣры“ и конца „Посланія къ утекшимъ отъ праславное вѣры епископомъ“ [2]), т. е. сочиненій, помѣщенныхъ въ концѣ рукописи произведеній Іоанна публичной библ. Послѣднее сочиненіе безъ конца въ Подгорецкой рукописи, писано къ тому же скорописью [3]):

[1]) Часть текста „Краткословнаго отвѣта“ („Къ прочитателю наеднѣ“) находится и въ рукописи публ. библ. Но мы не должны забывать, что эта статейка ничѣмъ несвязана съ текстомъ „Краткословнаго отвѣта“ и была, очевидно, подвижною частью сочиненія, переносимою или къ началу сборника сочиненій, или къ одному сочиненію въ видѣ наставленія, предисловія къ нему.

[2]) К. Стар. 89 г. № 4 стр. 146.

[3]) Ibid. Прилож. стр. 22.

у переписчика не хватило терпѣнія переписать всю рукопись сочиненій Вишенскаго, и онъ бросилъ свое дѣло на половинѣ. Такимъ образомъ, въ Подгорецкой рукописи мы имѣемъ несовсѣмъ аккуратный и полный списокъ сочиненій Вишенскаго съ рукописи, текстъ которой былъ написанъ на Украинѣ и сохранился въ спискѣ публичной библ. При томъ подгорецкій списокъ былъ составленъ галичаниномъ, внесшимъ яркія особенности галицко-рус. говора въ текстъ своей переписки[1]).

Позднѣйшимъ текстомъ была рукопись Царскаго, списокъ которой хранится въ Кіев. дух. акад. По описанію Строева[2]) видно, что рукопись Царскаго составлена не изъ однихъ сочиненій Вишенскаго: это былъ сборникъ сочиненій противъ уніи. Первыя 217 изъ 536 страницъ рукописи заняты сочиненіемъ Захаріи Копыстенскаго „Книга о правдивой едности правовѣрныхъ христіанъ“[3]). Дальше слѣдуютъ сочиненія Вишенскаго: посланіе до Львова, старицѣ Домникіи[4]), отцу Іову, посланіе князю Михаилу Вишневецкому (?), Зачапка, Краткословный отвѣтъ, Посланіе Острожскому, архіепископомъ и, наконецъ, „Позорище мысленное“.... Списокъ Царскаго, судя по тексту библ. кіев. акад., перепечатанному г. Голубевымъ въ Архивѣ, сдѣланъ великороссомъ, не знавшимъ малорусскихъ оборотовъ рѣчи, малорусскихъ словъ, а потому при перепискѣ исказившимъ текстъ рукописи. Составляя сборникъ сочиненій противъ уніи, переписчикъ заимствовалъ сочиненія Вишенскаго, должно быть изъ позднѣйшихъ сборниковъ его сочиненій, куда входили

---

[1]) Подгорецкая рукопись въ 1623 г. принадлежала Петру Могилѣ. „Кіевская Старина“ 89 г. № 4, Прилож. стр. 21.

[2]) Рукописи Царскаго № 486.

[3]) Сочиненіе Захаріи Копыстенскаго „О вѣрѣ единой апостольской церкви“ изд. въ 1619 г. Филаретъ, Обзоръ дух. литерат. стр. 179. О немъ же Рус. Ист. библ. т. IV. Прим. 29.

[4]) То, что одно изъ раннихъ сочиненій Вишенскаго находимъ только въ спискѣ позднѣйшихъ сочиненій, а не среди болѣе ранняго сборника, не противорѣчитъ высказываемому мнѣнію; посланіе старицѣ Домникіи оканчивается словами Вишенскаго: „и паки молю, сохрани сіе писаніе да ми его повратиши, нужда бо есть“ (Арх. стр. 35). Посланіе Домникіи могло быть неизвѣстнымъ до послѣдующаго времени, какъ сохранившееся въ рукахъ Іоанна.

и произведенія послѣдняго періода литературной дѣятельности Вишенскаго съ 1607 г., куда были внесены и сочиненія Вишенскаго, скрытыя псевдонимами, и посланія частнаго характера. Можетъ быть это былъ сборникъ самого Захаріи Копыстенскаго: о Зах. Копыстенскомъ мы знаемъ, какъ онъ живо интересовался судьбою друга Вишенскаго—Княгиницкаго и его дѣятельностію, посѣтивши его въ пустынѣ [1]), отмѣтивши въ „Палинодіи" печальную вѣсть о смерти „Боголюбиваго Іова" [2]).

Таковы собранныя данныя и возможные изъ нихъ выводы о судьбѣ Іоанна, численности, хронологической послѣдовательности рукописныхъ сборниковъ и о спискахъ сочиненій Вишенскаго.

Русская историческая литература начинаетъ упоминать о Вишенскомъ преимущественно послѣ 1865 года; въ этомъ году были изданы первыя четыре посланія Іоанна во II-мъ томѣ Актовъ южной и зап. Россіи. Упоминанія русскихъ историковъ о Вишенскомъ ограничиваются, главнымъ образомъ, выписками изъ его сочиненій, но не характеристикой его полемической дѣятельности и литературной личности. Соловьевъ отмѣчаетъ, что ожиданія враговъ православія послѣ Брестскаго собора, будто востокъ рѣшительно слабъ и отъ него нельзя ожидать никакого отпора, не оправдались; „послышался сильный обличительный голосъ съ Аѳона отъ тамошняго русскаго инока Іоанна Вишенскаго." Дальше слѣдуютъ отрывки изъ посланій Іоанна [3]). Преосв. Макарій въ Ист. рус. церкви подробно излагаетъ содержаніе четырехъ посланій Вишенскаго, напечатанныхъ въ Актахъ, одно за другимъ, замѣчая отъ себя о рѣзкости языка Вишенскаго, о длиннотахъ и многословіи рѣчи въ посланіи Іоанна къ владыкамъ, принявшимъ унію [4]). Небольшую характеристику полемической дѣятельности Вишенскаго даетъ А. Н. Пыпинъ въ Исторіи славянскихъ литературъ [5]). Авторъ объемистой статьи о Вишенскомъ г. С. Л—въ [6]) излагаетъ положеніе общественно-

[1]) Зоря, яко Албумъ стр. 238.
[2]) Рус. истор. библ. т. IV стр. 856.
[3]) Соловьевъ, Ист. Россіи, т. X стр. 54—57.
[4]) Макарій, т. X стр. 295—301.
[5]) Томъ I, стр. 334—335.
[6]) Подольск. Епарх. Вѣд. 1875. №№ 15, 17, 18, 19, 20, 21.

религіозныхъ вопросовъ того времени, сводитъ нѣкоторыя біографическія данныя объ Іоаннѣ и съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на очеркѣ религіозныхъ воззрѣній и полемикѣ автора; отношеніе Іоанна къ этимъ воззрѣніямъ характеризуется такими словами г. С. Л—ва: Вишенскій поверхностно смотритъ на предметъ, не проникая въ глубь его; цѣлыя страницы посланій его наполнены вопросами и восклицаніями—и изъ этихъ тирадъ выносится мало успокоенія для сосредоточеннаго ума [1]).

Филаретъ ограничивается незначительной замѣткой о Вишенскомъ въ своемъ Обзорѣ русской духовной литературы, обозначая сочиненія Вишенскаго, какъ богословскія, а мѣсто подвижничества Іоанна на Аѳонской горѣ исключительно монастырь Зографъ [2]). Едвали авторъ Обзора видѣлъ сочиненія Вишенскаго и читалъ ихъ, что и не дало ему возможности быть правдивымъ въ своихъ утвержденіяхъ [3]). Первый издатель посланій І. Вишенскаго, Костомаровъ, удѣлилъ его произведеніямъ нѣсколько страницъ монографіи „Южная Русь въ концѣ XVI вѣка“ [4]), воспользовавшись отрывками сочиненій для характеристики бытовой обстановки южно-русской жизни въ разсматриваемый періодъ. На полемической дѣятельности самого Вишенскаго Костомаровъ не останавливался, но широко, красиво набрасывая картину интересовавшей его эпохи говорилъ отъ имени Вишенскаго часто то, чего самъ Вишенскій не говорилъ [5]). Г. Кулишъ приводитъ въ своемъ изслѣдованіи о возсоединеніи Руси почти весь подлинникъ четырехъ посланій Вишенскаго, подновляя произношеніе словъ въ переложеніи на свою фонетику, присоединяя къ отрывкамъ сочиненій Іоанна свои же кра-

---

[1]) Подольск. Епарх. Вѣд. 1875 г., стр. 614.

[2]) Обз. дух. лит. ч. I стр. 175.

[3]) Филаретъ указываетъ на существованіе четырехъ посланій: къ кн. Острожскому и ко всѣмъ православнымъ съ увѣщаніемъ стоять въ православіи, ко Львовскому братству и къ отцу Іову скитнику Марковой пустыни *о томъ же*, посланіе къ отступникамъ отъ православія, указываетъ, что *всѣ* посланія отправлены на Русь вмѣстѣ съ посланіемъ аѳонскихъ старцевъ въ 1596 г., чего утверждать мы не имѣемъ никакого основанія.

[4]) Моногр. и изслѣдованія т. III, стр. 173—322.

[5]) См. Кулишъ. Ист. возс. Руси, т. I стр. 302, 303.

сноръчивыя измышленія и сопоставленія [1]). Для г. Кулиша Вишенскій стоитъ на недосягаемой высотѣ ветхозавѣтнаго пророка: Іоаннъ, говоритъ г. Кулишъ „добровольный мученикъ нищеты и аскетическихъ лишеній,“ исполнившійся „духа апостольской ревности,“ первый авторитетъ для осиротѣлой къ концу XVI в. русской паствы. Вишенскій, „глядѣвшій на житейское море и его напасти съ подоблачной горы своей, разсказываетъ г. Кулишъ, изобразилъ его такъ выразительно, что перу историка не осталось ничего дѣлать съ его рукописью. Среди бури напастей, въ бушующемъ житейскомъ морѣ, только его пустынный голосъ, голосъ отошедшей на гору церкви Христовой, покрывалъ стихійныя начала жизни въ ихъ безпорядочномъ бореніи между собою. Всѣ голоса, молящіе, грозящіе, всѣ вопли жертвъ и крики притѣснителей, призывъ къ отпору и перекличка между раскиданными частями братскаго воинства, все пробивается неясно сквозь грозный ревъ и гулъ, точно крики потерявшихъ дорогу, среди степной мятели. Голосъ (Іоанна) былъ явственно слышенъ; онъ давалъ сбившимся съ дороги направленіе; онъ ободрялъ, онъ пророчествовалъ и такъ дѣйствительно сталось, какъ онъ пророчествовалъ среди бури“.... Таковы образцы характеристики г. Кулишемъ Вишенскаго, слишкомъ шумные, что бы быть убѣдительными. Крайнія похвалы и пророческая характеристика Іоанна слышатся и въ обстоятельной статьѣ проф. Сумцова о Вишенскомъ [2]). „Іоаннъ Вишенскій, говоритъ г. Сумцовъ, въ нѣкоторой степени напоминаетъ Пушкинскаго пророка. Томимый духовной жаждой, онъ удалился въ аѳонскія пустыни; здѣсь явился къ нему шестикрылый серафимъ—любовь къ угнетенной, обманутой, осмѣянной родинѣ,—вынулъ изъ его груди трепетное сердце и вложилъ въ нее уголь, пылающій огнемъ гнѣва и негодованія, открылъ ему зѣницы и обратилъ его вниманіе на всѣ современныя ему явленія южнорусской жизни, хорошія и дурныя, радостныя и печальныя, и бѣдный, малообразованный малороссіянинъ—аѳонитъ сразу про-

[1]) Кулишъ, Ист. возс. Руси, т. I, стр. 289—319.

[2]) „Кіев. Стар.“ 1885 г. № 4, стр. 649—677.

зрѣлъ въ глубину южно-русской жизни, увидѣлъ тайные ходы латино-уніатскихъ гадъ, замѣтилъ прозябаніе хлопа и пошелъ на родину жечь сердца людей своимъ горячимъ одухотвореннымъ словомъ".... Впрочемъ, указываетъ дальше г. профессоръ, Вишенскій, можетъ быть, напоминалъ и Лермонтовскаго пророка....

Подобныя приведенымъ выше характеристики не даютъ никакихъ опредѣленныхъ образовъ, расплываются въ шумныхъ или красивыхъ фразахъ, да и основаны на остроуміи авторовъ, а не на фактическихъ данныхъ. Слушателями и „прочитателями" сочиненій Вишенскаго не было козачество, о которомъ Вишенскій, современникъ Сагайдачнаго, ни однимъ словомъ не обмолвился во время всей своей обширной литературной дѣятельности; еще менѣе аудиторіей Вишенскаго могло быть поспольство. Вишенскій обращался съ своими рѣчами, прежде всего, къ панству, особенно богатому „можновладству" и къ высшему духовенству, затѣмъ къ „меньшимъ братьямъ" въ смыслѣ городскаго населенія и къ небогатой южно-русской шляхтѣ, особенно той, которая принимала участіе въ жизни южно-русскихъ братствъ. И по существу натуры своей пророкомъ, какимъ его пытаются изобразить г. Кулишъ и г. Сумцовъ, Вишенскій не могъ быть. Выше мы приводили оправданіе Іоанна, почему онъ удалился на Аѳонъ и оттуда ведетъ свою полемику съ врагами православія и его отчизны. Ссылаясь на примѣръ Никифора-Протосинкела, котораго враги заточили въ крѣпость, Іоаннъ выражаетъ свою готовность за правду и умереть, но, добавляетъ полемистъ, „еще волѣ Божей на сіе нѣсть". Іоаннъ не пожелалъ, однако, вести свою борьбу, явившись лично на родину подъ страхомъ жестокаго преслѣдованія, — воля Божія въ этомъ случаѣ не пришла на помощь осторожному „страннику"...

Характеръ проповѣдника—агитатора приданъ Вишенскому и при характеристикѣ его, мастерски набросанной г. Мирономъ въ послѣдней (по времени) статьѣ о полемической дѣятельности Іоанна [1]): „Вишенскій, говоритъ почтенный ученый, является горячимъ пропагандистомъ въ родѣ какого нибудь Гуттена".

[1]) „Кіев. Стар." 1889 г., № 4, стр. 141—151.

Но г. Миронъ самъ признаетъ идеалы Вишенскаго идеалами аскетическими и византійскими, что такъ непохоже на весь идейный обликъ великаго агитатора Западной Европы XVI в. Ульриха Гуттена. Во всякомъ случаѣ, такое сравненіе только путаетъ понятія; оно не даетъ никакого яснаго и отчетливаго образа, кромѣ неожиданнаго сопоставленія эффектныхъ именъ.—Отсылаемъ читателей къ наиболѣе остроумной, тонкой и наименѣе фантастической характеристикѣ Вишенскаго г. Мирона. Характеръ языка и слога Вишенскаго читатель замѣтитъ изъ отрывковъ сочиненій полемиста въ послѣдующемъ изложеніи. Къ этимъ отрывкамъ присоединимъ еще нѣсколько строкъ, живо характеризующихъ и подборомъ словъ, и оборотами рѣчи рѣзкость и юморъ полемическаго тона Вишенскаго, всегда страстнаго, кипучаго, раздраженно ядовитаго.—Защищая въ одномъ изъ своихъ посланій иноковъ отъ нападокъ свѣтскихъ людей, Іоаннъ сравниваетъ монаховъ съ воинами, которымъ приходится бороться въ жизни, какъ бы на войнѣ. А ты кто такой? обращается Вишенскій со словомъ укора къ обличителю инока. „Еще еси на войну не выбрався, еще еси доматуръ, еще еси кровоѣдъ, мясоѣдъ, волоѣдъ, скотоѣдъ, звѣроѣдъ, свиноѣдъ, куроѣдъ, гускоѣдъ, птахоѣдъ, сытоѣдъ, сластноѣдъ, маслоѣдъ, пирогоѣдъ, еще еси периноспалъ, мягкоспалъ, подушкоспалъ; еще еси тѣлу угодникъ, еще еси тѣлолюбитель, еще еси кровопрагнитель, еще еси перцолюбецъ, шафранолюбецъ, имберолюбецъ, гвоздиколюбецъ, кминолюбецъ, цукролюбецъ и брѣдень горко и сладко—любецъ; еще еси конфактолюбецъ, еще еси чревобѣсникъ, еще еси гортановстекъ, еще еси гортаногратель, еще еси гортаномудрецъ, еще еси дѣтина, еще еси младенецъ, еще еси млекопій. Якъ же ты хочешъ бѣду военника, бьючогося и борючогося у цицки матернее дома сидячи, разазнати, розсудити“ [1]). Въ „Посланіи къ Домникіи“ Іоаннъ мрачными красками рисуетъ способы достиженія духовныхъ должностей и кто становится на Руси духовнымъ? не дверьми восходятъ до духовнаго чина, нѣтъ, „але и тые самые дѣролазцѣ, наемницы, злодѣи, разбойницы, волци, драпежницы, пси, волхвы,

---

[1]) Акты Юж. и Зап. Рос., т. II, стр. 220.

городѣе, воини, жолнѣрѣ, кровопролійцы, игрцы, скоморохи, альбо машкаринки, всякъ видъ злобы мірское прошедшіе и естество обезчестившіе, которые нашу церковь нынѣ опановали и подъ власть себѣ мучительски покорили, нетолько же бы слѣда, аль-бо порядку якого законного на входѣ сѣдалища власти церковное заживати мѣли; але гонятся и одинъ одного для власти, сану и позысканія имѣній, перебѣгаютъ и упережаютъ, власнѣ якъ конскіе заводницы для закладу. Что бо за чинъ въ нашей церкви нынѣ на принятье стану духовнаго? не тотъ ли, присмотрися и признай, если правду глаголю: днесь катъ, а завтра священникъ, днесь мучитель, а завтра учитель; днесь корчмаръ и танцоводецъ, а заутра богословъ и народоводецъ, днесь убійца, а заутра святитель и епископъ; доднесь жертвовалъ сатанѣ все время вѣка сего, а нынѣ предъ олтаремъ предстоитъ и непостижимому Божеству таинствуетъ и жертву приноситъ [1])".

II.

Остановимся на характеристикѣ общественныхъ воззрѣній Іоанна Вишенскаго.

Время конца XVI и начала XVII вѣка было временемъ религіозной борьбы на югѣ Россіи. Вся историческая обстановка эпохи носитъ на себѣ отпечатокъ этой борьбы; она началась издавна до Брестской уніи и отразилась въ литературномъ развитіи южной Руси. Памятниками религіозной борьбы перваго періода были, по преимуществу, богослужебныя книги, необходимыя въ церковномъ обиходѣ. Изданія библій, евангелія, служебниковъ слѣдуютъ одно за другимъ; рѣдкими исключеніями являются такія книги, какъ хронологія Андрея Рымши 1581 г., посланіе патріарха Іереміи или привѣтъ Михаилу митроп. кіевскому 1591 г. и т. п. Многіе изъ этихъ сочиненій носятъ на себѣ исключительно богословскій характеръ, какъ „Ключъ разумѣнія небеснаго" г. Смотрицкаго, книга изданная въ Острогѣ въ 1587 г. Защитники православія выступали въ борьбѣ за родную вѣру

---

[1]) Архивъ Юго-зап. Р. ч. I, т. VII, стр. 30—31.

еще на практической почвѣ: издавая рядъ сочиненій богослужебнаго и богословскаго характера, они самимъ фактомъ появленія православныхъ книгъ на современномъ церковно - славянскомъ или русскомъ языкѣ отражали нападенія враговъ истинной вѣры. Они знали одно православіе, православныхъ людей и все вниманіе свое обращали только на защиту этого православія, его догматовъ и богослужебныхъ обрядовъ: православіе было альфой и омегой ихъ сознанія и общественныхъ убѣжденій. Но враги не дремали. Брестская унія, ея покровители и послѣдователи заставили выступить на борьбу новыхъ людей южно-русскаго общества. Люди этой поры, времени религіозной борьбы до Петра Могилы, видѣли для себя туже цѣль въ борьбѣ съ врагами, что и ихъ предшественники, но самыя условія разгоравшейся борьбы охватывали все большій кругозоръ, вызывали на борьбу всѣ силы южно - русскаго общества, ставили болѣе широкія требованія отъ защитниковъ „восточной вѣры": прежде шелъ только вопросъ о православіи и латинской вѣрѣ, южанинъ сознавалъ свою національность, опредѣляя ея особенность понятіемъ православія, со времени уніи, отправляясь отъ той же православной точки зрѣнія въ національномъ самосознаніи, южанинъ постепенно опредѣляетъ и уясняетъ свое *я*, какъ человѣка отличнаго по національности и отъ другихъ, хотя бы и близкихъ ему, сосѣдей. Православіе было отправной точкой въ опредѣленіи понятій Украина, украинецъ, понятій, получившихъ господство уже въ послѣдующую историческую эпоху южно-русской жизни. Конецъ XVI и начало XVII вв.—время едва, едва пробивающагося народнаго сознанія въ смыслѣ развитія пониманія своего національнаго *я*, время, когда робкими шагами, почти незамѣтными штрихами проскальзываетъ это сознаніе въ литературную, полемическую дѣятельность южной Руси. Провославіе и его защита— вотъ еще вся сумма общественныхъ убѣжденій южанина, но при этой защитѣ говорится не только о догматахъ и обрядахъ православной вѣры. Нѣтъ..... строятся уже логическіе выводы изъ требованій православной религіи и относятся къ строю и порядкамъ общественной жизни, опредѣляя общественныя воззрѣнія южно-русса на эту жизнь, ея историческія и бытовыя условія.

Полемисты не только спорятъ о догматѣ filioque или о чистилищѣ, они заговариваютъ о народѣ, о литературномъ языкѣ, о школѣ, о наукѣ — они затрагиваютъ общественные вопросы. Однимъ изъ главныхъ и самыхъ крупныхъ представителей этой эпохи южно-русскаго самосознанія былъ Іоаннъ Вишенскій, въ чемъ его основное значеніе, какъ писателя конца XVI и начала XVII вв., отсюда сильныя и слабыя стороны его литературной дѣятельности.

Мы не будемъ останавливаться спеціально на вопросѣ, каковъ объемъ представленій о православіи и его нуждахъ былъ у Вишенскаго. Намъ гораздо важнѣе выдѣлить черты, такъ сказать, свѣтскихъ взглядовъ Вишенскаго или тѣхъ православныхъ понятій, которыя имѣли тѣсное общеніе съ общественными воззрѣніями автора. Мы уже упоминали, что понятіе—православный объединялось съ понятіемъ—русскій. То и другое понятіе тождественны въ устахъ Іоанна. Одинъ только разъ противуполагаетъ онъ южноруссa и великороссa; для провѣрки православнаго чудотворства онъ предлагаетъ извѣстному писателю Скаргѣ: „пойди, Скарго, въ великую Россію“, а потомъ „доступи въ Кіевѣ въ монастырь печерскій... не ленися и выспрашивай о святыхъ оныхъ чюдотворствомъ мало неравно великороссійскимъ отъ Бога почтенныхъ“ [1]). Но дальше сопоставленія Вишенскій не идетъ въ опредѣленіи національныхъ противоположносностей. —Унія внесла путаницу въ эти понятія о православномъ и русскомъ. Русскіе принимаютъ унію. Кто же они такіе? Тождество понятій нарушено. Какъ же рѣшаетъ вопросъ объ уніи, какъ религіозномъ признакѣ національности, Іоаннъ Вишенскій? Несмотря на всѣ увѣренія католическаго духовенства и поклонниковъ уніи, что весь смыслъ соединенія православія съ католичествомъ кроется въ одномъ признаніи главенства папы, Вишенскій считаетъ это за выдумку. Ему кажется это неправдой, а унія объединяется въ его понятіи съ католичествомъ. Унитъ, католикъ, врагъ православія, становясь неправославнымъ человѣкомъ, является въ представленіи Іоанна и нерусскимъ человѣкомъ. Но

---

[1]) Голубевъ П. Могила. Прилож. 93.

Вишенскому приходилось касаться вопроса объ уніи въ часы самаго сильнаго увлеченія уніатствомъ со стороны южно-русскаго шляхетства и духовенства. Отсюда страстные призывы Іоанна къ своимъ соотечественникамъ оставаться въ родной вѣрѣ, не уходить отъ роднаго племени, оставаться православными и русскими людьми, отсюда — рѣзкія выходки и ругательства на отступниковъ восточной вѣры, русской народности. „Да прокляти будутъ владыки, архимандрити, игумени, восклицаетъ Іоаннъ Вишенскій, которіе монастырѣ позапустѣвали и фолварки собѣ зъ мѣстъ святыхъ починили, и сами толко зъ слугавинами и пріятелми ся въ нихъ тѣлесне и скотски переховываютъ; на мѣстохъ святыхъ лежачи, гроши збираютъ; съ тыхъ доходовъ, на богомолци Христовы наданыхъ, дѣвкамъ своимъ вѣно готуютъ, сыны одѣваютъ, пріятелѣ обогачуютъ, карети зиждутъ, возники сытые и единообразные спрягаютъ, роскошъ свою поганскіи исполняютъ. А въ монастырѣ рѣкъ и потоковъ, въ молитвѣ къ небесному кругу текущихъ, иноческаго чина, по закону церковному видѣти нѣсть, и мѣсто бденія пѣсни и молитвы и торжества духовнаго—пси выютъ, гласятъ и ликуютъ!... Не все ли превратися въ поганское безвѣріе,—и слѣдъ христіанскаго житія исчезе и погибе? Владыки бо безбожные, вмѣсто правила книжнаго чтенія и поученія въ законѣ Господни день и нощъ надъ статутами и лжею увесь вѣкъ свой упражняютъ и погубляютъ, и вмѣсто богословія и вниманія настоящаго житія, прелести, хитрости человѣческія, лжи, щекарства и прокурацій діаволскаго празнословія и угожденія ся учатъ" [1]). Такими словами характеризуетъ Вишенскій отступниковъ духовнаго сана. Не лучше было и съ панствомъ, которое увлекалось общеніемъ съ католичествомъ и польскимъ шляхетствомъ. И тѣхъ, и другихъ, удалявшихся православія, Іоаннъ клеймитъ озлобленнымъ словомъ, какъ русскихъ людей—измѣнниковъ, переставшихъ быть русскими людьми. Слушателямъ своимъ и „прочитателямъ" Вишенскій говоритъ: „спасайтеся братія моя возлюбленная, вѣрное стадо Христово, роде избранный, языку святый, царское освященіе,

[1]) Акты Южн. и Зап. Р., т. II, стр. 225, 226.

людіе обновленія, русскій благочестивый народе, сами[1]). Не попы бо насъ спасутъ или владыки, или митрополиты, но вѣры таинство нашея православныя съ храненіемъ заповѣдей Божіихъ — тое насъ спасти маетъ"[2]). Не находя достаточной поддержки православію въ высшихъ классахъ южно-русскаго общества и южно-русскаго духовенства, Вишенскій долженъ былъ съ тѣмъ большею любовію, съ особеннымъ вниманіемъ обращаться къ непривилегированнымъ классамъ южно-русскаго общества, стать защитникомъ болѣе бѣднаго населенія, низшихъ классовъ бѣдствующей Руси, сиромахъ и хлоповъ. Идеи демократизма, въ своемъ примитивномъ видѣ, обозначившіяся въ южно-русской литературѣ конца XVI вѣка, отправной точкой своей имѣли все тоже православіе, изъ основныхъ положеній формулъ и образовъ котораго выводились литературой XVI — XVII вв., такъ сказать, первоначальные народническіе идеалы для южно-русскаго общества. Іоаннъ въ одномъ изъ своихъ посланій разсказываетъ о томъ, почему Христосъ родился „нищетно“: для „того, говоритъ полемистъ, ся тѣлеснымъ сыномъ (Іисусъ) зоветъ, абы тые, которіе суть королевскіе и княжацкіе сынове, надъ кожемячиныхъ сыновъ не возносили и лѣпшими не чинилися; для того на гною, въ вертепѣ, безъ слугъ, въ пелющицахъ ся родитъ, а бы тые, которіе на подушкахъ мягкихъ, въ замкахъ, дворахъ и коштовныхъ гмахахъ при многу слугъ и дворянъ въ тонкихъ китайкахъ и у полотнахъ надъ убогихъ сиротски, голо и безъ достатку, всякаго родячихся лѣпшими не чинилися[3]). И авторъ переходитъ дальше къ самымъ страстнымъ нападкамъ на неравенство людей между собою: „якже ся вы духовными а не только духовными, але и вѣрными звати можете, коли брата своего, въ единой купели крещенія вѣрою и отъ единое матере благодати ровно зъ собою породившагося, подлѣйшимъ отъ себѣ чините, уничижаете, и ни за што быти вмѣняете, хлопаете, кожемякаете, шевцами на поруганіе прозываете. Добре, нехай будетъ хлопъ, кожемяка, сѣдельникъ и швець, але въспомяните,

[1]) Акты Ю. и З. Р, т. II, стр. 241
[2]) Ibidem, стр. 210.
[3]) Ibidem, стр. 240.

якъ братъ вамъ ровный во всемъ есть" [1]). И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ можно доказать, если не „гордой хулой и дменіемъ" разницу между хлопомъ и паномъ? „Чимъ же ты лѣпшій отъ хлопа, албо ты не хлопъ такій же, скажи ми" [2])? Вишенскій любитъ сравнивать враговъ православія съ „дѣдичами", русскихъ съ серомахами, странниками [3]). Ему дороги эти странники, бидолахи, болитъ за нихъ его сердце; „сами изъ гостьми своими пресыщаете, говоритъ Іоаннъ привилегированному классу, а сироты церковные алчутъ и жаждутъ, а подданные бѣдные въ своей неволи рочнего обходу удовлѣти не могутъ, съ дѣтми ся стискаютъ, оброку собѣ уймуютъ, боячися, да ихъ хлѣба до пришлого урожаю дотягнетъ" [4]). „Не ваши милости ли, продолжаетъ Іоаннъ свою защиту бѣдняковъ, сами обнажаете изъ оборы конѣ, волы, овцы, у бѣдныхъ подданныхъ волочите дани пѣняжные; дани пота и труда отъ нихъ вытягаете, отъ нихъ живо лупите, обнажаете, мучите, томите, до комягъ и шкутъ безвременно зимою и лѣтомъ въ непогодное время гоните; а сами яко идоли на одномъ мѣстцю присѣдите, или если и трафится того труппа оидолотвореннаго на другое мѣстце перенести на колыскахъ, якъ бы и дома сѣдачи, безскорбно преносите; а бѣдные подданные и день, и ночь на васъ трудятъ и мучятъ; которыхъ кровъ, силы и праци и подвига выссавши и нагыхъ въ оборѣ и коморѣ учинивши, вырванцовъ вашихъ, вамъ предстоящихъ, фалюндышами, утръфинами и каразіями одѣваете, да красноглядствомъ тыхъ слуговинъ око накормите; а тые бѣдници—подданные и простой сермяжки доброй, чимъ бы наготу покрыти могли, не маютъ! Вы ихъ пота мѣшки полны грошми золотыми, талярми, полталярки, орты, четвертаки и потройники напыхаете, суммы докладаете; въ шкатулахъ мѣстца, гдѣ бы которой особѣ съ тыхъ помененныхъ годное было почивати, росправуете; а тые бѣдници шелюга, за што соли купити, не ма-

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., т. II, стр. 239.

[2]) Ibidem.

[3]) Напримѣръ см. у Голубева. П. Могила, прилож. стр. 189 и т. п.

[4]) Акты Ю. и З. Россіи, т. II, стр. 230.

ютъ" [1]). Страстную защиту бѣднаго люду Іоаннъ заканчиваетъ словами: „глаголетъ Владыко Господь Саваоѳъ, о горе моцнымъ и преложонымъ въ лядской земли!"

Но мы должны ограничить возможность и сознательно разносторонне охваченныхъ демократическихъ убѣжденій у Іоанна Вишенскаго и его современниковъ; пока выступала защита бѣднаго люду, сиромахъ и сиротъ православныхъ, по христіанской любви и благочестію возбуждавшихъ искреннее участіе въ своихъ соотчичахъ. Сословно—демократическія понятія Вишенскаго, какъ признакъ національнаго самосознанія, не отдѣляются отъ православной точки зрѣнія, да и нападки автора въ защиту хлоповъ идутъ главнымъ образомъ не на панство, а на духовенство, возмущавшее автора своей измѣной родной вѣрѣ и „непотребнымъ житіемъ". Іоаннъ Вишенскій едвали шелъ въ народническихъ представленіяхъ дальше воззрѣній своего современника, автора „Перестроги", такъ опредѣленно высказавшаго свой взлядъ на взаимныя отношенія пановъ и ихъ слугъ словами: „естли слуга поревнуетъ пану по добродѣтели, почитанъ будетъ и любитъ его панъ; а естли панству, ровнатися похочетъ, изгнанъ будетъ вонъ" [2]). Только трудно, и было, и есть, и будетъ отыскать слугѣ панскую добродѣтель.....

Мы уже приводили обращеніе Іоанна къ своимъ слушателямъ, выраженное словами — братія моя возлюбленная, роде избранный, языку святый, русскій благочестивый народе [3]). Въ самомъ дѣлѣ, понятія „русскій народъ" и „православный—благочестивый народъ" были тождественны въ сознаніи Вишенскаго, какъ идея національной обособленности. Но только какъ идея.... Мы видѣли, что обстановка и историческія условія южно-русской жизни уже нарушили это тождество. Кромѣ тождества вѣры и народности у Вишенскаго было идеальное представленіе о тождествѣ языка съ этою русскою вѣрою и православною народностію. „Мы же есмо сосудъ избранный, языкъ святый" [4]). Этотъ

---

[1]) Акты Ю. и З. Россіи, т. II, стр. 230.

[2]) Акты Зап. Рос., т. IV, стр. 226.

[3]) Акты Южн. и Зап. Р., т. II, стр. 241.

[4]) Архивъ Юго-зап. Р., ч. I, т. VII, стр. 25.

святой языкъ — языкъ славянскій. Представленіе о славянскомъ языкѣ, какъ тождественномъ православной народности нарушено было изстари. Мы, собственно говоря, не можемъ установить момента, объединяющаго эти два понятія и славянскаго языка, какъ исключительнаго органа южно-русской мысли. Знаемъ только что съ появленія печатнаго дѣла въ южной и западной Руси явилась и „русская мова", русская рѣчь, сознательно отличаемая отъ славянской рѣчи и безсознательно охватывавшая всякаго южанина—грамотѣя, даже желавшаго и стремившагося писать и поучать исключительно на славянскомъ языкѣ. Рядомъ съ этимъ безсознательнымъ вліяніемъ народной русской рѣчи на славянскую съ начала XVI в. шло сознательное стремленіе писать и переводить съ иноземнаго языка не славянскимъ словомъ, а рѣчью русскою, какъ въ Библіи Скорины, евангеліяхъ Пересопницкомъ, Хорошевскомъ и др. [1]). Съ этой поры, съ начала южно-русской письменности XVI вѣка выступаетъ „русская мова" и широко вливается въ славянскій строй рѣчи, уже безъ того принявшій израньше много прежнихъ русскихъ народныхъ элементовъ въ складъ своего языка. Чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе и живѣе проникаетъ потокъ народной рѣчи, русской рѣчи въ славянскую рѣчь. Но идеаломъ языка объединяющаго южно-русскія національныя идеи — православіе и русскую народность оставался славянскій языкъ во всю эпоху XVI и XVII вв. Такъ смотрѣли и враги православія на славянскій языкъ. Скарга въ своей знаменитой книгѣ „O jedności kościelu" [2]), страстно нападаетъ на славянскій языкъ, какъ на представителя православной вѣры и русской народности. „Еще не было, говоритъ онъ, на свѣтѣ академіи, гдѣ бы философія, богословіе, логика и другія свободныя науки преподавались по славянски. Съ такимъ языкомъ нельзя сдѣлаться ученымъ. Да и что это за языкъ, когда теперь никто не понимаетъ и не разумѣетъ писаннаго на немъ? На немъ нѣтъ ни грамматики, ни риторики и быть не можетъ. Попы русскіе на немъ отправляютъ богослуженіе а сами не въ силахъ объ-

---

[1]) „Кіев. Стар." 1882 г. № 11, стр. 282, 283.

[2]) Изд. 1577 г. Голубевъ, П. Могила. Прилож. стр. 145.

яснить, что они въ церкви читаютъ, и даже принуждены бываютъ у другихъ спрашивать объясненій по польски. У нихъ съ славянскимъ языкомъ и вся наука въ томъ, что бы выучиться читать кое какъ: въ этомъ ихъ все духовное совершенство. Вотъ откуда и невѣжество, и заблужденія; съ этимъ языкомъ выходитъ, что слѣпой слѣпаго ведетъ" [1]). Понятно, что такіе отзывы вызвали со стороны Вишенскаго очень горячую защиту роднаго ему славянскаго языка. Онъ умоляетъ своихъ читателей, (среди нихъ были люди, которымъ славянскій языкъ даже „обмерзѣлъ"), уважать и сохранять въ чистотѣ славянскую рѣчь. Мало что Скарга наговорилъ, мало что онъ „въ своихъ аеро—вымысленыхъ книжкахъ укорилъ, ижъ мы Русь словенскаго языка не розумѣемъ" [2]). Неправда... Вы, моя возлюбленная братія, русскій благочестивый народъ: „евангелія и апостола въ церкви на литургіи не выворочайте... книги церковные всѣ и уставы словенскимъ языкомъ друкуйте, сказую бо вамъ тайну великую, яко діаволъ толикую зависть имаеть на словенскій языкъ, же ледво живъ отъ гнѣва; радъ бы его до тщеты погубилъ, и всю борбу свою на тое двигнулъ, да его обмерзитъ и въ огиду и ненависть приведетъ; и што нѣкоторіе наши на словенскій языкъ хулять и не любять—да знаешъ запевно, яко того майстра дѣйствомъ и рычаніемъ, духа его поднявши творять. А то для того діаволъ на словенскій языкъ борбу тую маетъ, занеже есть плодоноснѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любимійшій; понеже безъ поганскихъ хитростей и руководство, се же есть — кграматикъ, риторикъ, діалектикъ и прочіихъ ихъ коварствъ тщеславныхъ, дьявола въ мѣстныхъ простымъ, прилѣжнымъ читаніемъ безъ всякаго ухищренія къ Богу приводитъ, простоту и смиреніе будеть и духа святаго подъемлеть" [3]). Да.... діаволъ руками враговъ православія и русской народности воздвигалъ гоненіе на славянскую рѣчь, святой языкъ. Языкъ этотъ нужно защищать съ тою же силою и энергіею, какъ и неразрывно связанныя съ ними понятія пра-

---

[1]) Костомаровъ, Моногр. т. III, стр. 214—215.

[2]) Голубевъ. П. Могила. Прилож., стр. 71.

[3]) Акты Южн. и Зап. Р., т. II. стр. 210.

вославія и русской народности. Мы видѣли уже, что формула перваго тождества была нарушена въ дѣйствительной жизни южно-русскаго общества XVI—XVII вв. Также нарушено было идеальное тождество понятій: православная вѣра, русская народность, славянскій языкъ. Южно-русская народная рѣчь, мы говорили, широко проникала въ южно-русскіе памятники XVI—XVII вв.; да и самъ защитникъ чистоты славянскаго языка пишетъ рѣчью, обильно воспринявшею народные обороты, самую фразелогію южно-русской рѣчи. Вишенскому приходится въ силу обстоятельствъ и складывавшейся жизни указать, что если нельзя евангелія и апостола выворачивать простымъ языкомъ въ церкви на литургіи, то можно толковать и „выкладать попросту" эти же Евангелія и Апостолъ „по литургіи для вырозумѣнья людского"[1]). Славянская благочестивая рѣчь въ началѣ XVII в. была уже полна свѣтскими, народными и иноземными вліяніями: „якъ поляцы у свой языкъ намѣшали словъ латинскихъ, которые южъ и простые люди зъ налогу уживаютъ, такъ же и Русь у свой языкъ намѣшали словъ польскихъ и оныхъ уживаютъ"[2]).

Первый моментъ національнаго южно-русскаго самосознанія застаетъ въ вопросахъ языка отрѣшеніе отъ чистаго славянскаго языка, въ смыслѣ того времени, и широкое привнесеніе элементовъ народной южно-русской и чужеземной рѣчи. Такимъ образомъ второй членъ идеальнаго тождества—славянскій языкъ нарушенъ былъ въ своей идеальной неприкосновенности.

Основное понятіе южно-русскаго національзма—православіе въ разсматриваемую нами эпоху нельзя сказать, чтобы охватывало всѣ элементы южнорусскаго общества. Протестантизмъ, позже социніанство и кальвинизмъ, даже раціональныя ученія разныхъ западныхъ сектъ имѣли широкій доступъ въ среду южнорусской интеллигенціи и городскихъ жителей, подрывая не только основы православной вѣры, но и христіанской религіи. Низшіе слои населенія удерживали остатки язычества подъ

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., т. II, стр. 210.

[2]) Акты Зап. Р., т. IV, стр. 229.

тѣми или иными новыми формами христіанскаго обряда и привычекъ общежитія: самъ Вишенскій указываетъ на обычаи коляды, волочельнаго, щедрого вечера, купальнаго дня, на нѣкоторыя погребальныя торжества и народныя увеселенія языческаго характера [1]), обычаи, не утратившіе своего значенія до нашихъ дней. Истинное православіе en tout было въ идеалѣ религіозно-общественныхъ мыслителей того времени. Особливо нужно признать это положеніе для среды южнорусскаго панства: извѣстный ревнитель православія Константинъ Острожскій можетъ служить характернымъ примѣромъ отсутствія цѣльности воззрѣній въ дѣлахъ православной вѣры. Для насъ интересны, впрочемъ, не столько вопросы исключительно религіознаго характера, сколько вопросы православія въ связи съ вопросами науки, школы и образованности времени Іоанна Вишенскаго. Въ самомъ дѣлѣ, наука и православная вѣра въ представленіи православныхъ южнорусскихъ мыслителей объединялись. Идея эта шла изстари, тянулась черезъ весь періодъ южнорусской письменности предъидущаго времени съ самаго принятія христіанства, какъ наслѣдіе византійски-православныхъ воззрѣній на науку и религію. Учиться нужно только тому, о чемъ говоритъ православіе, въ объемѣ его религіозныхъ воззрѣній и богослужебныхъ обрядовъ. Внѣ этого—наука „премудрость міра сего" есть „буйство у Бога" [2]), „глупство передъ Богомъ" [3]), поэтому „если ся кто мнимаетъ быти мудръ въ вѣцѣ семъ, говоритъ Вишенскій, нехай ся учинить кглупымъ, яко ничого не знаючимъ,—тогда будеть мудръ" [4]). Таковы были идеалы византійско-православнаго характера, къ счастью для южной Руси оставшимися почти всегда не осуществимыми идеалами религіозныхъ мыслителей. А эти мыслители, особенно въ трудныя эпохи борьбы съ иновѣріемъ, какъ и Іоаннъ Вишенскій, доходили еще до болѣе аскетическихъ воззрѣній на науку и просвѣщеніе: Вишенскій въ „Позорищѣ мысленномъ" разсуждаетъ,

---

[1]) Акты Юж. и Зап. Россіи, стр. 223—224.
[2]) Голубевъ. П. Могила. Прилож., стр. 127.
[3]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. II, стр. 207.
[4]) Ibidem.

что къ просвѣщенію, а затѣмъ къ крайнему верховнѣйшему благословію одинъ путь—очищеніе, которое достигается иночествомъ и пещерножитіемъ [1]). „Блазняйся да блазнится, говоритъ одинъ писатель начала XVII в., но горе глаголющимъ свѣтъ тьму“. Идеалы православной науки Вишенскаго и современныхъ подобныхъ ему мыслителей нельзя признать идеалами свѣта и для того немного ученаго времени, хотя бы даже такіе идеалы Вишенскимъ и его современниками подвовлялись и поддерживались въ угоду національной самозащиты... Такъ „глаголали“, но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Наука, просвѣщеніе, школа проникали изъ западной Европы въ южную Русь черезъ Польшу. Они широкою волною входили на Русь вмѣстѣ съ религіозными и культурными вліяніями запада, подымали вопросы вѣры, человѣческой пытливости, будили новыя настроенія, вносили новое знаніе, побуждали раздвигать рамки школьнаго дѣла на нашей родинѣ. Наука того времени, особенно наука, прошедшая предѣлы Польши, гдѣ съ конца XVI в. она сосредоточилась главнымъ образомъ въ рукахъ іезуитовъ, была наукой схоластической. Въ такомъ видѣ, какъ союзницу богословія и богословскихъ, католическихъ хитросплетеній, получала ее южная Русь. Но какъ бы то ни было, эта формальная наука имѣла свою хорошую сторону,—въ ней была широко развита научная методологія, она упорядочивала матеріалъ богословскаго знанія; для самой борьбы съ искусившимися въ своей наукѣ іезуитами и католическимъ духовенствомъ нужно было принять эту науку, чтобы православію выступить равнымъ оружіемъ съ врагами родной вѣры. Это поняли южно-русскіе мыслители могилянскаго періода и взяли въ свои руки то, что до той поры принадлежало только ихъ счастливымъ соперникамъ. Религіозные полемисты предъидущаго времени, отъ нихъ же первый Іоаннъ Вишенскій, рѣшительно отвергли всякое общеніе съ наукой своихъ болѣе просвѣщенныхъ враговъ. Замѣтимъ при томъ, что они отвергали не только, такъ сказать, католическую науку, они отвергали и то западное просвѣщеніе, которое коренилось на протестантствѣ, просвѣщеніе, давшее самой Польшѣ сильный

[1]) Архивъ Юго-зап. Рос., ч. I, т. VII, стр. 39.

толчекъ къ подъему литературнаго развитія и культуры въ XVI вѣкѣ, золотомъ періодѣ польской литературы и жизни. А протестантское просвѣщеніе проникало въ то время на южную Русь вмѣстѣ съ западными религіозными и раціоналистическими вліяніями. И этотъ умственный запасъ западныхъ идей и знанія отвергался въ началѣ XVII в. мыслителями типа Іоанна Вишенскаго, какъ и самимъ Вишенскимъ. „Чи не лѣпше тобѣ, говоритъ Іоаннъ, изучити часословецъ, псалтырь, октоихъ, апостолъ и евангелие, съ инными церкви свойственными, и быти простымъ богоугодникомъ и жизнь вѣчную получити, нежели постигнути Аристотеля и Платона, и философомъ мудрымъ ся въ жизни сей звати и въ геенну отъити? Разсуди! милъ ся видитъ—лѣпше есть ани аза знати, только бы до Христа дотиснути“.... [1]). У католиковъ и ихъ послѣдователей „въ мѣсто засъ евангелской проповѣди, апостолской науки и святыхъ закона и ограниченья цноты и учтивости сумненія христіанского, нинѣ поганскіе учители Аристотели, Платоны и другіе тымъ подобные машкарники и комидійники въ дворехъ Христа Бога владѣютъ“ [2]). Латынникъ „убо многыми языки и поганскими даскалы, Платономъ, Аристотелемъ и прочїими прелести ихъ послѣдующими да ся хвалитъ и возноситъ; ты же, совѣтуетъ Вишенскій, простый, неученный и смиренный русине, простого и нехитрого евангелія ся крѣпко держи, въ немъ же животъ вѣчный тебѣ сокровенно есть“ [3]). Молю и напоминаю любовь вашу, увѣщеваетъ Вишенскій, дайте место и фундаментъ въ разумѣ вашемъ православной вѣрѣ, и никакоже не единымъ кознѣмъ и хитростѣмъ словесного баснословія, отъ духопрелѣстного источника отрицающимъ, самомнимаго разума вѣруйте“ [4]). Всѣ рѣчи сводились къ тому, что „философія поганская, Аристотелева наука, слово Божіе выворочаетъ и инако вѣрити кажетъ“ [5]). Мы „глупая Русь вашего костела, разума и хитрости не хочемъ, и на ваше жродло поганскихъ наукъ, которое славу

[1]) Акты Южн. и Зап. Р. т. II стр. 210.
[2]) Ibidem, стр. 224, 225.
[3]) Ibidem, стр. 257.
[4]) Архивъ Юго-зап. Р. ч. I т. VII стр. 25.
[5]) Акты Запад. Р., т. IV стр. 235.

свѣта сего гонитъ, не лакомимося и единитися отъ благочестивые вѣры (въ прелестную) хотя бы по своей воли и хотѣли, але отъ зазренія совѣсти и отъ возбраненія святого апостола Павла, учителя нашего, не можемъ, лѣпше во очію вашу за глупыхъ, нерозумныхъ, простыхъ, и ничтоже хитровати въ вѣце семъ не разумѣючихъ, укореныхъ, неразумныхъ и безчещеныхъ отъ васъ быти изволяемо, только спасенія живота вѣчнаго да наслѣдуемъ, и и правду евангелскую, и науку апостольскую съ вѣрою прародителей нашихъ до исхода смертного цѣло заховати и съдержати (мы сами и потомки наши) вѣдуйте обѣцуемъ" [1]). Что же такое, если костелъ латинскій пользуется благополучіемъ? И тутъ виновата дьявольская наука.... „Для того косцелъ латинскій щасливъ, ижъ смиренную науку Христову разорилъ, а поганскую ухватилъ" [2]). Пусть же мы, Русь, лучше останемся глупыми... „Не соромѣйтеся отъ міродержца умудреннымъ, совѣтуетъ Вишенскій, сія досады терпѣти, молю васъ, то есть, яко Русь проста, глупа и ненаказанна,—только въ вѣрѣ православной да ся знаходите. Не скорбите о сей досадѣ и укоризнѣ не мало" [3]).

Объяснять причину такой горячей защиты простоты и глупости не зачѣмъ. Нужно было спасти свое національное *я* и на первыхъ ступеняхъ борьбы за него приходилось прибѣгать къ самимъ рѣшительнымъ средствамъ вражды противъ научнаго западнаго знанія; эти средства, какъ мы увидимъ, уже и во время Вишенскаго казались недостаточными. Но имъ находили поддержку и въ священныхъ писаніяхъ ап. Павла [4]), и въ священномъ примѣрѣ..... „Христосъ збавитель нашъ, говоритъ авторъ Перестроги, не объявился мудрымъ фарисеемъ и книжникомъ, але убогимъ и неученымъ, абы не мудростью Аристотелевою поганскою, але смиренномудростію Духа Святого божество свое показалъ" [5]). Такимъ образомъ, въ вопросахъ науки и просвѣщенія, по мнѣнію Вишенскаго, оставался одинъ выходъ: „будьте себѣ мудрыи ла-

---

[1]) Голубевъ. П. Могила. Прилож. стр. 79.

[2]) Ibidem стр. 104.

[3]) Архивъ Юго-зап. Р. ч. I, т. VII, стр. 25.

[4]) Голубевъ, П. Могила. Прилож. 101 и т. п.

[5]) Ак. Зап. Р., т. IV, стр. 230.

тинниче, за своею вѣрою и мудростію, кромѣ насъ, мы жь съ своею вѣрою и апостольскимъ глупствомъ, кромѣ васъ [1])....

Южно-русская жизнь, между тѣмъ, уже признала необходимость просвѣщенія и южно-русской школы. Новое просвѣщеніе и новая школа ютились въ XVI в., или при братствахъ, или въ маетностяхъ самыхъ выдающихся ревнителей православно-русскаго дѣла при заводимыхъ всюду на югѣ и западѣ типографіяхъ. Опредѣленной программы школьнаго дѣла не было, тѣмъ менѣе можно было уложить въ рамки общее просвѣтительное вліяніе запада на южную Русь. Распространеніе знанія, школьнаго и типографскаго дѣла на родинѣ Іоанна не могло не отразиться на самыхъ отношеніяхъ Вишенскаго къ просвѣтительному дѣлу родины. Для защиты православія онъ, самъ литераторъ, предлагаетъ печатать книги, особенно сборникъ, „то есть зобраные всѣ таемницѣ невѣдомые разныхъ часовъ, албо справованье, реченье отъ Христа Спасителя или ученикъ его, святыхъ апостолъ или святыхъ богоносныхъ отецъ; толкъ и разумъ о всемъ порядку церкве православное, до всего цѣлаго року въ словахъ раздѣленыхъ обходячи кругъ годищный на едно смутити надлежитъ, и будетъ книга соборникъ, надъ которую нѣсть потребнѣйшее въ нашей церкви, и безъ нѣе, яже глава безъ очей, ничтоже видѣти, или вѣдати не можемъ"....[2]).

Высказываетъ Вишенскій мнѣніе и болѣе рѣшительное, что нужно своихъ единомышленниковъ православной вѣры поддерживать въ началахъ истины и правовѣрія: „вѣдомостью нашего православія, писаніемъ, наукою, друкованіемъ книгъ, училищи и довольствъ отъ избытковъ нашихъ" [3]). По вопросу объ училищахъ Вишенскій, конечно, относится отрицательно къ латинскимъ школамъ [4]). Указываетъ онъ и недостатки современныхъ южно-русскихъ школъ, что тамъ учениковъ „пользуютъ черниломъ хитрости, (а не Духа Святого словесы) вспитанные школые казнодѣи, которые зъ латинской ереси себѣ способъ ухвативши, заразъ

[1]) Голубевъ П. Могила. Прилож., стр. 79.
[2]) Ibidem. стр. 75.
[3]) Ibidem стр. 113.
[4]) Ibidem., стр. 102, 103 и др.

школы баютъ, проповѣдуютъ и учатъ, а полѣ ровнаго и безстрастнаго житія не хочютъ, и тотъ слѣдъ, изображенный святыми (по отправѣ школное науки) отвергли. Первое, церковному послѣдованію, въ славославію, благодареніе и молитвѣ не потребны суть, ни бо умѣютъ у церкви не читаты, а ни пѣти"....[1]). Вишенскій отъ этихъ наукъ не видитъ толку и печалуется, что не даютъ онѣ церковно-служителей, а людей, которые только „литорскіе байки знаютъ". Львовскимъ фундаторамъ благочестія Вишенскій совѣтуетъ такъ: „въ первыхъ, церковного послѣдованія, славословія и благочестія узаконити дѣтемъ научити; таже утвердивши сумненія вѣры благочестивыми догматы, тогда внѣшнихъ хитростей для вѣдомости касатися не возбраняти. Не бо азъ хулю грамотичное ученіе и ключь къ познанію складовъ и речей, якоже нѣцыи мнятъ и подобно глаголютъ: занеже самъ не учился, того ради и намъ завидитъ и возбраняетъ. Сей же гласъ, мню, въ первыхъ панъ Виталій, казнодѣя Волынскій, отрыгалъ. Но азъ о семъ ничтоже печалую, ниже о поносѣ и униженіи брегу, ниже о лжи, завистнымъ именемъ налагаемой, смущаюся; само бо существо тѣсного пути слѣда, ведущаго въ животъ вѣчный, да извѣститъ когождо. Не бо о сромотѣ учащихъся азъ глаголю: да не отпадутъ благочестія утверждаю; еже пострадаша мнози, извѣстно вѣстѣ. Что бо быхъ завидѣти мѣлъ духовъ злобныхъ поднебесныхъ, аеровъ воздушныхъ ученію, въ погибель влекущихъ,—евангельскій разумъ Христовъ въ помыслѣ вѣры вдрузивши и тѣснымъ путемъ, вѣдущимъ въ животъ вѣчный пошедши: сіе знаменіе, яко лгутъ отъ зависти. Мнѣ бо довляетъ простый и нехитрый Христосъ, въ немъ же вся сокровища премудрости и разума...... Тако подобно да мниши и о мнѣ, — о пристрозѣ яже глаголалъ; и не вѣдомость хулю художества, але хулю, што теперешніе наши новые русскіе философы не знаютъ въ церкви ничтоже читати, ни тое самое псалтыри, ни часлослова. А знать, если-бы хто што строхи и зналъ, якъ ножъ досягнетъ стиха якого басней аристотельскихъ, тогды южъ псалтыри читати ся соромѣетъ, и прочее правило церковное ни за что вмѣняетъ, а

---

[1]) Архивъ Юго-зап. Р. ч. I., т. VII стр. 28.

яко простое и дурное разумѣетъ. А тежъ не вижу иншихъ, толко простою наукою нашего благочестія воспитавшіеся, тые и подвигъ церковный носятъ и отправуютъ; а латинскихъ басней ученицы, зовемыи казнодѣи, трудитися въ церкви не хочютъ, толко комедіи строютъ и играютъ. И не дивно, приведу притчю: коли южъ хто наказанія внѣшняго страха досяглъ, подобенъ коневи, въ стайни хованному и на узахъ держанному, который, часу пролетного дождавши, коли траву ощутитъ и выпущенъ будетъ, не вѣда якъ ся поймати дастъ отъ игранья, скаканья и шаленья, ради своевольное владности" [1]). Съ такими оговорками соглашается Вишенскій, что школьное дѣло, пожалуй, важно и нужно. Характерно его оправданіе, будто вѣдомости то художества онъ не хулитъ.... Если и признать его оправданіе, что посуществу онъ науки не отрицаетъ, то однако желаніе Вишенскаго насадить еллинскую мудрость среди своихъ соотечественниковъ можно видѣть только съ нѣкоторою натяжкою изъ слѣдующихъ словъ самого полемиста: „по простотѣ нашего благочестія вѣры, боячися, жебы есте дѣти свои хитростію и ересію латинскою не отравили и не поморили, залецаю вамъ православнымъ правовѣрную школу, и пораду даю, чого ся учити имѣютъ, чтобы дѣти ваши спасли, и по васъ благочестіе задержали, и христіянство своей вѣры не стратили. Въ первыхъ ключь, или грецую, или словенскую грамматику да учатъ. По грамматицѣ же, во мѣсто лживое діалектикы (зъ бѣлого чорное, а зъ чорного бѣлое претворяти учащее) тогда бо учатъ богомолебного и празднословного часословца; во мѣсто хитрорѣчныхъ силогизмъ и велерѣчивое реторики, тогда учатъ богоугодно молебный псалтырь; во мѣсто философіи, надворные и по воздуху мысль разумную скитатися зиждущее, тогда учатъ плачивый и смиреномудривый охтаикъ, а по нашему церковнаго благочестія догматы, осмогласникъ: таже конечное и богоугодное предспѣяніе въ разумѣ, дѣлное богословіе; тогда учатъ святую евангельскую и апостольскую проповѣдь, съ толкованіемъ простымъ, а не хитрымъ, не

---

[1]) Архивъ Юго-зап. Р. ч. I т. VII, стр. 28—30.

слухи (рѣчь упремудривши токмо) чесати словомъ проповѣднымъ, але силу Духа святаго влагати въ слышащихъ сердца" [1]).

Между тѣмъ, нападки Вишенскаго на западное знаніе, какъ на одну только мерзость бѣсовскую, въ большинствѣ случаевъ не раздѣлялось его современниками, что и самого Вишенскаго заставило сдѣлать указанія на значеніе для борьбы съ иновѣріемъ печатанія книгъ и нѣкоторыя уступки въ пользу школьнаго дѣла. Да и правда..... времена были уже не тѣ, чтобы можно было удовлетворяться исключительно одною духовною наукою въ формѣ православнаго, апостольскаго вѣроученія. Сознавалось, что „велми много зашкодило панству русскому (въ борьбѣ за свою вѣру) же не могли школъ и наукъ посполитыхъ розширяти, и оныхъ не фундовано: бо коли бы были науку мѣли, тогды бы за невѣдомостію своею не пришли до таковые погибели" [2]). А еще раньше такъ ясно выраженнаго сознанія въ полезности и необходимости науки въ національной южно-русской борьбѣ одинъ львовскій братчикъ на брестскомъ соборѣ громогласно заявлялъ, что „теперь школы на всихъ мистахъ закладаються, и шпители будуються, и церкви муруються" [3]).

Вопросы науки, просвѣщенія, школьнаго обученія становятся съ того времени признакомъ національнаго дѣла—борьбы за южно-русскую самостоятельность. Идеалъ Вишенскаго и въ данномъ случаѣ предположилъ идентичность понятій—православіе, наука, но процессъ разединенія этихъ понятій уже начался въ его періодъ, и самому Вишенскому пришлось идти на уступки, вызываемыя самимъ настроеніемъ южно-русскаго общества.

Отмѣченныя нами проявленія общественныхъ воззрѣній Вишенскаго сводятся къ такимъ основнымъ положеніямъ.

Въ южно-русской общественной жизни былъ когда то, до времени Вишенскаго и другихъ литературныхъ дѣятелей его эпохи, моментъ, признаемъ его идеальнымъ моментомъ, когда понятія православія, русской народности и славянскаго языка были синонимичны и объединялись, какъ объемъ національнаго самосоз-

[1]) Голубевъ. П. Могила. Прилож. стр. 72—73.

[2]) Акты Зап. Р. т. IV, стр. 204.

[3]) Ibidem стр. 223.

нанія южно-русскаго общества. XVI вѣкъ создаетъ историческія условія бурной и многознаменательной эпохи, отразившіяся прежде всего на объемѣ и содержаніи національнаго самосознанія южно-руссовъ; начинается процессъ разложенія синонимичности этихъ понятій и раскрытіе содержанія самихъ понятій, вливаются въ сознаніе южно-русскаго общества новыя понятія, осложняется процессъ жизни новыми условіями и борьбой съ внѣшними врагами этого общества. Съ момента, когда этотъ процессъ начался, начинаетъ опредѣляться южно-русское національное самосознаніе, уже не какъ пассивное *я*, а какъ активная сознательная единица племенная и самостоятельная. Это разложеніе цѣльности южно-русскаго національнаго самосознанія сослужило свою службу: на протяженіи всей послѣдующей жизни украинской земли идетъ въ національномъ смыслѣ процессъ постепеннаго разобщенія старой синонимичности понятій націонализма и детальнаго опредѣленія содержанія понятій — православная вѣра, русскій народъ, славянскій языкъ. Этотъ процессъ позже осложнился, когда пришлось опредѣлять уже не „родовыя особенности русской жизни", а „видовыя черты мѣстной малорусской жизни" [1]). Процессъ этотъ не закончился до сихъ поръ, но съ того времени каждый новый періодъ южно-русской борьбы обозначался сознательнѣе, идея національности все больше и больше становилась широкою и крѣпла въ сознаніи современниковъ. Начало указаннаго періода было именно въ эпоху уніи и перваго времени многолѣтней, многотрудной борьбы южно-русса за счастье своей родной земли.

Къ первымъ литературнымъ и наиболѣе характернымъ памятникамъ этого начальнаго момента въ развитіи южно-русскаго національнаго самосознанія относятся сочиненія Іоанна Вишенскаго. Вишенскій зналъ южно-русское общество, когда въ немъ были уже русскіе — неправославные, славянскій языкъ уступалъ все болѣе и болѣе широкому вліянію южно-русскаго языка, одна наука православной апостольской вѣры не удовлетворяла уже пытливости современниковъ и требованіямъ эпохи, а основа

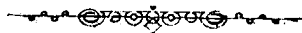
---

[1]) „Кіев. Стар." 1888 г. № 12 стр. 405.

всего міровоззрѣнія южно-русскаго общества — православіе — подвергалось сильному и рѣшительному натиску со стороны католической Польши и иновѣрческихъ ученій. Мы говорили, какъ Вишенскій искалъ идеала въ прошломъ, которое казалось ему совершеннымъ выполненіемъ правовѣрія въ византійски—православномъ смыслѣ, какъ современныя мысли и условія жизни поставили Іоанна въ необходимость коснуться въ иномъ смыслѣ общественныхъ, волновавшихъ южную Русь, вопросовъ. И Вишенскій, и его современники, первые начинатели національнаго южно-русскаго дѣла, оставили своимъ наслѣдникамъ завѣтомъ вопросы о народности, вопросы о родномъ языкѣ, о школѣ и о „посполитомъ" просвѣщеніи, какъ первые признаки національнаго южно-русскаго дѣла; и эти же начинатели напоминаютъ своимъ наслѣдникамъ, что прошло съ того времени три вѣка, и одними этими вопросами ограничиваться теперь нѣтъ у нихъ никакого нравственнаго права.

И. П. Житецкій.

С.-Петербургъ
8-е апрѣля 1890 г.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ исторіи польскаго театра въ Кіевѣ. Какъ извѣстно, въ Кіевѣ съ начала нынѣшняго столѣтія до шестидесятыхъ годовъ существовалъ постоянный польскій театръ. Представленія давались въ особо приспособленномъ для этой цѣли домѣ Гудимъ-Левковича, стоявшемъ на мѣстѣ нынѣшней Европейской гостинницы. Описаніе этого зданія находится въ «Описаніи Кіева» Закревскаго.

Въ двадцатыхъ годахъ антрепренеромъ польской труппы, игравшей въ Кіевѣ, былъ нѣкто Александръ Ленкавскій. Среди бумагъ центральнаго архива университета св. Владиміра сохранились театральныя афиши за два года его антрепренерства—1823 и 1827 г. и часть афишъ за 1816-й годъ, всего въ количествѣ 163 нумеровъ [1]). По этимъ афишамъ можно составить нѣкоторое представленіе о ходѣ театральнаго дѣла въ Кіевѣ въ началѣ настоящаго столѣтія.

Особенность репертуара кіевской польской труппы состоитъ въ необыкновенномъ его разнообразіи. Кромѣ драмъ, мелодрамъ, трагедій, трагикомедій, комедій и водевилей, на афишахъ мы встрѣчаемъ довольно часто оперы, комическія оперы, и, изрѣдка, пантомимы, интермедіи и балетъ. Такимъ образомъ польскій театръ замѣнялъ собой нынѣшнія кіевскія оперу, оперетку и драматическое общество, причемъ одни и тѣ же исполнители выступали на сценѣ то какъ пѣвцы, то какъ драматическіе актеры. Такая всесторонность, свойственная и въ настоящее время нашимъ захолустнымъ театральнымъ труппамъ, гово-

---

[1]) Афиши иныя написаны, иныя напечатаны каждая на двухъ языкахъ—русскомъ и польскомъ. Вверху помѣщается русская часть объявленія, внизу польская, болѣе подробная. Заглавія пьесъ переведены на русскій языкъ иногда очень неправильно, напр.—Теорикъ безъ практики, Мужъ пустынникомъ и т. п. Указаніемъ на нихъ мы обязаны И. М. Каманину.

ритъ противъ особенно художественнаго исполненія польскими актерами своихъ ролей. На послѣднее качество труппы, повидимому, вовсе не разсчитывалъ самъ антрепренеръ Ленкавскій: въ своихъ объявленіяхъ онъ старается заинтересовать и привлечь въ театръ публику громкимъ именемъ автора пьесы, занимательностью ея дѣйствія, ея сценичностью и, особенно, ея новизною. За исключеніемъ немногихъ, пьесы ставились вторично рѣдко, и почти на каждой афишѣ красуется, что такого то числа актеры польскіе подъ дирекціей г-на Ленкавскаго будутъ имѣть честь представить «въ первый разъ новую еще неигранную на здѣшнемъ театрѣ»... драму, оперу или оперетку. Само собой разумѣется, что для того, чтобы постоянно занимать публику театральными новинками, труппа должна была имѣть значительный запасъ пьесъ и пополнять послѣдній непрерывно [1]).

Большинство драмъ, мелодрамъ и трагедій, разыгранныхъ на кіевской сценѣ въ 1823 и 1827 гг., принадлежитъ къ произведеніямъ романтической школы. Драматическое дѣйствіе ихъ отличается таинственностью, загадочностью и сверхъестественностью, и совершается въ наводящей ужасъ обстановкѣ — ночью, въ горахъ или лѣсу; рѣдкая изъ нихъ обходится безъ таинственныхъ незнакомцевъ, тѣни предковъ, разбойниковъ... Характеръ пьесъ виденъ по самымъ заглавіямъ въ родѣ: «Аббелино или ужасной бандитъ венеціанской», «Заговоръ темляровъ или ужасной незнакомецъ», «Ужасная тѣнь Кляры», «Ужасная тѣнь Ринальда или фантомъ» и т. под. Большое значеніе антрепренеръ придавалъ сценичности пьесы: на афишѣ заблаговременно отмѣчалось для публики, что въ такой то драмѣ будетъ много живописныхъ картинъ и смѣнъ дѣйствія, будутъ массовыя движенія на сценѣ: марши, танцы, хоры, а иногда и баталіи [2]).

---

[1]) Изъ сохранившагося прошенія антрепренера Ленкавскаго къ кіевскому губернатору видно, что Ленкавскій подалъ въ 1823 году въ цензуру министерства внутреннихъ дѣлъ разомъ 172 новыхъ, еще неигранныхъ въ Кіевѣ, театральныхъ пьесы. Въ скоромъ времени губернаторъ возвратилъ Ленкавскому чрезъ полицію 70 изъ упоминаемыхъ здѣсь пьесъ. Остальныя 102, повидимому, не пропущены цензурой, такъ какъ, передавая черезъ полицію разрѣшенныхъ 70 пьесъ, губернаторъ приказываетъ послѣдней смотрѣть за тѣмъ, чтобы въ кіевскомъ театрѣ не давалось недозволенныхъ представленій.

[2]) Такъ напримѣръ; „Матильда де-Гизбахъ, героич. драма въ V д. Со сраженіемъ“; въ другой афишѣ объявляется, что въ истор. драмѣ „Блокада Смоленска“ (Вейсентурма) на сценѣ произойдетъ подъ музыку сраженіе, будутъ пѣть козаки и т. д.

Гораздо чаще, чѣмъ драмы, мелодрамы и трагедіи, кіевская труппа ставила комедіи, водевили, оперетки и оперы. Большинство оперъ принадлежитъ къ числу „волшебныхъ", т. е. полны духовъ, нимфъ, музъ, русалокъ, тѣней предковъ, всевозможныхъ превращеній и другихъ чудесъ. Особенно часто повторялась передѣлка длиннѣйшей нѣмецкой оперы: „Donauweibchen" подъ заглавіемъ „Днѣстровая русалка (Syrena Dniestru)". Въ оперѣ этой Краснодива, королева Днѣстра, появляется въ восемнадцати перемѣнахъ: въ видѣ русалки днѣстровой, старой гадальщицы, царицы русалокъ, богини рѣки, прабабки семейства Одровонжъ, молодой садовницы, королевы звѣздъ, молодой мазурки и т. д. Почти въ стольких же видахъ является на сценѣ дочь Краснодивы Любухна. При всей своей нелѣпости «Русалка Днѣстровая» имѣла подражаніе въ видѣ тоже очень часто ставившейся оперы: «Украинка или волшебной замокъ». Повидимому, публикѣ нравились фантастичность и декоративность дѣйствія, почему актеры не упускали случая вставить отъ себя въ пьесу побольше красивыхъ картинъ и превращеній, какъ это было, напримѣръ, съ оперой Дмушевскаго: «Король Локетекъ или Висличанка» [1]).

Среди обширнаго репертуара труппы Ленкавскаго пьесъ, принадлежащихъ польскимъ авторамъ, очень мало. За указанные два года мы не встрѣчаемъ на афишахъ названія ни одной польской драмы, мелодрамы или трагедіи. Изъ польскихъ оперъ и оперетокъ пользова-

[1]) Въ 1823-мъ году опера эта ставилась въ день коронаціи имп. Александра I. Примѣнительно къ высокоторжественности дня въ оперу къ прежнимъ картинамъ прибавлено нѣсколько новыхъ. Всѣхъ ихъ девять. Озаглавлены картины: Cienie czyli sen Hinkona", и смѣняются во время сна Гинкона Барки, полководца польскаго короля Владислава Локетка (въ 1305 г.). Интересны эти картины. Вотъ какъ онѣ описаны на афишѣ: 1 картина. Во время сна Гинкона привидѣніе прикладываетъ стилетъ къ его груди; видѣнія его окружаютъ; фуріи хотятъ его разорвать, но при пѣніи пѣтуха все исчезаетъ. 2 карт. Являются Нимфы, которыя вѣнчаютъ гирляндами Владислава. 3 карт. Является Казиміръ Великій. 4 карт. Богатырь русскій подаетъ руку польскому. Шведъ на нихъ смотритъ со страхомъ. Нимфы ихъ окружаютъ и строятъ алтарь миру, на которомъ геній приноситъ жертву. 5 картина. Двѣнадцать геніевъ съ флагами съ именами двѣнадцати польскихъ богатырей. 6 карт. Бѣгство турокъ изъ подъ Вѣны. 7 карт. Сатурнъ и Минерва изображаютъ 18-й вѣкъ. 9 карт. Императорскій гербъ Александра I.

Висличане (жители г. Вислицы, около котораго происходитъ дѣйствіе) преклоняютъ предъ нимъ колѣна. Гинконъ пробуждается, и опера идетъ далѣе своимъ порядкомъ.

лись успѣхомъ и чаще другихъ появлялись на сценѣ: опера Дмушевскаго: «Король Локетекъ или Вислячанка», оперетка Богуславскаго, музыка Эльснеръ: «Мнимое чудо или краковяки и горали» (Cud mniemany czyli Kracowiacy i Gorale) [1]). Изъ комедій польскихъ авторовъ мы находимъ только три комедіи Дмушевскаго: «Жаль усовъ» (Szkoda wonsów), «Плакса и Веселовскій» (Plaksa i Wiesołowski) и «Уланъ». Комедіи эти часто ставились «по желанію публики» вмѣстѣ съ двумя передѣлками Жолковского: комедіей водевилемъ въ 1 д. съ франц. Левріеръ Шампріона—«Асмодейчикъ или чертенокъ розоваго цвѣта» и «Знатокъ всего безъ пользы или теорикъ(!) безъ практики», съ нѣмецкой комедіи Коцебу. Въ репертуарѣ комедій есть еще десятка два передѣлокъ съ французскаго и нѣмецкаго языковъ и не мало переводовъ. Между тѣмъ, здѣсь, по неизвѣстной причинѣ, отсутствуютъ произведенія оригинальныхъ польскихъ театральныхъ писателей Заблоцкаго, Богуславскаго, Фредра.

Среди переводныхъ и передѣланныхъ пьесъ встрѣчаются, хотя изрѣдка, произведенія знаменитыхъ европейскихъ писателей. Такимъ образомъ, мы находимъ драмы Шекспира: «Гамлетъ» и «Графъ Эссексъ», Шиллера: «Карлъ Мооръ или разбойники въ лѣсахъ богемскихъ» («великая историческая, написанная съ дѣйствительнаго приключенія—трагедія»), траг. «Желѣзная Маска или тайна Бастиліи» и буффоморальную комедію «Рѣдкіе невольники или чудное происшествіе днемъ передъ сраженіемъ»; Скриба—ком. «Секретарь и поваръ»; переводы двухъ комедій Мольера: «Скупой», «Два философа» и четыре передѣлки комедій этого писателя: «Лѣкарь въ любви, или слуга въ тревогѣ», «Обманутый опекунъ или школа женщинъ», «Барышни щеголихи», «Судъ войта или оборотный адвокатъ», и драму Расина «Титово милосердіе». Особенно же посчастливилось на кіевскомъ театрѣ изъ иностранныхъ драматурговъ нѣмецкому писателю Коцебу, противъ увлеченія которымъ въ Россіи въ началѣ столѣтія возставалъ Карамзинъ въ «Вѣстникѣ Европы». Драмы Коцебу, его комедіи и водевили, составляютъ значительную часть репертуара кіевской труппы

---

[1]) Кромѣ того встрѣчаются: Замокъ на Чорной Горѣ или Бойоміръ и Ванда, большая опера въ 3 дѣйств. муз. Курпинскаго, Александръ и Апеллесъ—опера въ стихахъ съ живописными картинами, слова Дмушевскаго муз. Курпинскаго. Судя по содержанію, взятому изъ польской жизни, принадлежатъ польскимъ авторамъ: Деревенскія Героини или возвращеніе съ плѣну въ отечество оп. въ 3 д., Косцюшко надъ Секваною оп. въ 2 д. и Благодарность или возвращеніе добраго господина, опера въ 3 дѣйств.

за указанные выше годы [1]). Изъ другихъ произведеній иностранныхъ писателей встрѣчаются по нѣсколько разъ: переведенная съ нѣмецкаго большая трагедія въ 5 д. «Аббелино или ужасной разбойникъ венеціанскій», бол. героич. опера Дювадя «Іосифъ въ Египтѣ», бол. историч. опера, музыка Херубини «Водовозъ или два дня въ тревогѣ», съ франц. опера въ 1 д. «Два слова или ужасная ночь въ лѣсу", большая комич. опера съ итал., музыка Россини «Цырульникъ Севильской», нѣм. трагикомедія «Донъ Жуанъ или наказанный вольнодумецъ», съ франц. комедія въ I дѣйствіи «Старой комендантъ въ хлопотахъ».

Въ кіевскомъ театрѣ изрѣдка давались представленія на русскомъ и малорусскомъ языкахъ. Въ 1823-мъ году, польская труппа восемь разъ играла на русскомъ языкѣ. Шли по нѣсколько разъ: оперетка Аблесимова: «Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ» и оперетка Княжнина (муз. Титова) въ двухъ частяхъ: «Ямъ или Филаткина свадьба ч. I» и «Посидѣлки или Филаткина свадьба ч. II». Оперетки эти ставились «по желанію публики» и, очевидно, удовлетворяли пробуждавшемуся въ то время интересу къ народности.

Кромѣ нихъ давались еще двѣ русскія комическія оперы «Новое семейство» и «Алхимистъ или одинъ за семерыхъ». Въ этихъ спектакляхъ принималъ участіе также русскій актеръ Огаревъ.

Въ 1823 г. 2 марта впервые, какъ сказано на афишѣ, представлена была въ Кіевѣ „новая опера во многихъ явленіяхъ, на малороссійскомъ нарѣчіи, въ 2 дѣйствіяхъ, подъ заглавіемъ «Украинка или волшебной замокъ». Имени автора ея не названо. Опера эта, вѣроятно, понравилась публикѣ, потому что впослѣдствіи ставилась еще не разъ. Въ афишѣ отъ 22 іюня 1827 г. «Украинка» называется большой веселой волшебной оперой, составленной въ подобіе «Русалокъ» при томъ уже въ трехъ дѣйствіяхъ, вмѣсто прежнихъ двухъ, и написанной не на одномъ малорусскомъ языкѣ, но и на польскомъ.

---

[1]) Вотъ названія этихъ произведеній Коцебу: трагедіи—„Карлъ XII подъ Бендерами", „Октавія, или истинная дочь отечества", „Поляки въ Испаніи" („съ истиннаго происшествія"), „Сынъ любви", историч. драма въ двухъ частяхъ—ч. I „Дѣвы Солнца или Кора и Алонзо", ч. II. „Смерть Роллы или Испанцы въ Перу"; пародія на драму Коцебу—„Гусситы подъ Гамбургомъ"; комедіи его: „Разсѣянный", „Провинціалъ первый разъ въ столицѣ или Интермеццо", „Слѣпой зарядъ", „Четыре часовые", „Наука для мужей или ревнивая жена", „Шутки пажа", „Все знающій безъ пользы или теорикъ(!) безъ практики", „Суматоха", „Зеркало или ревнивый мужъ", „Бѣдность и благородство души"....

Помимо того, сравненіе обѣихъ афишъ показываетъ, что дѣйствующія лица въ «Украинкѣ» не всегда были однѣ и тѣ же [1]). Повидимому опера эта не имѣла устойчиваго содержанія и состояла изъ ряда картинъ и явленій, которыя антрепренеръ измѣнялъ по своему усмотрѣнію «въ подобіе русалокъ», какъ сказано на одной афишѣ, т. е. старался сдѣлать «Украинку» возможно болѣе живописной и фантастической оперой. Замѣчательна эта опера не столько потому, что заимствуетъ свой сюжетъ изъ украинской старины, согласно стремленіямъ тогдашняго романтизма къ народности и старинѣ съ ихъ суевѣріями и преданіями, сколько тѣмъ, что является однимъ изъ раннихъ случаевъ выведенія на сцену малорусскаго языка [2]).

Кромѣ названія представленія, именъ дѣйствующихъ лицъ, обозначенія цѣнъ и т. под., на афишахъ польскаго кіевскаго театра часто попадаются обращенія труппы къ публикѣ. Артистъ въ день своего бенефиса непремѣнно печаталъ на афишѣ болѣе или

---

[1]) Чтобы можно было точнѣе судить объ этой оперѣ, привожу въ подлинникѣ двѣ афиши съ объявленіемъ о ней.

Съ дозволенія начальства. 1823 г. марта 2-го, актеры польскіе подъ управленіемъ г. Ленкавскаго будутъ имѣть честь представить неигранную на здѣшнемъ театрѣ новую оперу во многихъ явленіяхъ, на малороссійскомъ нарѣчіи, въ 2 дѣйствіяхъ, подъ названіемъ:

Украинка или Волшебной Замокъ:

Дѣйствующія лица:

Графъ Любоміръ, владѣтель имѣній.
Завиша—управитель.
Елена—его жена.
Петръ—камердинеръ графа.
Яковъ—слуга въ замкѣ.
Украинка въ разныхъ перемѣнахъ.
Гуляка украинецъ.
Неизвѣстный.
Духъ Адальберга дѣда Любоміра.
Дамы, козаки дворскіе.

Змѣи, духи, рыцари въ огняхъ фейерковыхъ и разныхъ цвѣтахъ, дворовые, пажи, козаки, крестьяне.

1827 г. іюля 22-го... поставлена будетъ большая веселая волшебная опера на малороссійскомъ и польскомъ нарѣчіяхъ въ 3 дѣйствіяхъ.

Дѣйствующія лица:

Рыцарь Гримиславъ, помѣщ. на Украинѣ.
Людомила, его племянница въ разныхъ видахъ, какъ-то: молодого козака, мол. цыганки, хорошенькой пастушки, краковяка, дѣвушки украинки, генія розоваго, королевы волшебствъ.
Любоміръ, князь.
Завиша, дворецкій.
Виславъ и Буримиръ—рыцари.
Кристина, ключница.
Козаки, дѣвки, дворскія.

Пустынникъ, тѣнь дѣдича замка, рыцари, мары.

[2]) Украинской старины касается также поставленная въ 1823 г. въ первый разъ въ Кіевѣ драма въ 3 д. „Елена или разбойники на Украинѣ“. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ здѣсь выступаютъ Гонта и гайдамаки.

менѣе длинное и велерѣчивое воззваніе къ публикѣ, въ которомъ, указывая на достоинства и занимательность избранной имъ для бенефиса пьесы, просилъ сдѣлать ему добро—посѣтить театръ въ тотъ вечеръ и быть снисходительной при оцѣнкѣ его игры. Актеръ Рекановскій печатаетъ такое обращеніе къ публикѣ: «Пьеса, выбранная мною на свой бенефисъ непремѣнно доставитъ пріятное зрѣлище и удовольствіе почтеннымъ зрителямъ, счастье же мое зависитъ только отъ васъ, почтенная публика». Другіе бенефиціанты точно также заканчиваютъ свои длинные похвалы бенефисной пьесѣ увѣренностью, что великолѣпіе ея сверхъ ихъ заслугъ сотворитъ имъ многочисленныхъ «благодѣтелей».

Изъ встрѣчающихся на афишахъ обращеній антрепренеровъ кіевскаго театра къ публикѣ можно видѣть, что въ матеріальномъ отношеніи дѣла театра шли скверно. Въ 1816 г. повышеніе цѣнъ на оперу Дюваля «Іосифъ въ Египтѣ» на афишѣ объяснено разстройствомъ дѣлъ труппы. Въ 1823 г., ставя представленіе въ свою пользу, Ленкавскій объясняетъ этотъ поступокъ понесенными имъ большими потерями отъ непосѣщенія театра публикой, при большихъ расходахъ съ его стороны на постоянное улучшеніе театральнаго дѣла. Великій постъ настолько разстроилъ финансы Ленкавскаго, что въ маѣ того же года онъ печатаетъ, выражаясь фигурно, что если публика не поддержитъ его, то: «строеніе, едва начинающее возноситься, неизбѣжно должно будетъ разрушиться». Въ ноябрѣ 1823 года онъ опять жалуется на непосѣщеніе театра публикой и отсутствіе поддержки со стороны кіевлянъ. «Мое желаніе, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы дать доказательства истиннаго служенія дѣлу, утвердивши пріятную забаву на здѣшнемъ театрѣ. Но безъ поддержки достопочтенныхъ обывателей этой губерніи и просвѣщенной публики города Кіева, это намѣреніе не можетъ достичь цѣли. Посему отдаю судьбу сцены національной и свой трудъ на попеченіе этой публики, которая всегда умѣла хорошо цѣнить намѣренія и возникающіе таланты».

Однако эти воззванія мало достигали цѣли, и мы видимъ, что чрезъ четыре года, 1827 г., Ленкавскій опять говоритъ о своемъ критическомъ положеніи и простираетъ убѣдительнѣйшую просьбу къ высокопочтеннымъ обывателямъ г. Кіева—удостоить по своимъ природнымъ чувствамъ принять участіе въ поправленіи его разстроеннаго состоянія и въ поддержаніи драматической сцены.

По нашимъ сборникамъ афишъ можно замѣтить нѣкоторыя подробности кіевскихъ театральныхъ порядковъ. Мы видимъ, напри-

мѣрѣ, что иногда игра актеровъ въ Кіевѣ соединялась съ пѣніемъ и танцами проѣзжихъ артистовъ и танцоровъ. Такъ, въ 1823 г. между дѣйствіями представленія въ театрѣ пѣли артистка львовскаго театра Герлетцъ и пѣвецъ Крулинскій, и давала большой концертъ г-жа Каталани. Въ томъ же 1823 г. въ антрактахъ на сценѣ проѣзжая танцорка Крулинская исполнила русскую пляску и французскую пляску съ шалью, танцовали также нѣкто Матюсскій и нѣсколько танцорокъ.

По высокоторжественнымъ днямъ театръ былъ иллюминованъ и представленіе заканчивалось хоровымъ пѣніемъ трудною гимна: «Ты воцарился царь желанный». Иногда пьесы соотвѣтствовали торжественности дня. Такъ, въ день тезоименитства гос. Александра I-го на сценѣ шла драма Расина «Титово милосердіе», въ день тезоименитства великаго князя Николая Павловича была поставлена опера Дмушевскаго «Александръ и Апеллесъ» съ живыми картинами. Входъ въ эти дни въ театръ или на одну только галлерею былъ безплатный. Годовой абониментъ въ кіевскомъ театрѣ начинался съ 1-го октября. Абонементная плата за сто представленій въ годъ была: за ложу верхнюю—500 руб., за нижнюю—450 р. и за галлерейную 250 руб.; Годовой билетъ въ кресло стоилъ 200 р. и въ партеръ—100 р. При отдѣльномъ посѣщеніи театра ложа верхняя стоила 12—25 р., нижняя—10—20 руб. и галлерейная—4—10 руб., мѣсто въ креслахъ шло въ 4—8 руб., въ партерѣ—2—5 р. и въ галлереѣ всегда въ 1 руб. Частыя повышенія платы за посѣщеніе театра антрепренеръ объяснялъ расходами на постановку пьесы или необходимостью поправить свои стѣсненныя обстоятельства. Представленія давались круглый годъ, даже лѣтомъ, прерываясь только на время великаго поста. Афиши для театра печатались въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ—всего въ сотнѣ.

Сообщаемыя свѣдѣнія о кіевской польской сценѣ, конечно, скудны, по недостатку источниковъ, но, можетъ быть, и онѣ пригодятся для будущаго историка кіевскаго театра. **П. Т.**

Къ исторіи нѣжинскихъ грековъ. Еще Богданъ Хмельницкій понялъ, что предпріимчивые и оборотливые греки могли значительно способствовать оживленію украинской торговли, а потому онъ разослалъ въ 1657 году по Украинѣ универсалъ, строго запрещавшій кому бы то ни было подавать жалобы на грековъ-купцовъ, «по мѣстамъ и мѣстечкахъ украинныхъ гандле отправуючихъ, альбо перемешкива-

ючихъ,» въ полковые, сотенные и городовые суды, и позволявшій грекамъ судиться «въ справахъ купецкихъ» и въ дѣлахъ со служащею у нихъ челядью собственнымъ судомъ, дабы таковою привилегіею пріохотить ихъ пріѣзжать «въ нашу сторону зъ разными товарами» и быть чрезъ это «выгодою людемъ». Въ томъ-же году Богданъ Хмельницкій позволилъ двумъ греческимъ купцамъ безпошлинно торговать по всей Украинѣ, уплативши лишь «належачую повинность» въ гетманскую казну. Гетманъ Иванъ Выговскій распространилъ это частное право въ 1658 году на всѣхъ греческихъ купцовъ, затѣмъ привилегіи эти были подтверждены универсалами Юрія Хмельницкаго и Павла Тетери. Иванъ Брюховецкій нѣсколько ограничилъ права грековъ, подчинивши ихъ въ спорахъ съ украинцами мѣстнымъ судамъ. Иванъ Самойловичъ подтвердилъ всѣ прежніе универсалы, предоставивъ, впрочемъ, греческимъ купцамъ право апеллировать на рѣшенія собственнаго ихъ суда малороссійскому генеральному суду. Мазепа подчинилъ грековъ въ уголовныхъ дѣлахъ генеральному суду, а затѣмъ подтвердилъ всѣ прежнія ихъ права.

Съ 1696 года греки окончательно избрали своимъ главнымъ мѣстопребываніемъ Нѣжинъ: въ этомъ году они получили окончательную санкцію отъ кіевскаго митрополита Варлаама Ясинскаго на основанное еще въ 1687 году церковное братство; *основали школу для обученія дѣтей греческой грамотѣ и богадѣльню.* Мазепа со своей стороны подтвердилъ всѣ пункты грамоты митрополита Варлаама Ясинскаго.

Всѣ прежде данныя льготы были подтверждены послѣдовательно въ 1709 году гетманомъ Иваномъ Скоропадскимъ, въ 1729 г. гетманомъ Даніиломъ Апостоломъ, въ 1741 г. Генеральной Войсковой Канцеляріей, въ 1751 г. гетманомъ графомъ Кирилломъ Разумовскимъ [1]). Въ 1769 г. вышелъ указъ сената о нечиненіи нѣжинскому греческому братству обидъ и притѣсненій [2]). Въ 1775 году 10-го февраля состоялось высочайшее утвержденіе, согласно докладу сената, всѣхъ грамотъ, данныхъ греческому нѣжинскому братству, по представленію Румянцева [3]), о чемъ и были увѣдомлены малороссійская коллегія и Румянцевъ слѣдующимъ указомъ отъ 7 мая 1775 года:

«Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской изъ Правительствующаго Сената Малороссійской Коллегіи. По

---

[1]) Акты Греческаго Нѣжинскаго Братства. К. 1884.

[2]) Полн. собр. зак. № 13397.

[3]) Полн. собр. зак. № 14247.

имянному Ея Императорскаго Величества указу, состоявшемуся въ 10-й день февраля мѣсяца сего года на поднесенномъ отъ сената докладѣ, коимъ представлено было о подтвержденіи по мнѣнію генералъ губернатора и кавалера графа Петра Александровича Румянцова и по прошенію живущихъ въ городѣ Нѣжинѣ грековъ, пожалованныхъ имъ грамотъ съ дополненіемъ слѣдующимъ:

1-е Хотя о печати братскаго суда по-нынѣ отъ нихъ прошенія и не было, но какъ оная для коммерческой ихъ корреспонденціи необходимо нужна, то для сего обстоятельства сенатъ разсуждаетъ: братской ихъ судъ снабдить казенною печатью съ гербомъ и съ надписью слѣдующею: «печать Ея Императорскаго Величества суда нѣжинскаго греческаго братства». 2-е. Чтобы всемилостивѣйше дозволено было имъ грекамъ торговать внутри Россіи, однакожъ тѣмъ только, кои состоятъ въ вѣчномъ россійскомъ подданствѣ и живутъ въ Нѣжинѣ домами, и въ вѣрности Ея Императорскому Величеству учинили присягу, торговать свободно внутри Россіи и пользоваться всѣми тѣми преимуществами, каковыми россійское купечество пользуется, на основаніи таможеннаго устава и прочихъ слѣдующихъ о купечествѣ узаконеній. 3-е. Дабы генеральный судъ, въ противность высочайше пожалованныхъ имъ 1710 и 1742 годовъ грамотъ, ни въ какія ихъ дѣла, кромѣ криминальныхъ, отнюдь не вступалъ, то оному суду отнынѣ впредь того не чинить. Въ случаѣ же, когда-бы греческое братство чего—либо собою рѣшить не могло или на рѣшеніе онаго по такимъ дѣламъ, кои имъ самимъ рѣшить дозволено, показано было отъ кого неудовольство и апеляцію, то имѣютъ быть такія дѣла взносимы и рѣшены прямо въ малороссійской коллегіи. 4-е. А какъ въ вышеупомянутыхъ высочайшихъ грамотахъ о судѣ и расправѣ узаконено, что имъ грекамъ судиться самимъ токмо между собою и челядью ихъ, а того не объяснено, гдѣ должны судиться россійскіе съ греками, или греки съ россійскими людьми, то въ объясненіе тѣхъ грамотъ отнынѣ впредь имъ нѣжинскимъ грекамъ съ россійскими купцами по ихъ купеческимъ обрядамъ разбираться въ нѣжинскомъ словесномъ судѣ, а въ случаѣ формальнаго суда вѣдаться какъ одной, такъ и другой сторонѣ въ надлежащихъ мѣстахъ по законамъ. 5-е. Нѣжинскому магистрату подтвердить, чтобъ онъ съ нѣжинскихъ грековъ, вступившихъ въ вѣчное подданство, проѣзжей пошлины, такъ какъ съ пріѣзжающихъ на время изъ-за-границы, въ противность торговаго устава, не требовалъ и въ дачѣ пашпортовъ ни малѣйшей остановки не чинилъ, а поступалъ бы во всемъ по даннымъ имъ жа-

лованнымъ грамотамъ, не дѣлая отнюдь никакихъ примѣтокъ, обидъ и налоговъ, дабы поступая съ ними во всемъ по точности высочайшихъ грамотъ, тѣмъ удобнѣе можно было въ прочихъ грекахъ возбудить охоту переселяться въ подданство россійское. 6-е. Что же слѣдуетъ до преимущества живущихъ въ Нѣжинѣ грековъ присягою въ вѣрности обязавшихся во всякихъ ихъ порядкахъ предъ пріѣзжающими для торгу и на время въ Нѣжинъ греками, то оное высочайшею грамотою, въ 1742 году данною, имъ уже дозволено, слѣдовательно и остается сіе положеніе на томъ же положеніи, по которому и въ братскомъ ихъ судѣ присутствовать имъ однимъ только вступившимъ въ здѣшнее подданство грекамъ, тѣмъ наипаче, что не вступившій въ подданство и не учиня въ вѣрности присяги не можетъ никто допущенъ быть судьею. Но дабы между живущими въ Нѣжинѣ и временно туда пріѣзжающими греками случающееся несогласіе прекращено, а братская любовь и союзъ возстановлены были, то и пріѣзжающимъ на время въ Нѣжинъ для торгу купцамъ грекамъ пользоваться тѣмижъ выгодами, каковыми живущимъ тамо высочайшими грамотами пользоваться дозволено, кромѣ безпошлиннаго торга и засѣданія въ судѣ. 7-е. Остающееся въ разныхъ россійскихъ городахъ послѣ умершихъ или арестованныхъ грековъ имѣніе отдавать въ оное братство, токмо послѣ тѣхъ умершихъ или арестованныхъ грековъ, кои прямое свое жительство имѣли въ Нѣжинѣ и подлинно записаны въ нѣжинское братство, а на время бы оттуда отлучились оставшееся имѣніе отдавать въ то братство дозвозяется для распредѣленія оного, кому принадлежать будетъ, то есть: наслѣдникамъ ли законнымъ, или кредиторамъ, съ вѣрными доказательствами являющимся, однакожъ въ такомъ только случаѣ, естьли грекъ нѣжинскаго братства, въ которомъ либо россійскомъ городѣ умретъ, а къ имѣнію его въ томъ мѣстѣ отъ кредиторовъ и ни отъ кого никакой претензіи предъявлено не будетъ. Ежели же какая претензія тамо отъ кого либо на то имѣніе окажется, то, не отсылая оного въ помянутое греческое братство, удовольствіе изъ того имѣнія претендующимъ чинить по законамъ въ томъ правительствѣ, гдѣ таковый нѣжинскій грекъ умретъ. До прочихъ же грековъ, кои хотя бы выѣхали и сперва поселились въ Нѣжинѣ, но послѣ выѣхали въ другіе города, тамо поселились и домами живутъ, нѣжинскому братству дѣла не имѣть и изъ оного какъ донынѣ выбывшихъ исключить, такъ и впредь выбываемыхъ исключать же и до остающихся по смерти ихъ имѣній не касатся, но вѣдать оныя въ томъ правительствѣ, гдѣ таковой пріѣз-

жій умретъ. На которомъ докладѣ собственною Ея Императорскаго Величества рукою подписано тако: быть по сему. Правительствующій Сенатъ приказали: для непремѣннаго по оному Высочайшему Ея Императорскаго Величества имянному указу исполненія къ господамъ генералъ-губернаторамъ малороссійскому и кіевскому, такожъ въ Малороссійскую Коллегію и въ нѣжинскій магистратъ послать указы, кои и посланы. Маія 7 дня 1775 года.

Оберъ-секретарь Алексѣй Ильинъ. Секретарь Иванъ Туманскій. Регистраторъ Яковъ Боровскій», **Н. Стороженко.**

Къ вопросу о колонизаціи лѣвобережной Украины. Настоящая замѣтка имѣетъ цѣлью обратить вниманіе на одинъ документъ, не безъинтересный, какъ кажется, для изучающихъ исторію колонизаціи лѣвобережной Украины.

Въ москов. архивѣ минист. юстиціи сохранилось нѣсколько *разборныхъ книгъ* черкасамъ, составленныхъ въ 1660 году (ихъ не видали ни Н. И. Костомаровъ, ни Д. И. Багалѣй). Въ этомъ году въ Украину по грамотѣ изъ Разряда за приписью дьяка Василія Брехова явился для разбора черкасъ, поселившихся въ лѣвобережной Украинѣ, московскій дворянинъ Романъ Владимірович Игнатьевъ[1]). Нашлось пока десять разборныхъ книгъ его составленія: четыре отъ 19 марта 1660 г., двѣ отъ 26 марта, двѣ отъ 2 апрѣля и двѣ отъ 18 апрѣля того же года. 20 мая 1660 г. эти книги уже были поданы въ Разрядѣ самимъ Р. В. Игнатьевымъ, что видно изъ помѣтъ на нихъ. Эти книги состоятъ изъ простаго перечисленія именъ черкасъ и представляютъ прежде всего интересъ *статистическій*. Съ этой именно стороны мы ими и воспользуемся.

Г. Путивль.

Книга № 1[2]) перечисляетъ черкасъ *путивльскихъ*, которымъ велено служить полковую службу вмѣстѣ съ черниговцами и путивльцами, дворянами и дѣтьми боярскими.

Полковой службы:	
Атаманъ. . .	1
1) *Сотникъ*. . .	1
Рядовые. . .	62

Кромѣ способныхъ служить полковую службу у разбора объявились пѣшіе *пу-*

---

[1]) Для руководства Р. В Игнатьевъ получилъ отъ мѣстнаго воеводы списки за рукою послѣдняго.

[2]) Листы 1—13.

2)	*Сотникъ* . . .	1
	Рядовые. . .	39
3)	*Сотникъ* . . .	1
	Рядовые. . .	33
4)	*Сотникъ* . . .	1
	Рядовые. . .	87
	Итого.	226 ч.

тивельскіе, терновскіе черкасы, о которыхъ атаманъ, сотники и урядчики сказали, что ихъ «съ полковую Вел. Государя службу не будетъ». Такихъ оказалось 43 чел.

Такимъ образомъ всего въ Путивлѣ у разбора оказалось 269 черкасъ.

Г. Каменный.

Книга № 2 (съ помѣтой «изъ книгъ... выписать на перечень» [1]) перечисляетъ *каменскихъ* черкасъ, полковыхъ козаковъ (нынѣ с. Каменное, лебединскаго уѣзда, харьковской губ. См. «Списки насел. мѣстъ» хар. губ. № 2644; срв. Географ. слов. Щекатова I, 145 и Семенова II, 463; въ XVII в. городъ см. подроб. у Д. И. Багалѣя «Очерки» М. 1887) на коняхъ и съ ружьемъ, а также пѣшихъ, послѣ осаднаго времени и татарской войны поселившихся въ г. Каменномъ на посадѣ съ женами и съ дѣтьми на вѣчное житье.

Изъ села Подолевъ:	Изъ села Будищъ:	Изъ села Капустина:
конные . . . 6 чел. пѣшіе. . . . 108 » атаманъ . . . 1 » сотникъ . . . 1 »	конные . . . 86 чел. атаманъ . . . 1 »	конные . . . 33 чел. пѣшіе . . . 12 » атаманъ . . . 1 »
Изъ дер. Бобрички:	**Изъ дер. Роменца:**	**Изъ села Пилиповой Гатьки:**
атаманъ . . . 1 чел. сотникъ . . . 1 » рядовые . . . 23 » (конные?)	атаманъ . . . 1 чел. конные . . . . 9 »	атаманъ . . . 1 чел. конные . . . 12 »
Изъ села Плѣшивца:	**Изъ села Цепковъ:**	**Изъ села Подставокъ:**
атаманъ . . . 1 чел. сотникъ . . . 1 » конные . . . 87 »	атаманъ . . . 1 чел. конные . . . 42 »	атаманъ . . . 1 чел. конные . . . 21 »

Прописанные въ воеводскомъ спискѣ:

изъ села Капустина:	изъ села Плѣшивца:	изъ села Подставокъ:
10 чел. новики 137 чел.	27 чел.	конные . . . 6 чел. пѣшіе . . . 15 чел.

[1]) Листы 14—28.

А всего въ Каменномъ разобрано было 646 черкасъ.

Въ концѣ этой книги приписано: «а у смотру сказали каменскіе атаманы и сотники и урядчики и рядовые черкасы-козаки въ осадное (время) и въ татарскую войну побито каменскихъ козаковъ и померло и сошли съ голоду съ женами и съ дѣтьми въ государевы украинные городы 262 человѣка» [1]).

Книга № 3 [2]) перечисляетъ мѣщанъ и пашенныхъ людей, поселившихся въ г. Каменномъ на посадѣ послѣ осаднаго времени и татарской войны. Разборъ произведенъ былъ по допросу атамановъ, сотниковъ и рядчиковъ.

Мѣщанъ изъ села Подолекъ	11 ч.	Мѣщ. изъ с. Филиппов.Гатьки	4 ч.
Пашенныхъ людей	7 ч.	Пашенныхъ людей . . .	3 ч.
Мѣщанъ изъ села Капустина	7 ч.	Мѣщанъ изъ села Цепковъ .	3 ч.
Пашенныхъ людей . . .	4 ч.	Пашенныхъ людей	3 ч.
Мѣщанъ изъ села Будищъ .	20 ч.	Мѣщанъ изъ села Плѣшивца	21 ч.
Пашенныхъ людей . . .	10 ч.	Пашенныхъ людей	7 ч.
Мѣщанъ изъ дер. Бобрички.	4 ч.	Мѣщ. изъ села Подставокъ [3])	14 ч.
Пашенныхъ людей	3 ч.	Пашенныхъ людей	17 ч.
Мѣщанъ изъ дер. Роженца .	2 ч.	Мѣщ. изъ с. Капустинецъ (?)	4 ч.
Всего мѣщанъ	90 ч.	Всего пашенныхъ людей	54 ч.

А всего въ г. Каменномъ мѣщанъ и пашенныхъ людей разобрано было 144 чел.

Г. Недрыгайловъ.

Книга № 4 перечисляетъ *недрыгайловскихъ* служивыхъ полковыхъ козаковъ, константиновскихъ черкасъ, которые по указу Великаго Государя поселились въ г. Недрыгайловѣ на вѣчное житье [4]).

Служилые полковые козаки:

сотникъ. . . . 1 ч.	Слободы Берестовки:	Слободы Шпилевки:
	атаманъ. . . . 1 ч.	
рядовые. . . . 35 ч.	рядовые . . . 15 ч.	рядовые. . . . 15 ч.

[1]) Слѣд., общая цифра была 908 чел.

[2]) Листы 29—33.

[3]) Въ оригиналѣ „Плешивца“, что, очевидно, описка, ибо сейчасъ только что были перечислены лица изъ с. Плѣшивца. Срв. кн. № 3.

[4]) Листы 34—45; на послѣднемъ листѣ помѣчено: „книги белыя недрыгайловскія справлены“.

Села Березниковъ:		Слободы Кулешевки:	
атаманъ	1 чел.	атаманъ	1 чел.
рядовые	20 чел.	рядовые	45 чел.

Итого служ. полков. козаковъ 134 челов.

Пѣшихъ недрыгайловскихъ козаковъ, про которыхъ «у смотру сказали атаманы, и сотники, и урядчики, что ихъ съ полковую Великаго Государя службу не будетъ, а собою они добры», оказалось 35 челов. (нѣкоторые изъ нихъ слободъ Шпилевки и Кулешевки, другіе села Березниковъ).

А всего было разобрано въ г. Недрыгайловѣ черкасъ 169 чел.

Книга № 5 перечисляетъ [1]) *недрыгайловскихъ* черкасъ, поселившихся въ селѣ Ольшанкахъ (въ недрыгайловскомъ уѣздѣ).

Конные козаки:		Пѣшіе козаки:		Новики конные:
атаманъ	1 ч.			
сотники	5 ч.	рядовые	47 ч.	33 чел.
рядовые	234 ч.			

Всего поселившихся въ селѣ Ольшанкахъ разобрано 320 чел.

Книга № 6 перечисляетъ [2]) черкасъ мѣщанъ и пашенныхъ мужиковъ поселившихся въ г. Недрыгайловѣ.

Мѣщанъ и пашенныхъ мужиковъ (нѣкоторые слободъ Шпилевки и Кулешевки и села Березниковъ) по книгѣ насчитывается всего 92 человѣка (въ томъ числѣ 23 старыхъ и увѣчныхъ).

Въ концѣ книги перечислено 34 человѣка полковыхъ козаковъ, которые стары и увѣчны «отставлены Великого Государя отъ службы, а написаны въ городовой службѣ, а въ ихъ мѣсто написаны, въ козаки дѣти ихъ въ полковую Великого Государя службу»

Г. Суминъ.

Книга № 7 перечисляетъ черкасъ [3]) въ г. Суминѣ на посадѣ «которые поселилися съ женами и съ дѣтьми на вѣчное житье».

Конные козаки черкасы, которые объявились у коннаго смотра собою добры «старого и нового уѣзду» и по допросу суминскаго полковника, сотниковъ, атамановъ и «вырядчиковъ»:

полковникъ	1	полковой есаулъ	1
полковой писарь	1	есаулъ	1

[1]) Листы 46—60.

[2]) Листы 61—65.

[3]) Листы 66—98.

полковой сотникъ	1	атамановой сотнѣ атаманъ	1
подписокъ	1	» » есаулъ	1
рядовые	19	рядовые	154
разныхъ сотенъ рядовые	32	сотникъ	1
		рядовые	215
атаманы, сотники и рядовые трехъ селъ суминскаго уѣзда (именно: Нижней и Верхней Суровицы и Ворожбы)	562	сотникъ	1
		есаулъ	1
		рядовые	135
сотникъ	1	сотникъ	1
знаменщикъ	1	есаулъ	1
рядовые	177	рядовые	248

Всего конныхъ козаковъ черкасъ 1557 ч.

Пѣшихъ козаковъ оказалось только 85 чел. Слѣдовательно, и тѣхъ и другихъ разобрано было въ г. Суминѣ 1642 чел.

Книга № 8 перечисляетъ[1]) мѣщанъ и пашенныхъ мужиковъ, поселившихся въ г. Суминѣ съ женами и съ дѣтьми на посадѣ на вѣчное житье «старого и нового уѣзду».

Мѣщане	636	чел.
» села Нижней Суровицы	78	чел.
» » Верхней Суровицы	72	чел.
» » Ворожбы	274	чел.
Пашенные мужики	38	чел.

Общее число разобранныхъ достигаетъ такимъ образомъ 1098 ч.

Г. Лебединъ.

Книга № 9 перечисляетъ[2]) черкасъ козаковъ, поселившихся на вѣчное житье въ г. Лебединѣ на посадѣ.

Конныхъ козаковъ оказалось 336 чел., пѣшихъ—132 чел. Въ той же книгѣ особо перечислены «лебединскіе черкасы козаки старые, которые государево жалованье имали и прописаны въ списку, который списокъ присланъ въ Лебединомъ за воеводскою рукою и били челомъ Великому Государю, а ко мнѣ (т. е. къ Р. В. Игнатьеву) принесли въ съѣзжую избу челобитную за руками, чтобъ ихъ Великій Государь пожаловалъ велѣлъ приправить въ книги и съ своею бра-

---

[1]) Листы 99—119.

[2]) Листы 120—133.

тьею въ рядъ»; ихъ (пѣшіе) оказалось 393 чел. А всего разобрано 861 человѣкъ.

Книга № 10 перечисляетъ [1]) мѣщанъ и пашенныхъ мужиковъ, поселившихся съ женами и дѣтьми на вѣчное житье на посадѣ. По свѣдѣніямъ книги мѣщанъ поселилось 128 чел., пашенныхъ мужиковъ 224 чел. Отставныхъ козаковъ поименовано 42 чел.

Таковы статистическія данныя, которыя мы получаемъ изъ разборныхъ книгъ Р. В. Игнатьева. Они касаются гг. Путивля, Каменнаго, Недригайлова, Сумина (Сумъ) и Лебедина. Припоминая стратегическое значеніе этихъ городовъ въ XVII вѣкѣ (подробности о чемъ желающіе найдутъ въ книгѣ Д. И. Багалѣя), нетрудно видѣть, что сообщаемыя указанными книгами свѣдѣнія имѣютъ нѣкоторый интересъ. Прежде всего нельзя не обратить вниманія на переселенія черкасъ изъ окружныхъ селъ и деревень въ города, вскрываемыя на основаніи этихъ книгъ. Слѣдуетъ также упомянуть, что указанныя книги, повидимому, описываютъ не весь наличный составъ черкасъ, находившихся въ описываемыхъ 5 городахъ, а лишь тѣхъ, которые поселились въ нихъ сравнительно вновь. Для ясности чтенія замѣтки дѣлаемъ въ заключеніе общій обзоръ черкасъ по городамъ.

Г. Путивль . . . . 269 коз.
Г. Каменный . . . . 646 козак.+144 мѣщ. и пашен. людей.
Г. Недригайловъ . . 169 козак.+34 отставн. козак.+92 мѣщ. и пашен. людей.
Село Ольшанки (недрыг. уѣзд.) 320 коз.
Г. Суминъ . . . . 1642 коз.+1098 мѣщ. и пашен. муж.
Г. Лебединъ . . . . 861 козак.+42 отст. козак.+352 мѣщ. и пашенныхъ мужик.

Всѣ эти *десять* книгъ, переплетенныя въ одинъ томъ, хранятся въ Московскомъ Архивѣ Минист. Юстиціи подъ рубрикою кн. дес. № нов. 58 / ст. 201.

В. Н. Сторожевъ.

Древность малороссійскаго табаководства. Подъ такимъ заглавіемъ В. Г. Котельниковъ напечаталъ въ № 20 «Земледѣльческой Газеты» за текущій годъ статью, въ которой доказываетъ неосновательность ходячаго мнѣнія объ американскомъ происхожденіи разво-

[1]) Листы 134—141.

димаго въ Малороссіи простаго табака. Авторъ обратился къ намъ съ просьбой «сказать нѣсколько словъ объ этой статьѣ въ «Кіевской Старинѣ», дабы обратить вниманіе изслѣдователей украинской старины на возбужденный имъ вопросъ о происхожденіи табака въ Малороссіи». Исполняя желаніе уважаемаго автора и въ виду интереса затронутаго имъ вопроса, передаемъ въ сокращенномъ видѣ содержаніе статьи В. Г. Котельникова. Еще въ 1888 году г. Котельниковъ высказалъ въ «Трудахъ имп. вол. эконом. общества» (№ 8) сомнѣніе въ американскомъ происхожденіи вида Nicotiana rustica, къ которому принадлежитъ простой табакъ—махорка. Авторъ подкрѣплялъ свое мнѣніе тѣмъ, что во 1-хъ, воздѣлываніе табака, вывезеннаго изъ Америки, въ Европѣ началось около 1610 г. въ Голландіи, а около 1650 г., во время козацкихъ войнъ, табакъ уже былъ неизбѣжнымъ спутникомъ малороссійскаго козака и, нужно думать, являлся не привознымъ, а туземнымъ произведеніемъ; во 2-хъ, въ Америкѣ культуру такого табака, какъ Nicotiana rustica, повидимому, мало знаютъ теперь и едва ли есть основаніе полагать, что она была распространена въ первое время сношеній европейцевъ съ этой частью свѣта и что затѣмъ почему то исчезла или сократилась. Поэтому авторъ склонялся къ мнѣнію Лотара Беккера («Der Bauerntabak (Nicotiana rustica L.) eine Pflanze der alten Welt». 1875), что этотъ видъ табака происходитъ изъ Стараго Свѣта и былъ извѣстенъ въ Европѣ задолго до открытія Америки, мнѣнію, основанному частію на высказанныхъ выше соображеніяхъ, а главнымъ образомъ на изученіи ботаническихъ сочиненій XVI и первой половины XVII в. Далѣе авторъ указываетъ на то, что въ Голландіи не существуетъ воздѣлыванія Nicotiana rustica и нѣтъ какихъ либо слѣдовъ воздѣлыванія ея въ прежнее время. Махорка же, вопреки мнѣнію г. Стебута, несомнѣнно принадлежитъ къ виду Nicotiana rustica, слѣдовательно нельзя производить ее отъ американскаго табака, полагая, что она произошла отъ сѣмянъ, вывезенныхъ изъ голландскаго города Амерсфорта, откуда и ея названіе. Дѣло не въ словопроизводствѣ, а въ смѣшеніи совершенно различныхъ видовъ растеній. Махорка есть сортъ Nicotiana rustica, а амерфортскій табакъ—сортъ Nicotiana tabacum. Притомъ, слово «махорка», хотя и народнаго происхожденія, но далеко не распространено въ народной малороссійской рѣчи. Простолюдинъ чаще всего то, что мы называемъ махоркой, называетъ просто табакомъ или тютюномъ, причемъ этими же словами онъ называетъ и всякій табакъ, будетъ ли это махорка, бакунъ, американскій или турецкій табакъ.

Въ своей статьѣ г. Котельниковъ приводитъ и историческіе факты о распространенности табака въ Малороссіи уже въ половинѣ XVII в., ссылаясь на Костомарова («Богданъ Хмельницкій», т. III, стр. 377—8 и «Очерки домашней жизни и нравовъ великор. народа въ XVI и XVII ст.,» стр. 207) и «Исторію Руссовъ», приписываемую Конисскому. Авторъ приводитъ и мнѣніе А. И. Ханенка, что начало производства табака въ Малороссіи надо отнести къ половинѣ XVI ст., и что первыми плантаторами его были запорожскіе козаки, перенявшіе его употребленіе и получившіе его сѣмена отъ крымцевъ. Въ заключеніе г. Котельниковъ высказываетъ предположеніе, что табакъ могъ проникнуть въ южную Русь чрезъ монголовъ центральной Азіи во время нашествія ихъ подъ предводительствомъ потомковъ Чингисхана, основываясь на сообщенномъ г. Потанинымъ свѣдѣніи, что въ гробницѣ Тамерлана въ Самаркандѣ, въ числѣ другихъ реликвій, находится его трубка.

Подольское епархіальное церковное древнехранилище. Еще въ 1865 г. высокопреосвященнымъ Леонтіемъ былъ учрежденъ при редакціи Подольскихъ Епарх. Вѣдомостей историко-статистическій комитетъ съ цѣлью описанія подольской епархіи съ исторической стороны. Среди членовъ этого комитета и возникла въ концѣ прошлаго года мысль объ учрежденіи церковнаго епархіальнаго древнехранилища, гдѣ можно было бы сосредоточить какъ предметы церковной древности, такъ и архивные матеріалы, необходимые для разработки исторіи Подоліи. Выработанный особой коммиссіей проектъ устройства древнехранилища былъ утвержденъ преосвященнымъ подольскимъ Донатомъ, а викарій подольской епархіи преосв. Димитрій принялъ на себя ближайшее руководство этимъ устройствомъ. Древнехранилище помѣщается при каѳедральномъ соборѣ и заключаетъ въ себѣ: 1) Библіотеку изъ сочиненій по исторіи Подоліи на русскомъ, польскомъ, латинскомъ и др. языкахъ. 2) Архивъ изъ рукописей, относящихся къ исторіи Подоліи и бумагъ и дѣлъ ист.-статистич. комитета. 3) Вещественные памятники церковной древности или точные снимки съ нихъ. Сюда относятся: а) памятники языка и письма: старопечатныя и рукописныя ц. богослужебныя книги, православныя и уніатскія и т. д.; б) памятники церковной архитектуры Подоліи въ снимкахъ, моделяхъ и образцахъ; в) памятники церковной живописи и скульптуры (старинныя живописныя и др. иконы, картины религіознаго и

историческаго содержанія, портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи Подоліи, рѣзныя изображенія, снимки съ мѣстныхъ чтимыхъ святынь и др.); 2) церковно-богослужебные предметы (старые антиминсы, облаченія православныя и уніатскія, церковная утварь, интересная въ какомъ-нибудь отношеніе и др.); д) не устраняются и древности не церковныя, имѣющія историческое значеніе, въ особенности уяснающія исторію Подоліи.

Для составленія древнехранилища передаются книги и документы историко-статистическаго комитета, дѣла подольской дух. консисторіи, имѣющія только историческое значеніе, изданія редакціи Подольскихъ Епарх. Вѣдомостей. Сверхъ того, духовенство подольской епархіи и всѣ любители церковной старины приглашаются оказать содѣйствіе комитету пожертвованіями въ древнехранилище предметовъ древности или снимковъ съ нихъ.

Привѣтствуя новое учрежденіе и желая ему полнаго процвѣтанія, не можемъ не высказать пожеланія, чтобы и въ другихъ городахъ нашего края завелись подобные музеи, гдѣ сохранились бы исчезающіе теперь безслѣдно памятники прошлаго.

Г. Ѳ. Карповъ (некрологъ). 24 апрѣля текущаго года скончался въ Москвѣ на 52 году отъ рожденія Геннадій Ѳедоровичъ Карповъ. Покойный былъ воспитанникомъ московскаго университета и ближайшимъ ученикомъ С. М. Соловьева, нѣкоторое время состоялъ профессоромъ русской исторіи въ харьковскомъ университетѣ, а въ последніе годы своей жизни жилъ въ Москвѣ, занимаясь архивными работами. Труды Г. Ѳ. Карпова относятся главнымъ образомъ къ исторіи Малороссіи. Вотъ ихъ списокъ: 1) Очерки изъ исторіи россійской церковной іерархіи XIV — XV ст. (Чт. м. общ. ист. и др. 1864); 2) Исторія борьбы московскаго государства съ польско-литовскимъ (Ib. 1866. Магист. диссертація); 3) Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся, за время 1654 — 1672 г. (М. 1870. Доктор. диссертація); 4) Г. Костомаровъ, какъ историкъ Малороссіи (М. 1871); 5) Кіевская митрополія и московское правительство въ 1654 году (Прав. Обозр. 1871, №№ 8 и 9); 6) Переговоры о соединеніи Малороссіи съ Великороссіей (Ж. М. Н. Пр. 1871, №№ 11 и 12); 7) Начало исторической дѣятельности Богдана Хмельницкаго (М. 1873); 8) Діонисій Балабанъ, митр. кіевскій. Изъ исторіи отношеній кіевск.

церк. іерархіи къ моск. правительству 1654—1661 гг. (Пр. Об. 1874, № 1); 9) Меѳодій Филимоновичъ, еписк. мстисл. и оршанскій, блюститель кіев. митрополіи 1661—1668 гг. (Пр. Об. 1875. №№ 1, 2, 4, 6, 11 и 12); 10) Малороссійскіе города въ эпоху соединенія Малороссіи съ Великою Россіею (Лѣтоп. зан. археогр. ком., в. VI, 1877); 11) Въ защиту Богдана Хмельницкаго (Чт. м. общ. ист. и др. 1889, I). Сверхъ того, Карповымъ редактированы томы X, XI и XIV «Актовъ юж. и зап. Россіи», томы XXXV, XLI, LIII, LIX «Сборника императ. руск. историч. общества» и «Изборникъ Святослава Ярославича 1073 г.», изданный въ 1880 г.

КЪ РИСУНКУ ШЕВЧЕНКА.

Въ № 2 текущаго года нашего изданія мы помѣстили четыре снимка съ рисунковъ Шевченка, заимствованныхъ изъ двухъ альбомовъ его, относящихся къ 1843 и 1844 гг., при чемъ нами дано было обѣщаніе въ теченіе этого года помѣстить еще нѣсколько изъ болѣе выдающихся рисунковъ нашего поэта-художника. О самихъ альбомахъ было сказано уже, какъ въ упомянутомъ № 2-мъ 1890 г., такъ и въ № 2-мъ 1886 г., почему и отсылаемъ интересующихся къ этимъ двумъ книжкамъ нашего журнала; теперь же, помѣщая видъ на село *Андрюши*, мы скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ мѣстопребываніи бывшихъ епископовъ переяславскихъ.

Какъ извѣстно, уѣздному городу Переяславу (полтавской губ.), нынѣ бѣдному, заброшенному и едва лишь имѣющему значеніе мелкаго торговаго пункта, благодаря хлѣбной и пароходной пристанямъ на Днѣпрѣ въ 10 верстахъ отъ него,—пришлось въ старину играть роль виднаго центра въ нашемъ духовномъ просвѣщеніи. Тутъ, во времена крещенія Руси, основана была архіерейская каѳедра, и городъ Переяславъ, имѣвшій значеніе митрополіи, въ этомъ отношеніи превосходилъ столичный Кіевъ, который только въ половинѣ XI вѣка привлекъ митрополичью каѳедру къ себѣ. Очевидно, къ тому же времени, т. е. къ половинѣ XI вѣка, надо отнести учрежденіе въ Переяславѣ особой епископіи, такъ какъ тамъ же учреждалось и особое княженіе. Спустя 200 лѣтъ, а именно въ 1239 году каѳедра епископская въ Переяславѣ была упразднена, по-

слѣ разоренія этого города и области татарами. Нѣсколько вѣковъ затѣмъ Переяславу пришлось испытывать судьбу, такъ сказать, бродячаго города: то онъ относился къ митрополіи московской (до половины XV вѣка], то причисленъ былъ къ области митрополитовъ кіевскихъ, пока, наконецъ, въ 1700 году не была возстановлена тамъ архіерейская каѳедра, благодаря ходатайству гетмана Мазепы и митрополита Варлаама Ясинскаго. Восемь съ половиною десятковъ лѣтъ существовала здѣсь возобновленная архіерейская каѳедра, вначалѣ, какъ викаріатство кіевской митрополіи, а затѣмъ, какъ самостоятельная епископія, пока въ 1785 году не была опять закрыта по указу Екатерины II, но на этотъ разъ очень не надолго, такъ какъ послѣ раздѣла Польши, въ 1793 году, учрежденъ былъ въ пособіе кіевскому митрополиту особый викарный епископъ, именовавшійся переяславскимъ и бориспольскимъ и жившій въ переяславскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, а четыре года спустя, въ 1797 году, возстановлена опять и епархія переяславская. Хотя въ 1803 г. Высочайше повелѣно было переименовать епархію переяславскую въ полтавскую и перенести самую резиденцію архіереевъ въ Полтаву, когда будетъ тамъ все устроено, но до 1847 года преосвященные полтавскіе прожили въ Переяславѣ, гдѣ пребывала до того времени и консисторія, а семинарія оставалась даже до 1862 г.

Переяславская епископія, подобно тому какъ и почти всякая, имѣла свои угодья и дачи, въ ряду которыхъ не послѣднее мѣсто занимало село Андрюши, расположенное въ 7 верстахъ отъ города по дорогѣ къ Днѣпру. Здѣсь было устроено очень удобное архіерейское подворье съ обширнымъ домомъ, нынѣ совершенно передѣланнымъ, и съ не менѣе обширнымъ корпусомъ для архіерейскаго хора. Особенно извѣстны были Андрюши во времена преосвященнаго *Сильвестра Лебединскаго*, бывшаго епископомъ переяславскимъ съ 1799 г. по 1807 годъ. Онъ устроилъ не дачную, а постоянную резиденцію въ Андрюшахъ и велъ жизнь, болѣе приближавшуюся къ свѣтской, нежели къ монашеской. Помимо того, что онъ любилъ принимать у себя въ подворьи наѣзжавшихъ гостей, которыхъ онъ угощалъ

всякими развлеченіями, включительно до билліардной игры,—онъ при своемъ громадномъ умѣ и начитанности, былъ большимъ любителемъ остроумныхъ бесѣдъ, изреченій, мѣткихъ остротъ и пр. Свидѣтелями этого послѣдняго были сохранявшіяся до 40-хъ годовъ въ архіерейскомъ домѣ въ Андрюшахъ эмблемы и надписи на латинскомъ языкѣ, разрисованныя и написанныя по приказанію владыки. Заимствуемъ изъ интересной статьи прот. Іоанна Крамаренка (Нѣчто о преосвященныхъ, бывшихъ на полтавско-переяславск. паствѣ въ первой половинѣ текущаго стол.—Полт. Епарх. Вѣд. 1882 г., № 5) нѣкоторыя изъ этихъ эмблемъ и надписей.

При входѣ въ домъ, въ сѣняхъ по правую сторону, на двери, ведшей въ погребокъ, въ которомъ хранились напитки и разные съѣстные припасы, нарисованы два подноса: на одномъ изъ нихъ бутылки, графины и рюмки, а на другомъ виноградныя кисти, красивыя яблоки, груши и другіе фрукты. Дверь эта запиралась огромнымъ висячимъ замкомъ, а у замка надпись: „ardua, quae pulchra“ (то, что прекрасно, трудно достижимо). На дверяхъ въ пріемную залу, въ которую входили просители съ прошеніями и жалобами, по большей части неосновательными, и разные посѣтители безъ всякой надобности, собственно для собесѣдованія съ преосвященнымъ, для переливанія изъ пустого въ порожнее,—изображенъ кустарникъ, на которомъ сидитъ сорока съ разинутымъ ртомъ и у рта надпись: „taliter, qualiter—nihil fundamentaliter“ (такъ да какъ—а ничего основательнаго). На двери въ кабинетъ изображенъ сочинитель, съ напряженнымъ вниманіемъ трудящійся надъ своею работой, а внизу надпись: „non tibi per ventus assa columba venit“ (не къ тебѣ вѣтромъ несется жареный голубь); тутъ же сидитъ другой сочинитель, начавшій свое сочиненіе высокопарно, а кончившій пустякомъ; внизу же подпись: „parturiunt montes, nascitur mus“ (горы мучатся родами и—рождается мышь). На стѣнахъ дома были такія, напримѣръ, изображенія. Изображенъ баринъ, изъ низкаго сословія достигшій высокаго положенія, безчеловѣчно бичующій раба своего; внизу подпись „nihil est asperius, cum humilis surgit in altum“ (нѣтъ жесточе человѣка,

какъ тотъ, который поднялся на высоту изъ низкаго состоянія). Въ другомъ мѣстѣ изображены два ученика—одинъ сидящій на берегу рѣки съ удочкой, а другой съ клѣткой въ рукахъ, любующійся заключенною въ ней птичкой; внизу подпись „per pisces et aves multi pereunt scholares“ (изъ за рыбъ и птицъ многіе школяры погибаютъ). Но тутъ же можно было найти и такія ѣдкія и глубокія по мысли эмблемы: изображенъ іезуитъ, а внизу подпись „recipe astum gallorum, fastum polinorum, schacher-macher iudeorum, misce, misce sic et ita, inde erit iesuita“ (возьми лукавство французское, надутость польскую, шахеръ-махеръ жидовскій; мѣшай все это, мѣшай и такъ и этакъ—и выйдетъ іезуитъ).

В. Науменко.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы Сѣверо-Западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. Спб. 1890. Въ 8-ю д., стр. XXIV+376+183+одна ненум. Съ одной хромолитографіей (отд. л. послѣ стр. 24), 99 гравюрами (въ текстѣ) и картой (особый листъ въ концѣ).

Высоко-оффиціозный характеръ изданій г. Батюшкова не можетъ служить, по нашему убѣжденію, поводомъ къ снисходительности критики, а напротивъ, налагаетъ на историческій журналъ прямую обязанность относиться къ каждому изъ нихъ болѣе требовательно, чѣмъ это было бы справедливо и умѣстно по отношенію къ труду совершенно частному, не обставленному равными удобствами въ пользованіи матеріалами и не поддержанному ни широкимъ содѣйствіемъ оффиціальныхъ лицъ, учрежденій и цѣлыхъ вѣдомствъ, ни соотвѣтственно благопріятными прочими условіями. Не одинакова тоже должна быть мѣрка для оцѣнки изданій, разсчитанныхъ преимущественно на людей достаточно подготовленныхъ, чтобы самимъ замѣчать недосмотры и случайные промахи, или же для тѣхъ, которыя предназначаются къ широкому распространенію въ массѣ читающей публики, не обладающей спеціальными знаніями и привычкою къ критикѣ. Конечно,—и это почти лишнее пояснять,—требовательность не есть придирчивость, да и странно было бы предполагать въ насъ послѣднюю, какъ въ отношеніи почтенной многолѣтней дѣятельности П. Н. Ботюшкова, такъ и его сотрудниковъ, пользующихся заслуженною литературною репутаціею, и имена которыхъ читатели неоднократно имѣли случай встрѣчать на страницахъ «Кіевской Старины», то въ сочувственныхъ отзывахъ, то въ видѣ подписей подъ статьями нашего журнала...

«Бѣлоруссія и Литва» составлена вообще по тому же плану, какъ и вышедшія ранѣе: «Холмская Русь» и «Волынь», о которыхъ были въ свое время даны отзывы въ «Кіевской Старинѣ». Настоящій томъ состоитъ изъ пяти частей: 1) предисловія издателя; 2) историческаго очерка Бѣлоруссіи и Литвы съ древнѣйшаго времени до нашихъ дней, составленнаго проф. Н. И. Петровымъ, при сотрудничествѣ проф. И. И. Малышевскаго; 3) многочисленныхъ примѣчаній къ нему; 4) ряда (81) отдѣльныхъ монографическихъ очерковъ, относящихся къ лицамъ и предметамъ, изображенія которыхъ помѣщены въ книгѣ; три изъ этихъ очерковъ составлены г. Малышевскимъ же, а остальные М. И. Городецкимъ; и 5) указателя личныхъ именъ. Мы остановимся здѣсь на главнѣйшемъ, второмъ отдѣлѣ книги и частью на тѣсно съ нимъ связанномъ третьемъ.

Введеніе и девять главъ историческаго очерка своимъ дѣленіемъ и заголовками выясняютъ взглядъ составителей на значеніе различныхъ эпохъ въ жизни разсматриваемаго края и отличающіеся по характеру періоды ея. Съ нѣкоторыми частностями принятой группировки согласиться трудно. Такъ напр., во II главѣ соединены и первоначальная исторія самостоятельнаго литовскаго народа, и исторія постепенно ему подчинявшихся въ XIII и XIV в. русскихъ областей, тогда какъ первую изъ нихъ слѣдовало бы выдѣлить, а взамѣнъ того не разрывать этой вставкой исторіи собственно Руси, въ западной своей части представлявшей даже болѣе близкую и непосредственную преемницу, въ смыслѣ государственнаго уклада и территоріи, княженія кіевскаго, чѣмъ Русь сѣверо-восточная. Иноплеменные Гедиминовичи, ставъ повелителями русскихъ областей, равно какъ и ихъ ближайшая дружина, столь же быстро воспринимали русскую народность и ея культуру, какъ и сами Рюриковичи, не менѣе ихъ иноплеменные ей въ своихъ болѣе раннихъ представителяхъ. Оба княжества, западное и восточное, одинаково были и считали себя русскими, одинаково называли себя, и даже другъ друга, «великими», одинаково, впрочемъ, претендуя на первенство, чѣмъ и объясняется неизбѣжность вѣковой ихъ борьбы. За то первая глава, о русскихъ князьяхъ до татарскаго времени, могла бы быть обращена только во вступленіе къ разсказу о судьбахъ края при князьяхъ литовцахъ,—если бы этому не мѣшало отсутствіе въ цѣломъ всей этой серіи изданій—основного для древней эпохи изслѣдованія, о княженіи кіевскомъ, къ которому примыкали бы остальныя. Періодъ отъ перваго соединенія Литвы съ Польшею въ 1386 до окончательнаго, въ 1569 г., дѣйствительно разнится

по характеру во времена до Казиміра—и начиная съ него; но неправильно считать одну первую его половину временемъ государственнаго соединенія Литвы и Польши «съ особыми государями и съ особымъ внутреннимъ управленіемъ». Персональная унія и позже является не неизбѣжнымъ условіемъ, а только послѣдствіемъ избранія въ польскіе короли наслѣдственнаго литовскаго князя, уже вступившаго на этотъ престолъ, какъ было и съ первымъ изъ нихъ, Казиміромъ, и съ послѣднимъ, Сигизмундомъ-Августомъ. Внутреннее же управленіе было до 1569 г. совершенно раздѣльное, и полное объединеніе не было никогда достигнуто.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи основою дѣленія на періоды приняты перемѣны въ сферѣ отношеній національныхъ и политическихъ, но дѣленіе на главы, основанное на одномъ только ходѣ исповѣдной борьбы,—не соотвѣтствуетъ ему и не вездѣ съ нимъ совпадаетъ. Такъ напр., смерть Сигизмунда III и воцареніе Владислава, ознаменованное оживленіемъ энергіи православнаго населенія, не представляетъ однако такой рѣзкой политической грани, какъ южнорусское возстаніе пятнадцать лѣтъ спустя. Начавшееся съ него неопредѣленное положеніе не заканчивается ни андрусовскимъ миромъ, какъ у авторовъ, ни даже московскимъ трактатомъ 1686 г.; положительное преобладаніе Россіи, перенесшей на себя и задачи прежней Польши по борьбѣ съ мусульманствомъ, обнаруживается только съ началомъ XVIII столѣтія, по укрѣпленіи въ Польшѣ послушной Россіи саксонской партіи, тогда какъ противная, воспользовавшись возвратомъ отъ Турціи Подолья, становится другомъ мусульманскихъ народовъ. Здѣсь болѣе опредѣленный политическій пунктъ поворота и для отношеній западнорусскихъ, до самаго перваго раздѣла. Исторія края съ 1772 г. тоже подраздѣлена едва ли правильно на время до возсоединенія уніатовъ и послѣ него; оно само предопредѣлилось въ значительной степени поворотомъ въ русской политикѣ съ 1831 г., когда она перестала быть благопріятной полонизму, ранѣе отклонившись въ его сторону со смертью Екатерины II. Послѣднія 60 лѣтъ новѣйшей исторіи края очень рельефно отдѣляются датой 1861,—года освобожденія крестьянъ и начала послѣдняго польскаго возстанія. Такимъ образомъ, съ 1772 г. до настоящаго времени исторія западнорусскаго края представила бы не два, а четыре очерка, и съ совсѣмъ иными точками дѣленія.

Конечно, указанныя различія во взглядѣ на эпохи заподнорусской исторіи зависятъ отъ того критерія, какимъ руководствовались

на дѣлѣ авторы. Въ общемъ, они стали на вполнѣ правильную точку зрѣнія, поставивъ на первомъ планѣ, какъ основной объектъ своего изслѣдованія,—само населеніе, съ его этнографическими особенностями, и тѣ политическія, культурныя и исповѣдныя воздѣйствія, какимъ оно подвергалось. Но въ исполненіи они не вездѣ соблюли достодолжную перспективу, отвели одному изъ нѣсколькихъ равноправныхъ элементовъ слишкомъ много мѣста,—что, быть можетъ, отчасти зависѣло отъ ихъ собственныхъ научныхъ спеціальностей, и картина получилась съ несоразмѣренными планами...

Другой общій недостатокъ «Бѣлоруссіи и Литвы» заключается въ томъ, что авторы невполнѣ точно опредѣлили задачу собственной работы и пытались удовлетворить одновременно требованіямъ различнымъ, а потому характеръ исполненія неровенъ и непослѣдователенъ. Подъ однимъ и тѣмъ же заглавіемъ и въ однѣхъ и тѣхъ же рамкахъ можно было дать: или самостоятельное изслѣдованіе, или работу компилятивную; работу ученую, или изложеніе популярное. По общей задачѣ изданія, одну изъ частей котораго составляетъ «Бѣлоруссія», оно предназначено для круга читателей обширнаго, и потому въ немъ не было бы надобности прибѣгать къ самостоятельной переработкѣ источниковъ. Достаточно было бы дать только изложеніе добытыхъ уже другими результатовъ, избѣгая притомъ такихъ пунктовъ, которые, при нынѣшнемъ состояніи науки, представляются сомнительными. Бѣда, однако, въ томъ, что многія существенно важныя частности русской исторіи вообще, а областной и подавно, такъ еще мало разработаны, что нерѣдко приходится прибѣгать къ изслѣдованію по первоисточникамъ даже для самаго легкаго популярнаго изданія. Естественно, что ни одинъ авторъ не желаетъ скрывать подъ спудомъ и этой подготовительной части своего труда; но ей гораздо умѣстнѣе было бы дать, при болѣе широкомъ развитіи, иное мѣсто и назначеніе, представивъ ходъ ея и результаты въ видѣ особыхъ изслѣдованій въ отдѣльномъ изданіи или на страницахъ спеціальныхъ журналовъ. Таково, напримѣръ, неоднократное перечисленіе въ текстѣ основанныхъ въ томъ или другомъ періодѣ церквей, православныхъ и католическихъ, тогда какъ достаточно указать ихъ число, а много-много—свести эти перечни въ одинъ списокъ, въ видѣ приложенія. Загромождать популярную книгу ученымъ аппаратомъ массы ссылокъ и примѣчаній совершенно неудобно. Источники и пособія слѣдовало бы просто перечислить, и то не внося въ число ихъ весьма многихъ мелочей, носящихъ подчасъ характеръ почти газетныхъ замѣтокъ.

Примѣчанія со ссылками болѣе точными необходимы только тамъ, гдѣ мало подготовленному, но любознательному читателю надо дать указаніе на разсказъ о томъ-же фактѣ или лицѣ болѣе обширный и подробный, да въ тѣхъ единичныхъ случаяхъ, гдѣ собственное изслѣдованіе составителей привело ихъ къ выводу, рѣзко противорѣчащему общепринятому ранѣе въ наукѣ мнѣнію. 649 примѣчаній, занимающихъ 38 страницъ петита почти исключительно ссылками, для предполагаемаго средняго читателя совершенно излишни, а для спеціалиста—цѣна ихъ значительно умаляется тѣмъ, что въ немъ многое важное перемѣшано съ еще большимъ количествомъ научно совсѣмъ неважнаго.

Отмѣтимъ еще, что изложеніе далеко не вездѣ выдержано въ тонѣ объективнаго историческаго разсказа, а переходитъ мѣстами въ публицистическій памфлетъ по содержанію, а по тону—то въ апологію, то въ полемику. Такъ напримѣръ, страницѣ 313, представляющей въ сущности только прямой выводъ изъ всего предыдущаго разсказа о религіозной борьбѣ въ Польшѣ съ андрусовскаго мира до раздѣловъ, совершенно лишнее было давать особое мѣсто въ оглавленіи, въ формѣ звучной фразы: «Справедливость и законность возсоединенія Сѣверо-Западнаго края съ Россіей». Будто онѣ только одной этой страницей и доказываются, и будто для нихъ такихъ необъемистыхъ доказательствъ вполнѣ достаточно! Апологетическій тонъ приводитъ иногда къ нежелательнымъ недоразумѣніямъ комическаго оттѣнка: разсказывая о тяжбѣ уніатскаго архіепископа XVII в., Селявы, съ православнымъ, Коссовымъ, авторы передаютъ одно рѣшеніе трибунальскаго суда противъ Коссова въ такой формѣ, что онъ былъ приговоренъ къ штрафу «за *мнимое* сопротивленіе прежнимъ рѣшеніямъ трибунала». Конечно, въ польскомъ текстѣ декрета сказано «za sprzeciwienie się», что значитъ «за неисполненіе», но благодаря невѣрному переводу понадобилась смягчающая, а въ сущности совершенно излишняя «мнимость»... Не ограничиваясь смягченіемъ мѣстами тона по отношенію къ одной сторонѣ, хотя оставляя его in crudo для другой, авторы, въ ущербъ исторической вѣрности, иногда умалчиваютъ вовсе о нѣкоторыхъ фактахъ; послѣдніе, по мелкости, можетъ быть и не заслуживаютъ упоминанія, но въ такомъ случаѣ не надо упоминать и однородныхъ съ ними, но противоположныхъ въ смыслѣ партійномъ. Умолчанія только вредятъ защищаемому дѣлу: указывая его, съ несомнѣнными доказательствами въ рукахъ, противникъ обрѣтаетъ сильное оружіе, подрываетъ въ читателѣ довѣріе къ авторитетному ранѣе для него голосу. Едва-ли это полезно и въ видахъ

истины, и даже съ точки зрѣнія, на какой стоитъ самъ писатель, проводя и защищая ее сознательно или даже безъ намѣренія быть тенденціознымъ.

Въ частностяхъ, въ книгѣ такого характера и назначенія, слѣдовало бы строже относиться и къ точности каждой сообщаемой фактической подробности, и къ выпуклой опредѣленности самыхъ выраженій, которыя безъ этого могутъ быть поняты не въ надлежащемъ смыслѣ и потому дадутъ невѣрное представленіе о дѣлѣ. Недосмотровъ въ обоихъ отношеніяхъ встрѣчается въ книгѣ хотя и не особенно большое количество, но все же замѣтное. Укажемъ изъ нихъ нѣсколько, безъ выбора, такъ какъ въ популярной книгѣ неточности не должны быть допускаемы вообще, даже и въ мелочахъ. Такъ напр., на стр. 16—17 свѣдѣніе о трехъ полоцкихъ епископахъ изложено такъ неясно, что ничуть не соотвѣтствуетъ ближайшему выводу, какой изъ него сдѣланъ. На стр. 90 находимъ указаніе на довольно сомнительный фактъ казни королемъ Ягайломъ двухъ вельможъ за отказъ перейти изъ православія въ католицизмъ, причемъ сдѣлана общая ссылка на «русскую лѣтопись»,—а въ примѣчаніи 125, на которое сдѣлана сноска, упомянуты только общія новѣйшія сочиненія по русской исторіи. Въ началѣ стр. 93, вслѣдствіе неудачной замѣны одного слова другимъ,—совершенно искаженъ смыслъ: «латинство, въ литовскомъ государствѣ, несмотря на *незначительность* своихъ исповѣдниковъ» и т. д., но именно въ разсказываемое время къ латинству принадлежалъ король, нѣкоторые изъ его братьевъ, и проч.,—такъ что авторъ, очевидно, хотѣлъ сказать о ихъ *малочисленности*, а вышло совсѣмъ иное и съ непосредственно слѣдующими словами несообразное. На стр. 108 встрѣчаемъ нѣчто гораздо болѣе важное, именно утвержденіе, будто при Витовтѣ католичество въ Литвѣ являлось *русскимъ католичествомъ* (курсивъ подлинника), отличнымъ и отъ русскаго православія, и отъ католичества польскаго. Мнѣніе очень проблематичное, но если бы даже оно оказалось вѣрнымъ, то оно можетъ имѣть мѣсто только въ качествѣ окончательнаго вывода спеціальнаго изслѣдованія по этому любопытному вопросу; утверждать что либо подобное по новизнѣ въ популярномъ изданіи, мимоходомъ, несмотря на огромную важность факта, если бы онъ подтвердился,—можно только развѣ ради оригинальности. Едвали умѣстно также, въ разсказахъ о событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ самомъ описываемомъ краѣ, какъ напр., о военныхъ дѣйствіяхъ въ Бѣлоруссіи въ 1648 г., (стр. 246—248) ограничиваться перифразомъ

историка, писавшаго хотя спеціально о той же эпохѣ, но объ иной мѣстности,—а въ данномъ мѣстѣ историкъ Б. Хмельницкаго, Костомаровъ самъ руководился для одновременныхъ бѣлорусскихъ событій — не провѣренными свѣдѣніями позднѣйшихъ писателей, которыя разногласятъ съ источниками документальными, послѣдніе же, какъ слѣдуетъ думать по ссылкамъ на ихъ изданія, авторамъ «Бѣлоруссіи и Литвы» были извѣстны, но только въ данномъ случаѣ не использованы. На стр. 252, говоря о массовомъ бѣгствѣ южноруссовъ въ предѣлы Московскаго государства, авторы напрасно включаютъ въ нихъ нынѣшнюю полтавскую губернію, входившую въ эту пору въ составъ польскаго кіевскаго воеводства, и восточную часть екатеринославской, составлявшую часть «Дикихъ Полей», фактическими обладателями которой были татары и запорожцы, и которую отъ московской границы отдѣляла только еще тогда начавшая заселяться Слободская Украина. Что жители нынѣшняго Подолья бѣжали и въ указанныя мѣста—это вѣрно, но политическая принадлежность самихъ мѣстъ—не та.—Русско-польская война 1654 г. происходила главнымъ образомъ въ предѣлахъ описываемой страны (на югѣ дѣйствовали больше козаки), и потому заслуживала бы болѣе подробнаго изложенія, а главное—болѣе точнаго и яснаго: на стр. же, напр., 254 встрѣчаемъ такую несообразность, что одни и тѣ же бѣлорусскіе города и завоевываются московскими войсками, и служатъ (ранѣе!) осѣдлостью союзныхъ съ ними Нечаевыхъ козаковъ: нѣчто подобное было и на дѣлѣ, но только въ совсѣмъ обратномъ порядкѣ, а о чаусовскомъ полкѣ (Нечая) лучше было или не упоминать вовсе, чтобы избѣгнуть путаницы, или же дать болѣе обстоятельное изложеніе, безъ котораго она неизбѣжна.

Несмотря на такія и имъ подобныя погрѣшности, трудъ гг. Петрова, Малышевскаго и Городецкаго имѣетъ значеніе немаловажное, какъ первый (хотя и нѣсколько односторонній) сводъ историческихъ данныхъ о нынѣшнемъ Сѣверо-Западномъ краѣ, написанный вообще очень легко и живо, что особенно важно въ книгахъ такого назначенія, а монографическіе очерки представляютъ вполнѣ достаточный объяснительный текстъ къ обильнымъ иллюстраціямъ. Послѣднія хороши по выполненію, но выборъ ихъ нѣсколько случаенъ: такъ напр. портреты дѣятелей общерусскихъ, но оказавшихъ большое вліяніе на судьбы Бѣлоруссіи, въ *популярной* книгѣ *мѣстнаго* характера если необходимы, то должны быть даны по *лучшимъ* изъ извѣстныхъ подлинниковъ; обнародованіе же мѣстныхъ по нахожденію оригиналовъ должно быть отнесено въ изданія спеціальныя—описа-

нія древностей и т. под. Библіографія предмета, о недостаткахъ которой уже сказано, имѣетъ неоспоримое достоинство обширности и, можно думать, полноты: она дастъ возможность болѣе совершенной обработки темы не только будущими изслѣдователями, но и нынѣшними же авторами книги, если только она получитъ желаемый успѣхъ и потребуется второе изданіе. Для такой обработки у поименованныхъ лицъ имѣются всѣ ученолитературныя данныя, и недостатки выполненія, повидимому, главнымъ образомъ зависѣли только отъ нѣкоторой поспѣшности. **Ив. Новицкій.**

С. А. Бершадскій. Шауль-Юдичъ Валь изъ Бреста-Литовскаго, преемникъ Стефана Баторія. Историческая легенда. Спб. 1889 г.

Рядомъ работъ по исторіи евреевъ въ Литвѣ и на Руси проф. С. А. Бершадскій заявилъ себя глубокимъ знатокомъ еврейскаго вопроса, который онъ разрабатываетъ на основаніи сыраго архивнаго матеріала, проливающаго много свѣта въ непроходимыя до сихъ поръ дебри мѣстной еврейской исторіи; къ числу непонятныхъ и необъяснимыхъ фактовъ ея принадлежитъ и распространенная среди евреевъ легенда о томъ, что одно время еврей достигъ престола; фактъ этотъ совершился будто бы въ концѣ XVI вѣка. Такъ какъ разборъ этой любопытной легенды сдѣланъ почтеннымъ авторомъ при помощи новыхъ архивныхъ находокъ его о героѣ этой легенды, и такъ какъ авторъ настолько основательно рѣшаетъ вопросъ, что едва-ли когда нибудь потребуется новый его пересмотръ, то мы намѣрены подробнѣе остановиться на содержаніи этого изслѣдованія ради ознакомленія съ нимъ нашихъ читателей.

Прежде всего авторъ отмѣчаетъ то странное явленіе, что, несмотря на собраніе и научную разработку миѳовъ, преданій, сказокъ, легендъ и проч., у всѣхъ европейскихъ народовъ и даже дикихъ племенъ другихъ частей свѣта, до сихъ поръ не сдѣлано собранія миѳовъ, легендъ и проч. въ средѣ еврейскаго народа, а между тѣмъ такое собраніе могло бы дать неисчерпаемый матеріалъ «для освѣщенія многихъ темныхъ сторонъ прошлаго въ жизни тѣхъ народовъ, среди которыхъ пребывали евреи среди своего многовѣковаго скитальчества по европейскому материку». Проф. Бершадскій взялъ на себя трудъ изслѣдовать давно живущую среди польскихъ и литовскихъ евреевъ легенду о евреѣ, избранномъ въ польскіе короли; но прежде чѣмъ приступить къ ея разгадкѣ, авторъ знакомитъ насъ со взгля-

дами на легенду предшествовавшихъ ему историковъ; такъ Іоахимъ Лелевель, первый обратившій вниманіе на еврея-короля, отнесся съ недовѣріемъ къ этому преданію, не подтверждавшемуся никакими точными данными. Другой историкъ, Штернбергъ, не находя ничего невѣроятнаго въ преданіи, внесъ его въ свою компиляцію по исторіи евреевъ въ Польшѣ. Краусгаръ, разобравъ неосновательность легенды, какъ сообщена она Штернбергомъ, не рѣшился однако же сомнѣваться въ существованіи Шауля Валя и лишь избраніе его въ короли объяснялъ шуткой поляковъ. Не сомнѣвался въ избраніи Шауля въ короли только Гольдбаумъ. В. А. Мацѣйовскій отрицаетъ и лицо, и фактъ, думая, что сказка о евреѣ-королѣ «сочинена на основаніи старинныхъ преданій о короляхъ, избираемыхъ изъ среды народа». Такимъ образомъ, говоритъ С. А. Бершадскій, «никому изъ лицъ, писавшихъ о Шаулѣ Валѣ, не приходило на мысль справиться съ актовыми книгами брестскихъ судовъ и метрикою литовскою за конецъ XVI и начало XVII в.;» этотъ трудъ и предпринялъ авторъ. Приступая къ возсозданію подлинной исторіи Шауля Валя, авторъ сообщаетъ варіанты легендъ, начинавшіе записываться еще въ началѣ XVIII в., и слагавшіеся, конечно, гораздо раньше; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ собираетъ свѣдѣнія о королѣ-евреѣ изъ старопечатныхъ еврейскихъ книгъ, которыя убѣждаютъ, что если Шауль Юдичъ не былъ королемъ ни одной ночи, то несомнѣнно существовалъ и дѣйствовалъ, и дѣятельность его въ интересахъ своего народа увѣковѣчила память о немъ въ потомствѣ. Вотъ эта легенда въ своей древнѣйшей (1714 г.) формѣ, наименѣе разукрашенной фантазіею: «Когда умеръ Стефанъ Баторій, то польскіе паны собрались въ назначенный для того день, для избранія новаго короля. При выборахъ же короля практиковался обычай, въ силу котораго король долженъ былъ быть избраннымъ непремѣнно въ назначенный для того день. Когда же послѣ первыхъ предложеній выяснилось, что достигнуть соглашенія трудно, а день сталъ склоняться безъ всякихъ результатовъ къ вечеру, то паны пришли къ мысли выбрать въ короли на одну ночь, до слѣдующаго утра, Шауля Валя, для того, чтобы былъ исполненъ законъ» [1]). Въ другихъ легендахъ разсказывалось, что избраніе состоялось по предложенію Радзивила, факторомъ котораго былъ

---

[1]) Другіе варіанты легенды говорятъ, что получивъ въ свои руки государственныя книги и печати, онъ внесъ нѣсколько грамотъ, предоставляющихъ льготы евреямъ.

Шауль. Розысканія профес. Бершадскаго въ актахъ литовской метрики и брестскаго суда привели къ слѣдующимъ результатамъ. Первое оффиціальное извѣстіе о Шаулѣ Юдичѣ встрѣчается въ грамотѣ короля Стефана Баторія, данной имъ 17 мая 1578 года этому еврею на солевареніе, которое тогда вводилось имъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Въ 1582 году Шауль Юдичъ является представителемъ брестской еврейской общины, уполномочившей его вести ея тяжбу съ мѣщанами г. Бреста о правѣ участія евреевъ въ $1/4$ части всѣхъ городскихъ доходовъ; хотя дѣло это было рѣшено въ пользу мѣщанъ, но евреи получили важное преимущество—право заниматься въ городахъ ремеслами, безъ принадлежности къ тому или другому цеху. Грамота Сигизмунда III отъ 11 февраля 1588 года указываетъ на давнее, въ царствованіе его предшественниковъ, завѣдываніе Юдича таможенными откупами и признаетъ умѣнье и опытность его въ дѣлахъ, а равно и пользу, которую онъ оказывалъ неоднократно государственному казначейству; всѣ тѣ заслуги были, конечно, основаніемъ для пожалованія Шаулю Юдичу въ слѣдующемъ 1589 г. званія королевскаго слуги; въ 1592 г. онъ не только арендуетъ доходы брестскаго замка, но держитъ на откупѣ и сборъ пошлинъ на брестской таможнѣ, а въ 1593 г. получаетъ право на открытіе воскобойни въ собственномъ домѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, по ходатайству Шауля Юдича, брестскіе евреи освобождаются отъ судебныхъ пошлинъ и за право торговли со столовъ, которыя шли въ пользу старосты; освобожденіе отъ судебныхъ пошлинъ положило начало обособленію еврейскаго національнаго суда; въ послѣдній разъ въ 1596 г. Шауль Юдичъ ходатайствуетъ о подтвержденіи грамоты Витовта, которою мѣщане и евреи г. Бреста освобождались отъ уплаты «стараго мыта» на брестской таможнѣ. Позже имя Шауля Валя не встрѣчается и потому смерть его авторъ относитъ къ 20-мъ годамъ XVII в., когда ему было по преданію около 60 лѣтъ. Указанныя дѣйствительныя заслуги Шауля Валя передъ еврействомъ, вмѣстѣ съ послѣдствіями переворота, произведеннаго въ общественной жизни люблинской уніей, послѣдствіями, которыми съ выгодой для себя воспользовались евреи, послужили причиной того, что личность Шауля ставилась высоко евреями; ему стали приписываться всѣ тѣ реформы, которыя облагодѣтельствовали евреевъ; отсюда, по мнѣнію автора, и создалась легенда о царствованіи Шауля Юдича [1]).

---

[1]) На личность Шауля Валя авторъ смотритъ по этому, какъ на „опорный пунктъ", вокругъ котораго группируются опредѣленія литовскаго права о евреяхъ.

Въ заключеніе авторъ резюмируетъ свои прежніе выводы о положеніи евреевъ до и послѣ люблинской Уніи (1569 г.); онъ, на основаніи добытыхъ имъ раньше и теперь данныхъ, повторяетъ то, что «до второй половины XVI в. евреи занимаются откупами таможенныхъ государственныхъ пошлинъ, частью торговлей, ремеслами, отдачею денегъ на проценты и, наконецъ, обработкою земли. Если и встрѣчаются евреи, распоряжающіеся чужой землей, то не иначе, какъ самыми ничтожными клочками и притомъ въ видѣ процентовъ за деньги ссуженныя подъ залогъ земли. Съ люблинской уніи картина совершенно измѣняется: въ концѣ XVI в. не только на богатой Украинѣ, но и въ бѣдной Литвѣ появляются крупные арендаторы — евреи, располагающіе сотнями тысячъ рублей на наши деньги и снимающіе въ аренду огромныя имѣнія на долгіе сроки». Развитіе еврейскихъ арендъ, столь пагубныхъ для христіанскаго населенія страны, авторъ объясняетъ тѣмъ же политическимъ переворотомъ, который вызвалъ и измѣненія въ экономическомъ бытѣ—люблинской уніей и въ частности переходомъ огромной массы литовскихъ помѣщиковъ въ разрядъ вотчинниковъ со всѣми тѣми правами на землю и живущихъ на ней, которыя принадлежали вел. князю; открывшаяся при этомъ возможность взысканія съ населенія всякаго рода налоговъ неудержимо влечетъ евреевъ къ арендѣ имѣній, въ которыхъ крестьяне, благодаря прежнему порядку вещей, отличаются большей или меньшей зажиточностью и представляютъ собой для арендатора—еврея лакомый кусокъ.

Но было бы ошибочно думать, что до люблинской уніи евреи не были обременительны для населенія; напротивъ, вредъ еврейскихъ откуповъ и торговли, захватъ послѣдней въ свои руки въ городахъ, злоупотребленія въ ростовщичествѣ живо чувствовались и въ предъидущіе вѣка, доказательство чего мы видимъ въ законодательствѣ, ограничивающемъ дѣятельность евреевъ то въ одномъ, то въ другомъ направленіи; идеализируя бытъ литовскихъ евреевъ до люблинской уніи, авторъ обходитъ молчаніемъ всѣ сеймовыя постановленія и статьи отдѣльныхъ статутовъ, направленныя противъ евреевъ, хотя, правда, выдвигаетъ крупный и весьма характерный для быта евреевъ фактъ изгнанія ихъ изъ Литвы въ 1496 г. за злоупотребленія по откупамъ таможенныхъ пошлинъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя не согласиться съ авторомъ, что люблинская унія дала широчайшій просторъ для евреевъ эксплоатировать крестьянское населеніе всѣми возможными средствами; нельзя не согласиться съ доказательствами автора, что

только экономическое положеніе населенія служило прежде, какъ можетъ послужить и въ будущемъ, тормазомъ для развитія производимаго еврейскими профессіями вреда; этотъ фактъ чрезвычайно важенъ и прочное обоснованіе его авторомъ составляетъ весьма крупную заслугу какъ для науки, такъ и для жизни. Но такъ какъ благопріятное экономическое положеніе кореннаго населенія страны было недостаточно и не могло парализовать вредной дѣятельности евреевъ въ многоразличныхъ финансовыхъ операціяхъ, то сама собою является необходимость и въ историческомъ изученіи финансоваго положенія польско-литовскаго государства, чтобы прослѣдить идущую съ нимъ рука объ руку и развивающуюся, вмѣстѣ съ развитіемъ значенія денегъ, дѣятельность евреевъ въ этой сферѣ; мы не сомнѣваемся, что политико-экономическія и финансовыя изслѣдованія въ прошлой жизни Польши и Литвы въ связи съ исторіей евреевъ дадутъ такіе же плодотворные результаты, какъ и изслѣдованные проф. С. А. Бершадскимъ факты юридическаго и общественнаго положенія евреевъ до люблинской уніи, касаясь которыхъ онъ лишь затрогиваетъ факты экономической жизни, требующіе самостоятельной разработки. **И. Каманинъ.**

Игры крестьянскихъ дѣтей въ купянскомъ уѣздѣ. Собралъ П. Ивановъ. Съ предисловіемъ проф. Н. Ѳ. Сумцова. (3-й вып. II-го т. «Сборника Харьк. историко-филологич. Общества»). Харьковъ. 1890 г.

Полстолѣтія уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ этнографы обратили вниманіе, при изученіи народнаго быта, и на игры дѣтей, видя въ нихъ то отголоски языческой старины и слѣды миѳа, то указанія на врѣзавшіяся въ народную память тяжелыя историческія событія, то остатки быта болѣе или менѣе далекаго прошлаго; при отсутствіи же въ деревнѣ какихъ-либо воспитательныхъ средствъ, игры служатъ и матеріаломъ для развитія дѣтскаго міросозерцанія; такимъ образомъ, игры имѣютъ значеніе миѳологическое, историческое, этнографическое и педагогическое. Несмотря на то, что игры вотъ уже почти 50 лѣтъ то здѣсь, то тамъ записываются, и записи эти издаются въ свѣтъ со всякими то остроумными, то безосновательными догадками издателей, до сихъ поръ еще проф. Сумцовъ насчитываетъ едва 25 сборниковъ ихъ въ своемъ «предисловіи» къ разсматриваемой книгѣ; такое незначительное количество сборниковъ описанныхъ игръ и притомъ сборниковъ, не бывшихъ главною цѣлью издателей и появлявшихся случайно, какъ часть, и то лишь какъ небольшая часть

этнографическихъ сборниковъ, вообще до сихъ поръ не даетъ возможности сдѣлать какое-либо изслѣдованіе по вопросу объ играхъ; поэтому, чѣмъ чаще будутъ появляться такого рода этнографическіе матеріалы, тѣмъ скорѣе наука получитъ возможность разработать ихъ и сдѣлать возможные выводы; въ виду сказаннаго, нельзя не привѣтствовать появленіе сборника «Игръ» г. П. Иванова и не пожелать, что бы грамотные люди обратили на нихъ вниманіе и собирали бы ихъ, какъ собираютъ пѣсни; этимъ только путемъ могутъ быть сохранены исчезающія игры, которыя, само собою разумѣется, подчиняются общему закону жизни.

Въ разсматриваемомъ нами сборникѣ г. П. Ивановъ описываетъ 95 игръ, распредѣляя ихъ на 11 группъ: а) игры съ палками (16 игръ), б) игры съ мячемъ (10), в) игры съ дощечками, палочками, камешками, косточками (8), г) игры съ ножичкомъ (4), д) игры съ жгутомъ (3), е) игры въ кражу (5), ж) игры въ куплю-продажу (4), з) игры въ латки, прятки, жмурки и вообще съ ловлею (22), и) игры въ адъ и рай (4), і) игры съ гонкою (6), к) игры съ переговорами, припѣвками и пѣснями (13) [1]. По числу описанныхъ игръ настоящій сборникъ занимаетъ второе мѣсто послѣ сборника Терещенка и превосходитъ сборники Сахарова и Чубинскаго. И это количество игръ описано въ 26 селахъ купянскаго уѣзда. Сколько же ихъ можно описать въ цѣлой губерніи, въ цѣломъ краѣ, во всей Россіи? Притомъ всѣ эти игры записаны въ селахъ. Что же даютъ центры мѣстной цивилизаціи—города? [2]). Какія игры созданы дѣтьми интеллигентнаго общества? Кто у кого дѣлаетъ заимствованія, перенимаетъ? Невольно рождаются эти вопросы при сравненіи города съ деревней, когда обратишь вниманіе на городскихъ, связанныхъ приличіями и уединенныхъ другъ отъ друга дѣтей, и на свободныхъ живущихъ общей жизнью и интересами дѣтей деревни. Мы воздерживаемся отъ рѣшенія этихъ вопросовъ, чтобы не впасть въ ошибку, но тѣмъ съ большимъ интересомъ мы ожидаемъ изслѣдованія объ играхъ, въ которомъ авось авторъ не забудетъ и про городъ, а пока еще разъ пожелаемъ, чтобы сборниковъ подобныхъ настоящему, являлось по больше.

И. Каманинъ.

---

[1]) Изъ 95 игръ 65 распространены по всему уѣзду и лишь 30 игръ принадлежатъ тому или другому селу; быть можетъ это игры нарождающіяся и еще не распространившіяся. Все это предстоитъ разрѣшить будущему изслѣдователю ихъ.

[2]) Хотя издатель и вводитъ въ число селъ и г. Купянскъ, но мы не считаемъ его такимъ центромъ, въ которомъ условія жизни для большинства населенія рѣзко разнились бы отъ условій сельской жизни.

Историческій очеркъ пятидесятилѣтія Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. 1839—1889. Составилъ вице-президентъ Общества В. Юргевичъ. Къ юбилею Общества 14 Ноября 1889 г. Одесса 1889.

Въ настоящее время интересъ къ научнымъ открытіямъ все болѣе и болѣе распространяется въ массѣ русскаго общества; насчитываются сотни людей, посвящающихъ свои досуги ех amore научнымъ занятіямъ, иногда даже затрачивающихъ большія средства на пользу развитія русской науки. Несомнѣнно, это отрадное явленіе есть результатъ дѣятельности какъ выдающихся личностей въ области науки, такъ и русскихъ ученыхъ обществъ, умѣвшихъ привлекать къ себѣ интеллигентныя силы, группировать ихъ около себя и давать направленіе ихъ занятіямъ. Среди ученыхъ историческихъ обществъ, существующихъ въ Россіи, однимъ изъ старѣйшихъ является Императорское одесское общество исторіи и древностей. Въ прошломъ 1889 году 14 ноября оно праздновало свой пятидесятилѣтній юбилей, ко дню котораго и была составлена вице-президентомъ общества В. Юргевичемъ брошюра, рекомендуемая вниманію нашихъ читателей. Весь «Историческій очеркъ» г. Юргевича распадается на двѣ главы. Въ первой мы находимъ свѣдѣнія «объ археологическихъ разысканіяхъ и открытіяхъ въ южной Россіи, предшествовавшихъ учрежденію одесскаго общества исторіи и древностей». Указавъ, насколько полезно было для науки измѣненіе политическихъ условій на югѣ Россіи, явившееся съ присоединеніемъ Крыма къ русскому государству, авторъ перечисляетъ всѣхъ путешественниковъ конца XVIII и начала XIX столѣтій, способствовавшихъ своими сочиненіями изученію исторіи и древностей края. Затѣмъ г. Юргевичъ представляетъ систематическій обзоръ всѣхъ археологическихъ изысканій и находокъ, начиная съ раскопокъ Мельгунова въ 1763 году и кончая послѣдними раскопками въ 30 годахъ нынѣшняго столѣтія. Нужно сказать при этомъ, что г. Юргевичъ дѣлаетъ довольно подробныя описанія раскопокъ и найденныхъ вещей, причемъ указываетъ всѣ ученыя и періодическія изданія, въ которыхъ помѣщались отчеты, или описанія, или новыя изслѣдованія на основаніи добытыхъ данныхъ, точно такъ же, какъ раньше авторъ, говоря о путешественникахъ по югу Россіи, отмѣчаетъ, гдѣ и когда были напечатаны ихъ записки. Словомъ, читатель найдетъ въ брошюрѣ довольно обильныя библіографическія указанія по исторіи и древностямъ юга Россіи. Затѣмъ

идетъ перечисленіе всѣхъ коллекцій монетъ, отысканныхъ въ Новороссіи и Крыму. Обиліе открываемаго археологическаго матеріала побуждало многихъ къ ученой дѣятельности. Между людьми, посвятившими себя изученію исторіи и древностей юга Россіи, были Кёлеръ, Бларамбергъ, Стемпковскій и Кеппенъ. Въ «Очеркѣ» г. Юргевича мы найдемъ краткія, но обстоятельныя свѣдѣнія объ ученой дѣятельности каждаго изъ нихъ, съ указаніемъ на ихъ труды; внизу, подъ строкой, помѣщены краткія ихъ біографіи съ обозначеніемъ, гдѣ напечатаны подробныя свѣдѣнія о ихъ жизни. Затѣмъ авторъ переходитъ къ обзору распоряженій правительства, направленныхъ къ поддержанію и сохраненію памятниковъ древности. Глава II содержитъ въ себѣ историческій очеркъ дѣятельности самаго общества. Еще Стемпковскій высказывалъ мысль о необходимости учрежденія ученаго археологическаго общества на югѣ Россіи. Затѣмъ эта мысль встрѣтила полное сочувствіе со стороны начальника края кн. Воронцова. Основателями и первыми дѣятелями общества должны быть признаны Стурдза, Княжевичъ, Фабръ, Киріаковъ и Мурзакевичъ. Общество было открыто въ 1839 году 23 апрѣля, а 14 ноября оно было Высочайше утверждено. Г. Юргевичъ приводитъ уставъ общества и дѣлаетъ извлеченія изъ первыхъ его постановленій, направленныхъ къ осуществленію цѣлей, намѣченныхъ въ его уставѣ. Во все время своего существованія общество неуклонно заботилось объ открытіи и приведеніи въ извѣстность памятниковъ старины, объ ихъ сохраненіи и поддержаніи. Ограниченныя средства общества не дозволяли ему производить раскопокъ, но тѣмъ не менѣе оно содѣйствовало своими средствами мѣстнымъ дѣятелямъ въ этомъ направленіи. Только въ послѣднее время, при пособіи правительства, общество имѣло возможность заняться болѣе обширными раскопками. Особенно подробно г. Юргевичъ останавливается на ходѣ раскопокъ Херсонеса Таврическаго, нашего Корсуня, продолжавшихся съ 1875 по 1889 годъ. Не менѣе важна и другая заслуга общества—собираніе мѣстныхъ древностей въ своемъ музеѣ. За свое пятидесятилѣтнее существованіе общество издало пятнадцать томовъ своихъ трудовъ подъ именемъ «Записокъ». Первый томъ вышелъ въ 1844 году. Въ концѣ брошюры г. Юргевича приложены: 1) «Составъ Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей къ 14 ноября 1889 года» и 2) Указатель, статьямъ, помѣщеннымъ въ запискахъ Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей съ 1844 по 1889 годъ. За послѣднее приложеніе нельзя не принести автору особенной благодарности. **П. Г.**

Е. Сѣцинскій. Бакота, древняя столица Понизья. (Каменецъ-Подольскъ, 1889). Стр. 34.

Древнѣйшія православныя церкви въ Подоліи. Церковь-замокъ въ с. Сутковцахъ летичевскаго уѣзда (Каменецъ-Подольскъ, 1889). Стр. 18.

Незначительное нынѣ село Бакота на лѣвомъ берегу Днѣстра въ эпоху татарскаго лихолѣтья выступаетъ въ древнѣйшей лѣтописи какъ центральный пунктъ Понизья, особой области галицкаго княжества. Сколько можно судить изъ сопоставленія скудныхъ лѣтописныхъ замѣтокъ, ко времени нашествія Батыя связь Понизья съ Галичемъ была непрочна: далекая область на пограничьи съ кочевниками являлась удобной ареной для попытокъ захвата со стороны внѣшнихъ враговъ, тюркскихъ кочевниковъ, и враговъ внутреннихъ, бояръ. Послѣ одолѣнія послѣднихъ Даніиломъ Галицкимъ, Бакота, какъ сообщаетъ лѣтопись подъ 1255 г., дважды передавалась татарамъ, господство которыхъ продолжалось на Подоліи вплоть до литовскаго занятія земли при подольскихъ князьяхъ Корьятовичахъ въ союзѣ съ мѣстными атаманами.

Если внѣшнія судьбы Понизья въ 13 и 14 в. возстановлены нынѣ сколько нибудь въ связномъ видѣ, то археологическое изученіе края, имѣющее такую цѣну при историческихъ изслѣдованіяхъ, находится въ положеніи далеко неудовлетворительнымъ. Даже многочисленныя «монастырища» по Днѣстру ожидаютъ донынѣ детальнаго изученія. Уже покойный Аѳанасьевъ-Чужбинскій обратилъ было на нихъ вниманіе въ своихъ «Очеркахъ Днѣстра». Предпринятыя въ этомъ направленіи работы гг. Антоновича и Мельникъ (Труды VI археол. съѣзда въ Одессѣ, также «Кіев. Стар.» 1884—5 г.г.) пролили новый свѣтъ на эти драгоцѣнные забытки сѣдой старины. Брошюра г. Сѣцинскаго дополняетъ въ нѣкоторой степени наблюденія указанныхъ двухъ археологовъ. Раскопки блистательно подтвердили правдивость древнѣйшей литовской лѣтописи, которая при разсказѣ о занятіи Подоліи Корьятовичами, отмѣчаетъ, что князья, послѣ отстройки Смотрича, возобновили Бакоту: «у другомъ мѣстѣ были черници у горѣ и въ томъ мѣстѣ (князья) нарядили городъ Бакоту», крѣпостныя сооруженія которой, очевидно, были разметаны татарами. Отлогій полуостровъ у Бакоты и донынѣ носитъ въ народѣ названіе «Монастырища». Произведенныя въ прошломъ году мѣстными крестьянами раскопки въ отвѣсной горѣ противъ Монастырища дали въ результатѣ несомнѣнныя указанія на существовавшій здѣсь нѣкогда

православный монастырь: мѣстные археологи обнаружили ясные слѣды келій и усыпальницы, человѣческія кости, обломки желѣза, нѣсколько славянскихъ надписей, икону св. Троицы съ надписью и т. п. Если принять во вниманіе, что на вершинѣ скалы, вмѣщающей остатки древняго монастыря, обнаружены присяжными археологами слѣды дохристіанскаго погребальнаго обряда, то оказывается, что начало Бакоты должно быть отнесено еще къ эпохѣ древнѣйшихъ разселеній по Днѣстру тиверцевъ и уличей, лишь вскользь промелькнувшихъ въ лѣтописи.

Крестьяне-археологи въ своихъ поискахъ руководились конечно цѣлями посторонними наукѣ, отысканные на древнѣйшемъ славянскомъ займищѣ предметы разошлись по рукамъ и вѣроятно утрачены для науки навсегда. Владѣлецъ Бакоты, г. Шиманскій (замѣтимъ, издавшій отчетъ о произведенныхъ раскопкахъ въ газетѣ «Kraj»), вначалѣ поощрявшій работы крестьянъ, своевременно просилъ Имп. археологическую коммиссію прислать компетентнаго изслѣдователя для руководства изысканіями, но недостатокъ средствъ не позволилъ исполнить просьбу г. Шиманскаго. Правда, дальнѣйшія работы были прекращены по распоряженію властей, и древнѣйшее русское займище съ его драгоцѣнными остатками нѣкогда кипучей жизни ожидаетъ своего Шлимана.

Лично г. Сѣцинскій раскопокъ въ Бакотѣ не производилъ и въ своей брошюрѣ даетъ лишь описаніе монастырища въ томъ видѣ, какъ оно находилось въ сентябрѣ 1889 года, послѣ прекращенія работъ крестьянъ. Кромѣ описанія раскопокъ, г. Сѣцинскій даетъ связный очеркъ судебъ Понизья и Бакоты на основаніи новѣйшихъ историческихъ работъ и сообщаетъ нѣсколько интересныхъ данныхъ о нынѣшней православной церкви въ Бакотѣ, находившейся въ самомъ жалкомъ состояніи на протяженіи почти двухъ столѣтій.

Вторая брошюра г. Сѣцинскаго даетъ подробное описаніе старинной православной церкви въ с. Сутковцахъ летичевскаго уѣзда, начало которой должно отнести никакъ не позже половины XVI в. Уже въ поборовомъ спискѣ 1565 г. отмѣченъ одинъ «попъ» въ Сутковцахъ (Яблоновскій, Zródła dziejowe, т. XIX, ч. 1, стр. 189), чѣмъ устраняется всякій споръ о возникновеніи церкви въ концѣ XVI или даже въ XVII в. Церковь замѣчательна своей архитектурой: это церковь-замокъ, каменныя стѣны котораго въ нижнихъ частяхъ достигаютъ болѣе сажени толщины, съ двухъярусной колокольней, тремя башнями съ широкими зубчатыми карнизами и конусообразными крышами,

множествомъ амбразуръ. Надо думать, что святое мѣсто служило для окрестныхъ жителей защитою при нападеніяхъ татаръ.—Кромѣ внѣшняго описанія храма, г. Сѣцинскій даетъ также подробныя свѣдѣнія о владѣльцахъ Сутковецъ по печатнымъ даннымъ и нѣкоторыя выдержки изъ книги визитъ половины XVIII в., хранящейся въ архивѣ комитета для историко-статистическаго описанія подольской епархіи. Въ архивѣ этомъ, какъ извѣстно, находятся матеріалы драгоцѣнные для бытовой исторіи края, но издаются они довольно поверхностно и вяло, о чемъ будемъ имѣть случай сказать въ другомъ мѣстѣ.

Н. М.

Обозрѣніе журналовъ.

1) „Вѣстникъ Европы" № 4—5; 2) „Журн. Мин. Нар. Просв." № 4—5; 3) „Историческій Вѣстникъ" № 4; 4) „Русскій Архивъ" № 4—5; 5) „Русскій Вѣстникъ" № 3—5; 6) „Русская Мысль" № 4—5; 7) „Русская Старина" № 4—5; 8) „Русскій Филологическій Вѣстникъ" № 1; 9) „Сѣверный Вѣстникъ" № 4—5; 10) „Филологическія Записки" Вып. I.

Вѣстникъ Европы 1890 г. № 4—5. *Кейстутъ и Бирута, литовская быль изъ XIV-го вѣка. М. Липкина.* (№ 4, стр. 739—784). Это—нѣчто въ родѣ поэмы въ стихахъ на тему изъ литовскихъ преданій. Поэма состоитъ изъ 5 пѣсенъ и снабжена значительнымъ числомъ подстрочныхъ примѣчаній.

Въ *Литературномъ обозрѣніи* помѣщена рецензія о книгѣ „Бѣлоруссія и Литва". Историческія судьбы сѣверо-западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ *П. Н. Батюшковымъ* (№ 5, стр. 392—395).

Журналъ Мин. Нар. Просв. № 4—5. *И. Н. Ждановъ. Пѣсни о князѣ Романѣ* (№ 4, стр. 267—305; № 5, стр. 1—55). Вводная глава этой работы касается стараго вопроса о сѣверномъ или южномъ происхожденіи русскаго былеваго эпоса; все же изслѣдованіе посвящено подробному обозрѣнію тѣхъ эпическихъ данныхъ, которыя связываются съ именемъ князя Романа Галицкаго въ памятникахъ письменности, въ произведеніяхъ южно-русской поэзіи и въ великорусскихъ былинахъ.

Мелкія замѣтки къ былинамъ. А. Веселовскаго. Уже не разъ приходилось отмѣчать эти статьи почтеннаго ученаго, въ которыхъ постоянно наталкиваешься на мелкіе факты, касающіеся или нашей южной письменности, или народной южно-русской поэзіи. Въ настоящемъ случаѣ мы встрѣчаемся съ та-

кими фактами въ очеркѣ «Большой стихъ о Егоріи и сказка объ Ильѣ и Зиѣѣ» (№ 5, стр. 61—73).

Изъ воспоминаній профессора В. И. Лапшина. (№ 5, стр. 120—139). Здѣсь находимъ воспоминанія о харьковскомъ университетѣ въ періодъ 1835—65 гг., а также о дѣятельности Лапшина въ основанной имъ Өеодосійской народной школѣ, начиная съ 1871 г.

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи помѣщены рецензіи о книгахъ: 1) *Любовича Н.* Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ. *Стат. С. Пташицкаго* (№ 5, стр. 164—172); 2) Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской Дружинной Руси. Изслѣдованіе *Е. Барсова.* Т. III-й. Лексикологія слова. *Стат. А. Будиловича* (№ 5, стр. 172—187); 3) Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII ст. *П. Владимірова* (№ 5, стр. 217). *Prochaska A.* Materyały archiwalne, wyięte głównie z Metryki Litewskiej od 1348 do 1607 roku. Lwów (№ 5, стр. 218).

Въ отдѣлѣ *«Современная лѣтопись»* помѣщенъ отчетъ о восьмомъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ (9-го—24-го января 1890 г.). *Е. Шмурло* (№ 5, стр. 1—47; окончаніе слѣдуетъ).

Историческій Вѣстникъ № 4-й. *Мордовцевъ Д. «Чьи грѣхи».* Здѣсь встрѣчаемъ разсказы о походѣ Брюховецкаго въ 1665 г., о разореніи Чернецкимъ Суботова и о поруганіи имъ праха Хмельницкаго (№ 4, стран. 5 — 21).

Неслуховскій Ф. П. Изъ моихъ воспоминаній. Характеристика Н. И. Костомарова. Закрытіе кіевскаго университета въ 1839 г. Переѣздъ автора въ Харьковъ и поступленіе въ харьковскій университетъ. Жизнь въ Харьковѣ и знакомство съ Срезневскимъ, Метлинскимъ, Рославскимъ, Костомаровымъ. Характеристика профессоровъ. Краткая біографія студента и помощника инспектора Костомарова № 4, стр. 116—153).

Русскій Архивъ, № 4—5. *Шумигорскій Е. С. Императрица Марія Өеодоровна.* Здѣсь говорится о пріемѣ велик. князя Павла Петровича и велик. княгини Маріи Өеодоровны въ Кіевѣ отъ 11 по 15 окт. 1781 г. по пути ихъ заграницу (№ 5, стр. 34—35).

Русскій Вѣстникъ № 3—5. «Духовная жизнь нѣмецкихъ колоній». А. Велицына (№ 3, стр. 236—260). Авторъ статьи задается цѣлью охарактеризовать особенности религіозной жизни нѣмцевъ—колонистовъ и ея вліянія на югъ Россіи. Высказавъ общее положеніе, что принципіальныя отличія міра православнаго и протестантскаго имѣютъ большое практическое значеніе, такъ какъ вносятъ различные идеалы въ жизнь, и охарактеризовавъ въ общихъ чертахъ эти отличія, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ религіозныхъ

сектъ. Прежде всего онъ останавливается на сектѣ гернгутеровъ, какъ наиболѣе интересной въ бытовомъ отношеніи. Въ статьѣ подробно изложена исторія возникновенія этой секты, ея внѣшняя организація, внутренняя жизнь, условія проникновенія въ Россію и постепенное измѣненіе характера секты въ позднѣйшее время.

Въ статьѣ «О военныхъ поселеніяхъ при графѣ Аракчеевѣ» нѣсколько страницъ (88—95) посвящено исторіи учрежденія военныхъ поселеній на югѣ Россіи въ губерніяхъ харьковской, херсонской и подольской, при чемъ указаны тѣ затрудненія, которыя были встрѣчены при этомъ учрежденіи Аракчеевымъ (волненіе въ харьковскомъ поселеніи).

Въ отдѣлѣ «*Внутреннее обозрѣніе*» (№ 3, стр. 331—337) помѣщена замѣтка объ областномъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ Кіевѣ и его задачахъ.

«Еврейскія колоніи» *К. Случевскаго* (№ 4, стр. 201—228). Эта статья касается исключительно колоній екатеринославской губерніи. Начавши съ характеристики внѣшняго вида колоній, авторъ переходитъ къ числовымъ даннымъ относительно количества народа, земли, скота и машинъ въ каждой отдѣльной колоніи, потомъ излагаетъ краткую исторію образованія еврейскихъ колоній, останавливается на нѣкоторыхъ особенностяхъ еврейскаго хозяйства сравнительно съ сосѣдними не-еврейскими и, наконецъ, во 2-й половинѣ статьи, переходитъ къ изложенію историческихъ судебъ евреевъ въ Россіи. Статья заканчивается разсмотрѣніемъ вопроса о чертѣ осѣдлости евреевъ.

«Духовная жизнь нашихъ нѣмецкихъ колоній» *А. Велицына* (№ 5, стр. 212—234). Эта статья, составляющая продолженіе напечатанной въ мартовской книгѣ Русскаго Вѣстника подъ тѣмъ же заглавіемъ, начинается возраженіями по адресу нѣмецкой газеты, издающейся въ Россіи «St-Petersburger Zeutung». Послѣ этого уклоненія въ сторону, авторъ продолжаетъ прерванное разсмотрѣніе религіозныхъ сектъ. Статья этого номера посвящена характеристикѣ секты менонитовъ, очень распространенной на югѣ Россіи, и ея главныхъ принциповъ, а въ слѣдующемъ номерѣ авторъ обѣщаетъ сообщить свѣдѣнія о сектѣ, особенно интересной для южно-русскихъ губерній—штундизмѣ.

Въ отдѣлѣ «Новости литературы» (№ 5, стр. 277—280) помѣщенъ критическій разборъ сочиненія И. П. Филевича «Борьба Польши и Литвы—Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе» —К. Бестужева-Рюмина.

Русская Мысль 1890 г., № 4—5. *Гл. Успенскаго. Крестьянскія женщины.* Приведена выдержка изъ статьи г. Ревы, напечатанной въ «Юрид. Вѣст.» въ прошломъ году, касающейся разстройства въ земскихъ порядкахъ и выясняющей вопросъ о поземельныхъ отношеніяхъ крестьянъ кіевской губерніи (№ 4, стр. 146—148).

Милюкова. VIII археологическій съѣздъ въ Москвѣ. (№ 4). Подробное изложеніе доклада пр. В. Б. Антоновича о классификаціи кургановъ въ кіевской губер. (стр. 173—175); доклада пр. Завитневича: къ вопросу о критеріи для классификаціи кургановъ по типамъ съ сведеніемъ кургановъ средняго Днѣпра къ 4 типамъ (стр. 175—176); краткое изложеніе реферата г. Скадовскаго (распредѣленіе археологическихъ находокъ у днѣпровскаго лимана) и пр. Д. И. Багалѣя (общій очеркъ древностей харьковской губерніи) (стр. 176); дополненія, сдѣланныя г. Смирновымъ къ реферату В. Б. Антоновича—о необходимости связи археологическаго изученія съ данными современной этнографіи (стр. 176); сообщеніе А. А. Ивановскаго—о современныхъ обрядахъ у торгаутовъ, дающихъ полное разъясненіе каменнымъ бабамъ (стр. 177); рефератъ И. М. Ядринцева—о слѣдахъ азіатской культуры въ южнорусскихъ и скиѳскихъ древностяхъ и возраженія В. Б. Антоновича и Д. И. Багалѣя (стр. 180); сообщеніе В. Ѳ. Миллера о новомъ сарматскомъ божествѣ, найденномъ на Кубани (стр. 180—181); рефератъ А. С. Будиловича—къ вопросу о происхожденіи слова Русь (стр. 181—183), и сообщеніе Д. А. Хвольсона о новыхъ варіантахъ Ибнъ-Хордадбе, относящихся къ Руси (стр. 183—184); сообщеніе пр. А. С. Павлова—о церковномъ уставѣ Владиміра (стр. 192—193).

Въ отдѣлѣ библіографіи отзывы о книгахъ:

1) *Сумцова.—Этнографическія замѣтки.* Москва 1889 г. (№ 4, стр. 163—164).

2) *Барсова:—Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ кіевской дружинной Руси.* Т. III. Лексикологія «Слова». А—М. Москва, 1890 г. (№ 4, стр. 164—166).

3) *Kopernickiego.* O góralach ruskich w Galicyi. Zarys etnograficzny. Kraków. 1889 г.—по вопросу о разновидностяхъ галицкихъ горцевъ (№ 4, стр. 167).

4) «Очерки помѣщичьяго хозяйства въ уѣздахъ золотоношскомъ и кременчугскомъ». Полтава. 1889 г. и «Обзоръ сельскаго хозяйства въ полтавской губерніи за 1889 годъ». Вып. первый. Полтава, 1890 г. Изданія полтав. губ. земства (№ 5, стр. 217).

5) Коротенькая замѣтка о книгѣ: «Матеріалы къ оцѣнкѣ земель полтавской губерніи. Естественно-историческая часть. Выпускъ I. Полтавскій уѣздъ. Отчетъ полтавскому губ. земству, составленный С. А. Георгіевскимъ». Спб., 1890 г. (№ 5, стр. 219—220).

6) Разборъ книги: «Фабричный рабочій. Изслѣдованіе здоровья русскаго фабричнаго рабочаго. Санитарное положеніе фабричнаго рабочаго въ Привислянскомъ краѣ и въ Малороссіи. (Изъ наблюденій фабричнаго инспектора) В. В. Святловскаго». Варшава, 1889 г. (№ 5, стр. 221—225).

Русская Старина, № 4 и 5. *Дневникъ А. В. Никитенко.* О кражѣ въ Кіевѣ уѣзднымъ казначеемъ 80 т.; казначей скрылся и оставилъ слѣдующаго содержанія письмо: «12 лѣтъ служилъ я честно и усердно: это извѣстно и начальству, которое всегда было мною довольно. Не смотря на это, меня не награждали, тогда какъ другіе мои сослуживцы получали награды. Теперь я рѣшился самъ себя наградить» (№ 4-й, стр. 30).

Гвоздиковъ Е. Гр. Н. И. Костомаровъ въ воспоминаніяхъ одного изъ его учениковъ. Николай Иван. преподавалъ одинъ годъ (1837 г.) русскую исторію въ харьковскомъ частномъ пансіонѣ А. И. де-Роберти. Авторъ описываетъ внѣшній видъ Н. Ив. и его методъ преподаванія (207—209 стр., № 4).

Музыкантовъ П. Справка о томъ, что К. Д. Ушинскій былъ уроженецъ юга, а не Тулы (№ 4, стр. 230).

Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго. (№ 5, стр. 381—391). Это—продолженіе ряда статей помѣщенныхъ разновременно въ Русской Старинѣ прежнихъ годовъ, начиная съ 1872 г. Данный очеркъ представляетъ воспоминанія о знаменитомъ польскомъ писателѣ, митрополитѣ всѣхъ римско-католическихъ церквей въ россійской имперіи, *Игнатіи Головинскомъ.*

Петровскій полтавскій кадетскій корпусъ въ воспоминаніяхъ одного изъ его воспитанниковъ. *Л. Картавцева.* Это—отдѣльныя замѣтки о случаяхъ въ жизни корпуса въ періодъ 1852—59 гг., написанныя въ видѣ матеріала къ 50-лѣтію учрежденія корпуса (№ 5, стр. 393—409).

Русскій Филолог. Вѣстникъ 1890 г. № 1. *Въ отдѣлѣ «библіографическія замѣтки»* помѣщена корреспонденція о пяти засѣданіяхъ историко-филологическаго общества при харьковскомъ университетѣ, гдѣ между прочимъ сообщается о засѣданіи 8 ноября 1889 г., въ которомъ была сказана г. Багалѣемъ краткая рѣчь о редакторской дѣятельности покойнаго редактора Кіевской Старины А. С. Лашкевича; а также былъ прочитанъ рефератъ А. Я. Ефименко о дворищномъ землевладѣніи въ южной Россіи, вызванный работами И. В. Лучицкаго (стр. 149—150).

Обозрѣніе Губернскихъ и Епархіальныхъ Вѣдомостей.

1) Волынскія Губ. Вѣд. 1—32; 2) Волынскія Епарх. Вѣд. 1- 14; 3) Екатеринославскія Губ. Вѣд. 1—34; 4) Кишиневскія Епарх. Вѣд. 1—7; 5) Кубанскія Обл. Вѣд. 1—17; 6) Минскія Губ. Вѣд. 1—52; 7) Минскія Еп. Вѣд. 1—10; 8) Подольскія Еп. Вѣд. 1—15; 9) Ставропольскія Еп. Вѣд. 1—9; 10) Таврическія Еп. Вѣд. 1—6; 11) Харьковскія Губ. Вѣдом. 1—103; 12) Херсонскія Епарх. Вѣдом. 1—8; 13) Черниговскія Губ. Вѣд, 1—36; 14) Черниговскія Еп. Изв. 1—9. Сверхъ того

просмотрѣны, но не вошли въ обозрѣніе по отсутствію въ нихъ матеріаловъ: Бессарабскія Губ. Вѣд. 1—39; Кіевскія Губ. Вѣд. 1—41; Кіевскія Епарх. Вѣд. 1—14; Подольскія Губ. Вѣд. 1—35; Таврическія Губ. Вѣд. 1—19; Херсонскія Губернскія Вѣдомости 1—28.

Волынскія Губ. Вѣдом. № 1—32. № 2. По вопросамъ о новогодіяхъ (объ Юліан. и Григоріан. календаряхъ).

№ 4, 7. *Братчиковъ.* Къ исторіи крестьян. дѣла. Разборъ волынскихъ пословицъ.

№ 10. Взглядъ на нѣмецкую колонизацію.

№ 13. *Братчиковъ.* Мѣстная хроника безснѣжныхъ зимъ.

Волынскія Епарх. Вѣд. № 1—12. № 1—12. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волын. епархіи. (Продолженіе,—начало въ 1889 году).

№ 1—5. Лаврентій Зизаній Тустановскій и его сочиненіе «Большой Катехизисъ».

№ 9. Эпизодъ изъ временъ возсоединенія уніатовъ въ концѣ прошлаго столѣтія.

Екатеринославскія Губ. Вѣд. № 1—34. № 3. Городъ Александровскъ въ 1837 г. (Начало въ № 101 и 102 1889 г.).

5. *Ю. К.* Къ вопросу объ искусственномъ лѣсонасажденіи въ южнорусскихъ степяхъ.

6—7. *М. Н. Фалькевичъ.* Маріупольское земство (Обзоръ его дѣятельности за минувшее десятилѣтіе).

10—12. *А. Егоровъ.* Араповскій планъ. (Къ исторіи Екатеринославщины).

13, 14, 17, 19. Днѣпровскіе пороги.

14. *Д. И. Эварницкій-Яворницкій.* Къ исторіи края. «Записка повѣсти покойнаго родителя моего Данила Апостола, какимъ образомъ покойный дѣдъ Павелъ Апостолъ зъ Молдавіи въ Полщу, а съ Полщи въ Малую Россію переселился». (Изъ собств. собранія бумагъ Д. И. Эварницкаго).

15. Новомосковскъ въ прошломъ и въ будущемъ.

16. *Ив. Манжура.* Зимняя ловля рыбы «китцями» подъ Екатеринославомъ.

18, 19, 21, 22, 23. Горнозаводская и фабрично-заводская промышленность въ екатеринославской губ.

20. *А. Егоровъ.* Гдѣ искать Жовтыхъ Водъ? (Къ исторіи Екатеринославщины).

22. *А. Егоровъ.* Пропавшая рѣчка. (Къ исторіи Екатеринославщины).

23—25. *И. Шмаковъ.* Побоище на Калкѣ.

27. *П. Боравковскій*, инсп. нар. учил. Краткія свѣдѣнія о состояніи еврейскихъ училищъ въ г. Екатеринославѣ въ 1889 г.

29. *И. Шмаковъ*. Рогатинская поповна.

32. *Д. И. Эварницкій*. О найденныхъ запорожскихъ лодкахъ.

33. *Д. И. Эварницкій*. «Араповскій планъ» г-на Егорова.

34. *А. Егоровъ*. Отвѣтъ на замѣтку г. Эварницкаго.

Екатеринославскія Епарх. Вѣдом. № 1—9. 3, 6—8. *Ив. Дементьевъ*. Изъ дневника екатеринославскаго епархіальнаго миссіонера.

№ 8, 9. *К. Корольковъ*. Одинъ изъ видныхъ представителей сектантства (шалопутства) екатеринославской епархіи, отставной солдатъ Григорій Шевченко.

Кишиневскія Епарх. Вѣдом. № 1—7. № 1. Дѣло образованія въ кишиневскомъ уѣздѣ.

№ 4—7. О монастырскихъ имѣніяхъ въ Бессарабіи, принадлежащихъ заграничнымъ восточнымъ монастырямъ.

Кубанскія Обл. Вѣдом., № 1—17. № 1, 2, 4, 5, 7, 8, 9. Дѣйствія русскихъ крейсеровъ у кавказскихъ береговъ Чернаго моря 1830—1840 годахъ. Матеріалы для исторіи кубанской области, собранные Е. Фелицынымъ.

№ 3. Лѣченіе водобоязни народными средствами.

№ 12. *Е. Фелицынъ*. Геройская защита Михайловскаго укрѣпленія и безпримѣрный подвигъ рядового Архипа Осипова 22 марта 1840 года.

№ 10, 12. О контрабандѣ и ея прекращеніи на черноморской береговой линіи въ 1838—1842 годахъ. (Матеріалы для исторіи кубанской области, собранные Е. Фелицынымъ).

Минскія Губ. Вѣдом. № 1—52. №№ 7, 8. Перепечатка изъ «Одес. Листка» народнаго повѣрья: «Для чего Богъ посылаетъ громъ»?

№ 15. Князь Волхвъ (очеркъ).

№ 15—16. Перепечатка изъ «Прав. Вѣстн.» отзыва объ изданіи Батюшкова: «Литва и Бѣлоруссія».

№ 16. Сельская медицина въ сѣв.-запад. краѣ.

№ 30. Статья о «семейныхъ тайнахъ Радзивиловъ» (милліонное наслѣдство) по газетѣ «Tageblatt».

№ 33. О населеніи западнаго края.

№ 41. Замѣтка объ XI т. «Археограф. сбор. документовъ по исторіи сѣв.-западнаго края.

№ 45. Кое-что о пчеловодствѣ у крестьянъ Полѣсья.

№№ 49, 51. Кустарные промыслы минской губерніи.

Минскія Епарх. Вѣдом. № 1—10. № 6. Св. Макарій митрополитъ кіевскій.

Подольскія Епарх. Вѣдом. № 1—15. № 1. Распоряженіе епархіальнаго начальства православ. христіанамъ подольской епархіи противъ штундистовъ.

— Обозрѣніе «Подольск. Епарх. Вѣдом. за 1889 г.

№ 2. Проектъ устройства въ г. Каменцѣ-Подольскомъ епарх. церковнаго древнехранилища.

№ 2, 4. Мѣры для охраненія православія противъ штундизма (продолженіе; начало въ 1889 г. №№ 39 и 40).

№ 3. Новыя свѣдѣнія по исторіи Подоліи и новыя данныя о судьбѣ великой княжны литов. Елены (по Monum. Poloniae historica, т. V (1).

№ 5—6. Къ исторіи возсоединенія уніатовъ брацлавскаго воеводства во второй половинѣ прошлаго столѣтія.

№ 9—10. Историческія свѣдѣнія о Каменцѣ-Подольскомъ и его православныхъ церквахъ.

№ 10. По поводу изданія г. Батюшкова «Бѣлоруссія и Литва».

№ 13—15. Штундисты балтскаго уѣзда.

Ставропольскія Епарх. Вѣдом. № 1—9. № 9. М. С. Обычай гадать на книгахъ священнаго писанія (есть кое-что и о малорус. обычаяхъ).

Таврическія Епарх. Вѣдом. № 1—6. № 2—3. О Бахчисарайской Успенской церкви (историч. очеркъ).

№ 4. *Ив. Оболенскій.* О внѣшнихъ отличіяхъ священнослужителей отъ міранъ (историч. очеркъ).

№ 6. Панагія или Успенскій бахчисарайскій скитъ (историческ. очеркъ).

Харьковскія Губерн. Вѣдом. № 1—103. № 14. Извѣстіе, что въ Казани напечатана пятиактная драма артиста-комика Максимова «Полтавская гроза». Пьеса относится ко времени послѣднихъ лѣтъ жизни Мазепы и очень удачна.

№ 22. Некрологъ проф. всеоб. литер. харьков. универс. Колмачевскаго.

№ 32. Отчетъ о засѣданіи харьков. ист.-филогич. общества, гдѣ были прочитаны: рефератъ проф. Сумцова:—Воронъ въ народ. словесности и отчетъ проф. Багалѣя о VIII археолог. съѣздѣ.

№ 65. Свѣдѣнія о марковской сельской общественной библіотекѣ (харьк. г. лебедин. у.).

№ 67. Подписка на памятникъ Каразину.

— Нѣсколько словъ о П. П. Сокальскомъ—композиторѣ оп. «Осада Дубно» и авторѣ «Рус. народ. муз.» (великор. и малорус.).

№ 70. Сообщеніе проф. Сумцова о полученныхъ имъ писанкахъ и описаніе ихъ.

№ 75. По поводу новыхъ правилъ для чтенія въ читальнѣ харьковской общественной библіотеки.

№ 77. По поводу обычаевъ на вербной недѣлѣ.

№ 83. Пасха у малорусскаго и южно-славянскаго простонародья (фельетонъ).

№ 88. *Влад. Липскій.* Малороссійскія заклинанія въ харьков. у.

№ 96. Перепечатка изъ «Петербург. Листка» о составѣ петербугской труппы г. Кропивницкаго.

№ 99. По поводу земли основянской школы.

Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости № 1—8. № 1, 2, 5, 6. Историческая записка объ открытіи елисаветградскихъ духовныхъ училищъ. (Начало въ № 20—24 1889 года).

Черниговскія Губ. Вѣдом. № 1—36. № 1—2. Описаніе работъ, произведенныхъ въ 1889 г. по отдѣлкѣ и украшенію Борисо-Глѣбской церкви черниговскаго каѳедральнаго собора.

№ 1, 2, 4, 7—18, 23, 25, 28—30, 34. Списокъ черниговскихъ дворянъ 1783 г.

№ 3. Указаніе на историческое лицо, генерал. судью Ивана Яремовича Носа

№ 10—14, 36. Малороссійское дворянство.

№ 15, 18. Родословная дворянъ Полуботковъ.

№ 16. Памятники мѣстной старины: Родъ Харевичей.

№ 21, 22, 24, 25, 36. Родословная дворянъ Туманскихъ.

№ 26. Лизогубовская лѣтопись.

№ 27. Два неизданныхъ письма А. С. Пушкина къ В. И. Туманскому.

Черниговскія Епарх. Извѣстія № 1—7. № 7. Воззваніе съ краткимъ сообщеніемъ объ исторической судьбѣ черниговскаго каѳедральнаго собора церквей Спасова Преображенія и Борисоглѣбской.

Библіографическое извѣщеніе.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:

МОТЫЖИНСКІЙ АРХИВЪ.

Акты переяславскаго полка XVII—XVIII в.

ИЗДАНІЕ АНДРЕЯ и АЛЕКСАНДРА САВИЦКИХЪ.

Кіевъ. 1890 г. 8 д. Стр. VI+223+XVIII. **Цѣна 1 р. 50 к.**

Съ требованіями можно обращаться въ редакцію журнала „Кіевская Старина", Большая Владимірская ул., д. № 32, А.

Дозволено ценз. Кіевъ, 14 іюня 1890 г.

1710. Саранча великая была по всемъ сѣвѣру и задънѣпрю.

Того жъ року, царъ Петръ Алексеевичъ взялъ городъ шведский Рыгу, гражданъ въ ней пощадѣлъ, а воинскихъ людей дванадесять тисячий смерти предалъ всѣхъ.

Того жъ року, Никнъ, оархимандритъ новгородский, померъ, мѣсяца февраля числа 2, а на его мѣстцу зосталъ архимандритомъ Антоний Стаховский, еще за живота отца Никона, который то отецъ архимандритъ Никонъ, доброволне уступилъ архимандрию, будучи хорымъ [1]).

1711. Подчасъ зимы, ханъ зо всѣми ордами, мѣючи при собѣ тисячу янчаровъ, запорожцовъ тисячий двѣ или три, вышолъ въ слободы московские, добылъ въ полку харковскомъ городовъ два: Водоловъ, Мареxву, прозываемую Сѣрковка; а до города, называемаго Волного, якъ пришолъ, тамъ заразъ сотникъ, называемый Пляка, передался до хана; въ томъ городѣ ханъ свое зоставивши призидиумъ, также и въ Кечережкахъ городку, пошолъ въ свою землю никимъ же гонимъ; а напотомъ пришовши Москва до тыхъ городковъ Волного и Кочережокъ, жителей всѣхъ зъ жонами и дѣтми и маетками, и татарское президиумъ въ свою забрали (землю), а городки пречъ поруйновали. На тотъ часъ ханъ ясыру взялъ болшъ пятидесяти тисячий, а гетманъ козацкий Іоаннъ Скоропадский зъ войскомъ козацкимъ стоялъ въ Лубнахъ [2]).

(*Другимъ почеркомъ*).

Того жъ року, за Прутомъ рекою, царъ Петръ Алексѣевичъ баталию зъ турками чинилъ; и по окончанiи оной, послани послы при везиру въ Царьградъ, Петръ Павловичъ Шафировъ зъ Михаиломъ Борисовичемъ Шереметомъ, для окончения договоровъ при-

---

[1]) Приписка на сторонѣ: Сего жъ року, моръ великий былъ въ Киевѣ и въ околичныхъ мѣстахъ и въ селахъ.

[2]) Приписка на сторонѣ: Сего року былъ моръ великий въ Чернѣговѣ и въ прочиихъ городахъ и селахъ сѣверскихъ.

Сего року въ великий постъ, поихалъ Іоаннъ Максимовичъ, архиепископъ Черн., по указу царскому, на Москву, а оттоль въ Сѣбѣръ, на митрополiю.

Року 1722, юля 3 дня, маслосвятие ясневелможному его мил. пану гетману Іллѣчу Скоропадскому было.

мѣрныхъ. На якой баталіи отъ войска малороссійского былъ полковникъ миргородский Данило Апостолъ зъ частю выборныхъ козаковъ, а гетманъ Скоропадский, въ полками козацкими, ходилъ подъ Каменный Затонъ, откуду вивозивши борошенніе припасы до Орла и до другихъ полку полтавского мѣстечокъ, Каменній Затонъ, Кодакъ и Самаръ розорили.

1712. Войска московскіе стояли надъ берегомъ Днѣпровымъ отъ Лоева до Навозу, для которыхъ на Днѣпрѣ козаки мосты робили; попереходячи за Днѣпръ, пойшли къ Смоленску.

1713. Гетманъ Скоропадскій съ полками козацкими стоялъ въ Кіевѣ, где козаки робили фашинами валъ, поузъ Либедь до Подолу, надъ Кожомяками, отъ московского города.

Посли царского величества Петръ Павловичъ Шафѣровъ, Петръ Андреевичъ Толстой, Михайло Борисовичъ Шереметовъ и Безстужей выѣхали зъ Цариграда по заключеніи мирныхъ договоровъ, зъ между которыхъ Михайло Борисовичъ Шереметевъ въ дорозѣ представился и погребенъ въ монастиру Печерскомъ кіевскомъ.

Того жъ часу, за послами пришолъ зъ Бендеру бывшый полковникъ прилуцкій Горленко зъ канцеляристою Іваномъ Максимовичемъ, зъ сынами Ломиковского и зъ протчими на Украину, кототорому, зъ его товарищи, велено ехать въ Москву, гдѣ и нонынѣ обретается и живетъ свободно. И отпущени зъ Москвы: Михайло Гамалѣя, Кандиба и протчіи, на Украину.

1715. Өедоръ Лисовскій, протопопа гадяцкій, виехалъ зъ Москвы сотникомъ Новгородка-Сѣверского. Іоаннъ Максимовичъ, митрополитъ сѣбѣрскій, въ Тоболску преставился.

Того жъ року, родился царевичъ Петръ Петровичъ октовря 28 и сынъ царевича Алексѣя Петровича, Петръ Алексѣевичъ.

Того жъ року, выехалъ зъ Москвы на полковництво гадяцкое сербинъ Михайло Милорадовичъ зъ братами, а Ивана Чарниша зъ полковництва гадяцкого, учинено судіею енералнымъ.

1717. Взято зъ Кіева къ Москвѣ ректора Өеофана Прокоповича, Варлаама Зеленковского и иныхъ учителей.

(*Пропускъ строки на три*).

1718. Гетманъ Іоанъ Скоропадскій ездилъ въ Москву съ полковниками: чернѣговскимъ Павломъ Полуботкомъ, зъ лубенскимъ Андрѣемъ Марковичемъ, зъ писаремъ енералнымъ Семеномъ Савичомъ, для поклоненія царскому величеству, и тамъ учинилъ сватовство дочки своей за сына Петра Андрѣевича Толстого, Петра Петровича. Тогда въ Москвѣ казнили епископа ростовского ростриженого Демида, Глѣбова, Кикина и протчіимъ многимъ наказаніе чинено, по дѣлу бывшей царицы и царевича Алексѣя Петровича, о чемъ явствуютъ тогда жъ публѣкованные печатные манифѣсты.

Того жъ году, Кіевъ и Чернѣговъ пожаремъ выгорѣлъ.

Того жъ году, июня 26, Алексѣй Петровичъ въ Санктпітербурху преставился и погребенъ въ соборной церкви Петра и Павла, въ городѣ.

1719. Того жъ и другого 1719, войска великороссійскіе и малороссійскіе робыли подъ Царициномъ перекопъ у степу, отъ реки Дону до реки Олги. Того жъ году, учиненъ зять гетманскій Петръ Петровичъ Толстой полковникомъ нѣжинскимъ.

1720. Былъ въ малороссійскихъ городахъ, въ Нѣжинѣ и въ Гадячомъ, свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ, генералъ-фелтмаршалъ и кавалеръ; и въ Гадячомъ чинилъ постановлене зъ гетманомъ Скоропадскимъ, зъ старшиною енералною и полковниками, о расположеніи войска великороссійского въ Малой Россіи, чтобъ росписать на драгуна съ конемъ по 15 дворовъ къ сустентанціи, якъ козацкихъ, такъ и мужицкихъ, не виключая зъ раду и зъ числа, чіи бъ ни были, жадныхъ домовъ духовныхъ и свѣтцкихъ, знатныхъ и мелкихъ персонъ, начальныхъ и простыхъ, шинковыхъ и загородныхъ. Но понеже гетманъ зъ старшиною и полковниками выключали съ того расположенія духовныхъ персонъ, старшинскіе и козацкіе дворы, шинки и футорѣ, церковниковъ, вдовъ и всякихъ неимущихъ людей, не ставлячи оныхъ въ число къ сустентаціи драгунской, а приступали къ тому, чтобы опредѣлить по 15 дворовъ пахатныхъ, господарскихъ, посполитыхъ, безкозацкихъ, охороняючи козаковъ для службы козацкой, того ради тое постановлене не состоялося и въ несогласіи зъ Гадяча розехалися.

1721. Ходило комендерованныхъ козаковъ по указу, десять тысячъ, опрочъ кашеваровъ, въ Ладогу, на дѣло канала отъ Новой Ладоги до Слюсенбурха дѣлаючагося, при полковнику чернѣговскомъ Павлу Полуботку, также при хоружому еноралному Івану Сулимѣ и при полковнику лубенскому Андрею Маркевичу; и якъ туда идучи, такъ назадъ поворочаючи, куповалы сѣно и овесъ дорогою цѣною, бо негде сѣна безденежно не давано, отъ чого много коней пропало, и оруже, также одежу козаки позбували за безцѣнокъ, харчуючи коней въ той дорозѣ, еще на каналъ идучи. И не дойшовши Вѣшнего Волочка, Сулима, хорунжій енеральный ,померъ; козаковъ тежъ рядовыхъ, зъ числа десятитисячного, не повернулися въ доми—умерло три тисячи.

Того жъ году, великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ учинилъ миръ вѣчный зъ короною шведскою, на такихъ кондиціяхъ, что всѣ города завоеваные на сей сторонѣ моря Варяжскаго и съ провинціею Ливоніею, Естляндіею и Финляндіею въ сторонѣ его величества остались, яко то: Нарва, Ревель, Рига и протчіи; и того мира отправовалось торжество съ колоколнимъ во всемъ государствѣ звономъ, въ мѣсяцѣ септеврію и зъ всенароднимъ празднованіемъ, недѣлъ двѣ; и при повѣншованю учиненного мира, просили господа сенаторѣ царского величества, дабы изволилъ титуловаться императоромъ, Петромъ Великимъ и отцемъ отечества.

1722. Гетманъ Иванъ Скоропадскій ездилъ въ Москву зъ отданемъ своего поклону імператорскому величеству, где отправовалося еще болшое того жъ мира торжество и выставленъ былъ ферверкъ зъ различными огнями, привеликимъ коштомъ; тамъ же въ Москвѣ, въ машкарадѣ гуляючи, чрезъ увесь мясоедъ и чрезъ сырную недѣлю ездили кораблями и иншими суднами по улицамъ, медведями, собаками и свинями, зъ немалимъ зрящого народа удивленемъ.

Того жъ лѣта, его императорское величество изволилъ маршъ свой восприяти въ низовый походъ до Терку и далѣй въ землю персидскую, до Дербента, которого города комендантъ и ключѣ срѣбнѣе его величеству, на срѣбномъ блюдѣ, поднесъ и отдался въ

протекцію его величества, зъ городомъ Дербентомъ и со всѣми граждани. Въ томъ же походѣ было козаковъ подъ командою Апостола, полковника миргородского, при полковникахъ прилуцкомъ Галагану и при кіевскомъ Танскомъ, десять тысячей, але пропала ихъ тамъ большая половина. Тамъ же надъ Сулакомъ, между теркомъ и Дербентомъ зволилъ е. і. величество заложить новую фортецу и назвалъ Святій Крестъ.

Въ семъ же году, іюля 3 числа, повернувшися зъ Москви гетманъ Скоропадскій въ Глуховъ, представился; того жъ іюля числа, погребенъ зосталъ въ монастыру Гамалѣевскомъ дѣвичомъ, у трапезѣ, передъ правимъ криласомъ. А по его смерти, по указу государевомъ, принялъ правленіе полковникъ чернѣговский Павелъ Полуботокъ, до которого зъ Москвы прислана грамота, за подписаніемъ правителствующого сената, чтобъ до избрання гетмана править ему Малою Россіею, по правамъ малороссійскаго народа, общо зъ старшиною енералною.

Того жъ году, стала въ Глуховѣ коллегія и начали збирать всякіе збори, учрежденіе отъ оной коллегіи, зборщики въ казну государеву.

1723. Президентъ коллегіи Малой Россіи брегадиръ Стефанъ Лукичъ Веляминовъ ездилъ въ Москву и въ Пітербурхъ, къ государю, и оттуду возвратившися въ Глуховъ, привѣзъ указъ зъ сената полковнику Павлу Полуботку, чтобъ ему зъ судею енералнымъ Іваномъ Чорнишемъ и зъ писаремъ енералнымъ Семеномъ Савичомъ, ѣхать въ Санктпітербурхъ, куда и поехали іюня 13 числа. А за приѣздомъ въ Пітербурхъ, подали імперат. величеству сентября 13, въ иностранную коллегію, челобытную съ прошеніемъ милости отъ всей Украины, объ оставленіи зборовъ, о ненарушномъ содержаніи судовъ, правъ и волностей козацкихъ, грамотами отца его величества великого государя царя и в. кн. Алексѣя Михайловича, за гетмана Хмелницкого, утвержденныхъ и отъ самого жъ его імпер. величества при наставленіи на гетманство Івана Скоропадскаго, конфирмованныхъ. А въ сенатъ другую подали такую жъ, слово въ слово, челобитную, зъ особными пунктами о доходахъ гетманскихъ, зъ чого збирались и куда розиходились, о заплатѣ войску комонному и пѣ-

хотному, о канцеляріи, о слугахъ войсковыхъ и полковыхъ, то есть, трембачахъ и армашахъ, о полковыхъ канцеляріяхъ, о покуховномъ, о станціи войска драгунского, якъ много коштуетъ, и о протчіихъ всѣхъ нуждахъ. А послѣ подания оныхъ челобытныхъ, нараженъ и посланъ того жъ часу на Украину лейбъ-гвардіи маэоръ преображенского полку Александръ Івановичъ Румянцевъ, для спросу старшини и чернѣ малороссійской о тыхъ челобитныхъ: чи всѣ о томъ вѣдаютъ и просятъ; и уже съ того часу видѣли быть монарху загнѣванного. Потимъ, прислана зъ Украини отъ полковника миргородского Даніила Апостола и отъ всего войска малороссійского, за подписомъ рукъ всей полковой и сотенной старшины и товариства бунчукового и значкового, другая челобитная съ Коломаку, чрезъ канцеляристу Ивана Романовича, въ Пітербурхъ, которое когда тотъ канцеляристъ подалъ до рукъ самому імператорскому величеству, зъ церкви святой Тройци по служби божой идучому, ноевря 10 числа, такъ заразъ въ кофейный домъ увойшовши и вичитавши, и вишедши зъ того дому, того жъ моменту, изволилъ приказать своими устами, генералу моэору и гвардіи преображенского полку маэору Андрею Івановичу Ушакову, зъ великимъ гнѣвомъ и яростію, взять подъ караулъ полковника Павла Полуботка, судію енералного Івана Чарниша, Семена Савича, писаря енералного, тамъ же при кофейномъ домѣ стоявшихъ, и всѣхъ хто за ими ассистовалъ, отъ которыхъ и отъ всѣхъ отвязавши своими руками шаблѣ, тотъ же енералъ Ушаковъ велѣлъ всѣхъ попровадити въ замокъ мурованій пітербургскій, где, съ перваго часу, порознь были всѣ за карауломъ посажени; потимъ по 4 человѣка случени, а далѣй, знову недель у килка, поединцемъ розведени. А взято тогда при главной старшинѣ, подъ караулъ, въ замокъ полковниковъ наказнихъ трохъ: 1) гадяцкого полкового судію Григорія Грабянку, 2) переяславского есаула полкового Івана Кирпича, 3) стародубовского Петра Корецкого, дв бунчукового товариша Димитрія Володковского, канцеляриста войсковой енералной канцеляріи Николая Ханенка, Іосифа Гаврилова, Василія Биковского, стародубовского значкового Стефана Носовича, чернѣговского значкового Івана Римшу, а слугъ всѣхъ на господѣ

где стояли, подъ караулъ побрано, и всѣ пожитки у кого що было, сукнѣ и денги, одобрано, попечатано, и на Шафѣровъ дворъ запроважено. А въ Чернѣговѣ учинено зъ подполковниковъ полковникомъ коменданта Михайла Богданова. Того жъ времени взято зъ Украини полковника миргородского Апостола, въ Москву и въ Санкпітербургъ, асаула енералного и бунчукового (бунчучного?) зъ Глухова и нѣкоторыхъ полковъ побрано въ Глуховъ, старшину полковую и держано подъ карауломъ.

1724. Коронована въ Москвѣ въ соборной Успенской церкви, велик. государиня імператрица Екатерина Алексѣевна мая 7, чрезъ самого его імператорского величества и чрезъ архіереевъ великоновгородского Өеодосія и псковского Өеоөана Прокоповича, ей же подай Господи многолѣтное щастливое и тихомирное государствованіе.

Априля 28, преставился въ замку пітербургскомъ, подъ карауломъ, Димитрій Володковскій.

Декаврія 18, преставился въ замку пітербургскомъ, подъ кароуломъ, полковникъ чернѣговскій Павелъ Полуботокъ и погребенъ при церкви святого Самсона Страннопріемца, за Малою Невою, декаврія 29 числа.

1725. Преставился государь імператоръ и самодержецъ всей Россіи Петръ Великій, отецъ отечества, Петръ первый, непобѣдимій христіанскій монархъ, благочестивой вѣры христіанской разширитель, стоднъ церкви россійскія, одолѣнъ зосталъ отъ смерти непреодолѣнной, бывши двадесятолѣтнею зъ годомъ тяжкою зъ шведскимъ королевствомъ войною, по безчисленныхъ своихъ трудахъ въ просвѣщеніи своего государства, почилъ отъ рожденія своего 53 году, генваря въ 28 день, ему же подай Господи по земномъ, вѣчное небесное царствіе.

Того жъ году, послано бунчуковыхъ и значковыхъ къ Дербенѣ и въ Гилянъ, зъ Украини. Февраля 6, выпущени зъ замку санктпітербургскаго, съ подъ карaулу, судія енералній Іванъ Чорнишъ, писаръ енералній Семенъ и протчіе, а миргородскій полковникъ Апостолъ, Василій Жураковскій, асаулъ енералній, и Яковъ Лизогубъ, бунчучный енералный, тако жъ съ подъ караулу свобожени,

которимъ всѣмъ у вышнемъ судѣ, при свобожденіи ихъ, отдано щаблѣ; толко указомъ сказано, жебы въ Санктпітербурху жили до указу, съ которыхъ писаръ енералній Савичъ и асаулъ переяславскій Кирпичъ въ скоромъ часѣ, въ Пітербурху, померли.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

КОЛОМАЦКІЯ ЧЕЛОБИТНЫЯ. [1]

1. *Челобитная объ отмѣнѣ сборовъ.*

Всепресвѣтлѣйшій и державнѣйшій императоръ и самодержецъ всеросѣійскій Петръ Великій, отецъ отчествія, государь всемилостивѣйшій [2]).

Отъ начала воспріятія всего малороссійского народа нашего, Богомъ хранимого, подъ державнѣйшій государствованія своего скипетръ, такъ пресвѣтлѣйшие святоусопшіе предки вашего императорского величества, яко и ваше всепресвѣтлѣйшое величество при превисочайшой Богомъ увѣнчанной державѣ своей, на насъ вѣрнихъ подданнихъ, за наши и антецессоровъ нашихъ рабские службы, всемилостивѣйше призирать и при правахъ и волностяхъ нашихъ доселѣ содержать и впредь непоколѣбимо содержовати обѣщать изволили, многими премощнѣйшими грамотами и привилеями, между которими и въ прошедшомъ 1716 году, на подданское челобите покойного гетмана господина Скоропадского, о облегченіи малороссій-

---

[1]) Во время печатанія Черниговской лѣтописи, нашли мы въ бумагахъ Григ. Андр. Полетики († 1784 г.), недавно пріобрѣтенныхъ В. В. Тарновскимъ, тѣ двѣ „челобитныя“, привезенныя Романовичемъ съ Коломака, которыя были ближайшимъ поводомъ къ аресту Полуботка и его товарищей. Два эти документа, до сихъ поръ неизвѣстные въ печати, мы нашли умѣстнымъ привести здѣсь, въ видѣ приложенія къ нашей „кроничкѣ“, въ которой съ наибольшими подробностями приведенъ разсказъ объ арестѣ въ 1724 г., малороссійской старшины. О „коломацкихъ челобитныхъ“ см. Записки Як. Марковича I, 24 (только слѣд. читать сентябрь вм. августъ).

[2]) Вначалѣ, передъ титуломъ, сдѣлана такая замѣтка: копія зписанного слово въ слово. Сія суплика третій разъ писана отъ всего войска, зъ Коломаку, 1723 году, октоврія 1

ского народа въ поносимыхъ тяжестехъ и убиткахъ отъ станціи и преходу войскъ великороссійскихъ, видана зъ Амстардаму предостойнѣйшая вашего императорского величества грамота, зъ таковимъ всемилостивѣйшимъ обнадеживаніемъ, что всѣ тие тяжести и убитки, по окончаніи зъ королемъ шведскимъ войни, награжденни будутъ неотемлемою вашего величества милостию, которой события всежелателно зъ рабскимъ благодареніемъ ожидая, малороссійскій народъ, хотя до зѣла зъ божия посѣщения зосталъ разоренъ и умаленъ, то нашествиемъ неприятелскимъ, то моровою язвою и неурожаемъ черезъ многие года хлѣба и травъ, однакъ тие жъ переходи и станціи войскъ великороссійскихъ, такожъ и небезтяжестную службу, колико возмогли зъ немалимъ убиткомъ, отбували въ полэу интересу вашего императорского величества, чимъ би лутше на вящшую вашего величества заслужитися милость. Прошедшого же 1722 году учрежденная въ Малой Россіи коллегія, въ прилогъ тихъ трудностей, начаянное намъ стала налагать отягощение, вступаючися въ права и суда наши и взимаючи зъ добръ нашихъ никогда небивалие збори, представляя будто тое дѣлаетъ по пунктамъ Богдана Хмелницкого гетмана, въ которихъ пунктахъ просителнихъ и рѣшителнихъ, нѣкому отъ великороссійскихъ началниковъ въ права и суди наши вступатися, такожъ отъ имѣния старшини и козаковъ рядовыхъ, жаднихъ взимать зборовъ не написано, но якъ въ онихъ же пунктахъ изображено, всякую въ добрахъ и судахъ имѣти волность и судитися имъ по своимъ правамъ, такъ тие свободи въ онихъ добрахъ и судахъ милостивѣйшими пресвѣтлѣйшаго великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, блаженной и вѣчно достойной памяти отца вашего императорскаго величества, и вишше писанними вашего жъ величества привилеями Войску Запорожскому утвержденни суть, чого ради хотя тие зъ добръ нашихъ нововзиматися начатие збори, по нашемъ рабскомъ челобитю, прошедшаго жъ году милостиво состоявшимся указомъ вашего императорскаго величества, били одставлени, однакъ теперъ знову за поворотомъ зъ Санктъ-Пѣтербурга господина брегадира Веляминова, до оной коллегіи доправляючи, зъ значною прибавкою, а зъ нашимъ крайнѣмъ

разорениемъ, помянутыхъ зборовъ за прошедшій и разомъ за настоящій годъ, безъ битности насъ, однихъ зде при Коломаку, а другихъ въ низовомъ походѣ, при крѣпости Святаго Креста, службу вашего императорскаго величества зъ великимъ убиткомъ отправуючихъ, у домашнихъ последное забираютъ имѣние, за розмѣровие приходи, не только зъ тихъ млиновъ, якие за служби вѣрние наши по милости вашего императорскаго величества, нѣ на гетмана невзимано, но толко для единаго препитанія нашего мѣлисмо. Тако жъ за табачную и пчоляную десятини, за показанщину и за протчее надто (чого тако дѣди и отци наши и ми по превисокой милости вашего императорскаго величества, не дознавали) старшину и знатное товариство, ради тихъ же сборовъ, указомъ помянутой коллегіи, нарочно посилаючиеся солдати насилно берутъ до Глухова, откуду чрезъ долгое время онихъ не випуская, до немалихъ приводятъ убитковъ и безчестия. Отъ якихъ всѣхъ вишеписанныхъ трудностей толикое учинилося у людехъ умаление, уходомъ особливе въ слободи и на тую сторону, что отъ Днѣпра до самого Днѣстра прежде бившие опустѣлие мѣста, вездѣ населени нашимъ малороссійскимъ народомъ.

Всепресвѣтлѣйшій и всемилостивѣйшій государь! Надѣяся на тую жъ неизреченную вашего императорскаго величества милость, что по оной правое насъ вѣрнихъ вашего величества подданнихъ челобитствие не будетъ презрѣнно и отриновенно, дерзаемъ оное предъ августѣйшій вашего императорскаго величества престолъ на самой истиннѣ и милости утверждаючися, чрезъ нарочнихъ посланниковъ Семена Кгалецкого, сотника новгородского, да Кирила Криштофова, сотника сенецкого, приносити, съ такимъ всепресвѣтлѣишимъ рабскимъ прошениемъ: да благоволитъ ваше державство, по вишеписаннихъ милостиво состоявшихъся своихъ премощнѣйшихъ грамотахъ и привилеяхъ, въ станціи великороссійскихъ полковъ и въ тяжестяхъ отъ коллегіи налагаемихъ, за наши прежние и въ предъбудущие служби, насъ вѣрнихъ подданнихъ благоприятелно помиловати. А что за доношениемъ на нѣкоторую старшину, поноситъ все войско малороссійское мнѣніе и подзоръ, будто въ судахъ малороссійскихъ волокити и взятки чинятся и ми въ семъ милости вашего импера-

торскаго величества просимъ, дабы ваше величество соизволили о такихъ судяхъ и малороссійскаго народа обидителяхъ приказать намъ, Войску Запорожскому, доподлинна розискати, а ми, по непоколебимой своей вашему императорскому величеству вѣрности, все тое изслѣдовати въ правду и по самой истиннѣ вашему императорскому величеству, хто въ чемъ явится преступнимъ, донести, облекгуемся, за якую благоутробнѣпризрителную вашего императорскаго величества милость, ми и наслѣдники наши всегда вашему императорскому величеству до потерания здоровья и живота нашего въ непремѣнной вѣрности служити долженствуемъ.

Въ подлиной полковники, вся старшини и черни подписалися. При Коломаку, зъ обозу, 1723 году, октоврия 1 числа писана, а подана...

Вашего императорскаго величества вѣрние подданние и нижайшие раби.

Полковникъ миргородский Данило Апостолъ. Полковникъ гадяцкій Михайло Милорадовичъ. Полковникъ прилуцкій Игнатъ Galaganъ, вомѣсто его я Федоръ Галенковскій, писаръ полковій прилуцкій, по поведенію его жъ полковникомъ и за себе руку приложилъ. Полковникъ киевский Антоній Танскій. Мойсѣй Зарудній, сотникъ полковій миргородскій изъ товариствомъ. Стефанъ Родзянка, сотникъ хоролскій зъ товариствомъ. Федоръ Остроgрадскій, сотникъ говтянскій съ товариствомъ. Андрѣй Стефановичъ, сотникъ богацкій зъ товариствомъ. Полковникъ охочепѣхотній Гаврiѣлъ Бурляй. Василій Родзянка, обозній полковій миргородскій. Матвѣй Ивановичъ, судия полковій миргородскій. Семенъ Galaganъ, асаулъ полковій, за которого и за себе я Антонъ Волевачъ, асаулъ же полковій, руку приложилъ. Вомѣсто Ивана Черкеса и Супруна Семеновича, хоружихъ полков. миргородскихъ, такожъ и за Николая Кгоранескула, сотника сорочинского, подписался Семенъ Максимовичъ, сотникъ чорнускій. Вомѣсто Романа Лесницкого, сотника шишацкого, Самойла Стефановича, сотника ярескoвского, Ивана Ярослава, сотника бѣлоцерковского, Яреми Юхимовича, сотника остаповского, я, Максимъ Тимошенко, сотникъ наказній устивицкій, за нихъ и за товариство,

и за себе зъ товариствомъ, подписуюся. За Кондрата Леонтиевича, сотника омелницкого, Юска Росоху, сотника потоцкого, Гаврила Иляшенка, сотника кременчуцкого, Ивана Яшевского, сотника наказного власовского, Ивана Жука, сотника наказного городиского, я, Самойло Малинка, писаръ полку миргородского, руку приложилъ за ихъ и за товариство.

Полкъ Гадяцкій. Григорій Гребянка, судия полковій. Александръ Ситенскій, писаръ полковій. Асаулъ полковій Мартинъ Штишевскій. Илия Милорадовичъ, хоружій полковій. Федоръ Цуцкай, прапорщикъ полковій. Василій Велецкій, сотникъ гадяцкій, зъ товариствомъ. Романъ Корицкій, сотникъ опошнянскій, зъ товариствомъ. Василій Рожанскій и Мелетій Жадко, сотники зенковские, зъ товариствомъ. Петро Зеленскій, сотникъ рашавскій, зъ товариствомъ. Василій Павловичъ, сотникъ куземинскій, зъ товариствомъ. Леонтій Масюкъ, сотникъ веприцкій, зъ товариствомъ. Данило Иллѣчъ, сотникъ комишанскій, съ товариствомъ. Демянъ Ивановичъ, сотникъ ковалювскій, зъ товариствомъ. Ониско Величай, наказній сотникъ лютенскій, зъ товариствомъ. Я, Василій Велецкій, сотникъ гадяцкій, по ихъ прошенію руку приложилъ. Филипъ Самарскій, атаманъ значковій зо всѣмъ куренемъ по прошенію его Яковъ Сидоровичъ, хоружій сотенній, руку приложилъ.

Полкъ Прилуцкій. Михайло Григоровичъ, обозній полковій. Иванъ Марковичъ, судия полковій. Михайло Мовчанъ, асаулъ полковій. Иванъ Семеновичъ, прапорщикъ полковій. Федоръ Марковичъ, сотникъ полковій, зъ товариствомъ. Михайло Ꙗгелнѣцкій, сотникъ монастырскій, зъ товариствомъ. Марко Михайловичъ, наказній сотникъ варвинскій, зъ товариствомъ Ярема Федоровичъ, наказній сотникъ сребранскій, зъ товариствомъ. Захарій Дмитренко, наказній сотникъ иваницкій, зъ товариствомъ. Иванъ Карпенко, наказній сотникъ красноколядинскій, зъ товариствомъ, за которихъ я, по прошенію ихъ, Федоръ Федоръ Матвѣевичъ, товаришъ значковій, руку приложилъ. Григорій Зеленскій, атаманъ значковій, зъ товариствомъ.

Полкъ Стародубовскій. Семенъ Березовскій, асаулъ полковій и наказній полковникъ. Григорій Скоруппа, писаръ полковій. Фе-

доръ Данченко, хорунжій значковій. Филипъ Данченко, сотникъ полковій, зъ товариствомъ. Семенъ Галецкій, сотникъ новгородскій, зъ товариствомъ. Алексѣй Есимонтовскій, сотникъ мглинскій, зъ товариствомъ. Антипъ Соколовскій, сотникъ бакланскій, зъ товариствомъ. Нестеръ Василиевичъ, сотникъ шептаковскій, зъ товариствомъ, за которихъ я, Иванъ Забузкій, писарь сотеній, руку приложилъ. Михайло Янжулъ, сотникъ топалскій, зъ товариствомъ, за которого я, Лукянъ Гордѣенко, писарь сотеній, руку приложилъ. Иосифъ Рухлядь, сотникъ наказній погарскій, зъ товариствомъ. Михайло Янковскій, сотникъ наказній почепскій, зъ товариствомъ, за которого я, Василій Варявскій подписуюсь. Стефанъ Козловскій, сотникъ наказній новомѣскій, зъ товариствомъ. Михаило Голенковскій (Голембіовскій), товарищъ значковій, за себе и по прошенію всего товариства значкового, руку приложилъ.

Полкъ Чернѣговскій. Василій Томара, судия полковій и наказній полковникъ. Игнатъ Василиевичъ, обозній полковій. Михайло Мокрѣевичъ, асаулъ полковій. Марко Михайловичъ, хоружій полковій. Федоръ Лисенко, сотникъ березонскій, зъ товариствомъ. Иосифъ Семеновичъ, сотникъ студенскій, зъ товариствомъ. Яковъ Ждановичъ, сотникъ городницкій, зъ товариствомъ. Іванъ Савичъ, сотникъ любецкій, зъ товариствомъ. Семенъ Михайловичъ, сотникъ слабинскій, зъ товариствомъ. Яковъ Бакуринскій, сотникъ роѣскій, зъ товариствомъ. Карпъ Лѣневичъ, сотникъ волинскій, съ товариствомъ. Андрѣй Полянскій, сотникъ синявскій, зъ товариствомъ. Тимофѣй Кущинскій, сотникъ полковій наказній, зъ товариствомъ. Иванъ Васютинскій, сотникъ менскій, зъ товариствомъ. Федоръ Базилевичъ, сотникъ наказній седневскій, съ товариствомъ. Кирило Гавриловичъ, сотникъ наказній сосницкій, съ товариствомъ. Федоръ Тихоновъ, сотникъ наказній понорницкій, зъ товариствомъ. Кирило Богунъ, сотникъ наказній бѣлоусовскій, зъ товариствомъ. Василь Лаврѣновичъ, сотникъ наказній кисилювскій, зъ товариствомъ, за которихъ яко неумѣючихъ писма, наказнихъ сотниковъ я, Иванъ Яновскій, писаръ судовій, руку приложилъ. Стефанъ Славатинскій, товарищъ значковій за себе и по прошенію всего товариства значкового руку приложилъ.

Полкъ Переясловскій. Антоній Черушинскій, сотникъ золотоношскій и наказній полковникъ. Михайло Турчинъ, наказній обозній полковій. Иванъ Адаменко, наказній хоружій полковій. Стефанъ Афендикъ, сотникъ бориспольскій, зъ товариствомъ. Михайло Прохоренко, сотникъ бубновскій, зъ товариствомъ. Федоръ Рудковскій, сотникъ басанскій, зъ товариствомъ. Иванъ Шкиленко, сотникъ наказній полковій, зъ товариствомъ. Иванъ Туръ, сотникъ наказній ирклѣевскій, зъ товариствомъ. Демянъ Горбань, сотникъ наказній кропивянскій, зъ товариствомъ. Андрей Синзовокъ (?), сотникъ наказній золотоношскій, зъ товариствомъ. Мойсѣй Луценко, сотникъ наказній полковій, зъ товариствомъ. Хводоръ Аза, сотникъ наказній глемязовскій, зъ товариствомъ. Кондратъ Кисѣль, сотникъ наказній березанскій, зъ товариствомъ. Лукянъ Бережній, сотникъ наказній яготинскій, зъ товариствомъ. Грицко Головко, сотникъ наказній вороньковскій, зъ товариствомъ. Федоръ Лушня, сотникъ наказній баришовскій, зъ товариствомъ. Семенъ Исаенко, сотникъ наказній домонтовскій, зъ товариствомъ. Федоръ Шаратенко, сотникъ наказній пѣщанскій, зъ товариствомъ. Михаило Яременко, сотникъ наказній лѣплявскій, зъ товариствомъ, за которихъ, яко неумѣетнихъ письма, я Данило Андрѣевичъ, писаръ сотнѣ золотоношской, по прошенію ихъ, руку приложилъ.

Полкъ Лубенскій. Яковъ Марковичъ, наказній полковникъ. Григорій Кулябка, сотникъ полковій лубенскій, зъ товариствомъ. Полковій обозній Павелъ Мартосъ. Писаръ полковій Стефанъ Савѣцкій. Іванъ Гамалѣя, сотникъ лохвицкій, зъ товариствомъ. Семенъ Максимовичъ, сотникъ чернускій, зъ товариствомъ. Сотникъ Сенчанскій Кирилъ Криштофъ, зъ товариствомъ. Василій Жуковскій, сотникъ наказній глинскій, зъ товариствомъ. Василій Кирика, сотникъ городискій, зъ товариствомъ. Лукянъ Лисенко, сотникъ наказній роменскій, съ товариствомъ. Стефанъ Назаренко, сотникъ наказній смѣлянскій, зъ товариствомъ. Гарасимъ Бутъ, сотникъ наказній чигриндубровскій, зъ товариствомъ. Павелъ Кириленко, сотникъ наказній перятинскій, зъ товариствомъ. Петро Сенейко, сотнаказній лукомскій зъ товариствомъ, за которихъ, яко неумѣетныхъ

писанія, я Мартинъ Алексѣевъ, писаръ сотнѣ лукомской, по прошенію ихъ, руку приложилъ.

Полкъ Полтавскій. Григорій Буцкій, судія полковой и наказній полковникъ. Вмѣсто Лаврентия Никитовича, обозного полкового, и за себе, я Григорій Бугаевскій, писаръ полковій, подписался. Федоръ Сибѣлиевичъ, асаулъ полковій за себе и за хоружихъ полковихъ: Михайла Руденка и Павла Гарасименка, подписался. Димитрій Самарскій, сотникъ полковій, зъ товариствомъ, за которихъ я Григорій Матвѣевичъ, товаришъ значковій, по прошенію ихъ, руку приложилъ. Павло Ждановичъ, сотникъ новосанджаровскій, зъ товариствомъ. Павелъ Тронѣцкій, товарищъ значковій, за себе и по прошению всего товариства значкового, руку приложилъ. Іванъ Саевскій, сотникъ решетиловскій, зъ товариствомъ. Сава Михайловичъ, сотникъ кобеляцкій, зъ товариствомъ. Иосифъ Яковлевичъ, сотникъ орлянскій, зъ товариствомъ. Федоръ Тимофѣевичъ, сотникъ соколянскій, зъ товариствомъ. Григорій Потоцкій, сотникъ кишѣнскій, зъ товариствомъ. Иванъ Сулима, сотникъ великобудинскій, зъ товариствомъ. Иванъ Лишенко, сотникъ келебердянскій, зъ товариствомъ, за которихъ всѣхъ, по прошенію ихъ же, я Павелъ Тройнѣцкій, значковій товаришъ, руку приложилъ. Василий Павловичъ, сотникъ наказній старосанджаровскій, зъ товариствомъ. Яковъ Цесарскій, сотникъ наказній бѣлицкій, зъ товариствомъ. Гордѣй Савичь, сотникъ нехворощанскій, зъ товариствомъ. Федоръ Василкувский, сотникъ наказній царичанскій, зъ товариствомъ. Яковъ Григориевичъ, сотникъ наказній китайгородскій, зъ товариствомъ. Гордѣй Семеновичъ, сотникъ маяцкій наказній, зъ товариствомъ, за которихъ всѣхъ, по ихъ прошенію, я Стефанъ Пѣщанскій, товаришъ значковій, руку приложилъ.

Полкъ Киевскій. Илия Жилка (Жила?), судия полковій. Григорій Немировскій, писарь полковій, за себе и за Николая Савенка, асаула полкового первого, руку приложилъ. Иванъ Кукуринъ, асаулъ полковій. Василій Карасѣйка, хоружій полковій.

2. *Челобитная объ избраніи гетмана.*

Всепресвѣтлѣйшій и державнѣйшій императоръ и самодержецъ всероссійскій, Петръ Великій, отецъ отечества, государь всемилостивѣйшій.

Прошлого и сего настоящого 1723 годовъ, полковникъ черниговскій Павелъ Полуботокъ и старшина енералная били челомъ вашему императорскому величеству, зъ покорнѣйшимъ одъ всѣхъ насъ, о избраніи гетмана, прошениемъ, но понеже по сее время милостивого вашего величества на тое указу не получили, сего ради нинѣ зъ походу, черезъ нарочнихъ посланихъ, отъ всего войска малоросійского, рабское приносимъ челобитствие и нижайше молимъ да повелитъ ваше императорское величество въ войску малороссійскомъ, подлугъ давнихъ правъ нашихъ, волними голосами, зъ малоросиянъ избрать гетмана, безъ продолженія, ибо безъ гетмана въ Малороссіи государственние дѣла и войскове и всякие порядки въ належитомъ не могуть бити правленіи, а и вся Малая Россія, не имѣючи гетмана, въ особливой темнотѣ пребиваетъ. Сия челобитная писана при Коломаку, одъ всего войска, 1723 году, октоврия 1 числа. Въ подлинной якъ старшина, такъ и все войско подписалися вашего императорскаго величества вѣрние поддание и нижайшие рабы. А подана...[1]).

[1]) Подписей нѣтъ. Вѣроятно, въ подлинной онѣ были тѣ самыя, которыя выписаны на предъидущей челобитной. Время подачи также не обозначено.

НЕИЗДАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ ІОАННА ВИШЕНСКАГО.

Печатаемыя ниже сочиненія І. Вишенскаго, до сихъ поръ неизвѣстныя (о Еретикахъ, Загадка, Слѣдъ и Новина), извлечены нами изъ рукописи Императорской Публичной Библіотеки (Рус. Q., № 243), по которой напечатаны были Костомаровымъ четыре посланія І. Вишенскаго въ Актахъ Ю. и З. Р. Вслѣдъ за введеніемъ (напечатанныхъ г. Мирономъ въ „Кіевск. Стар.") и четырьмя посланіями слѣдуютъ въ рукописи печатаемыя ниже сочиненія (стр. 155—166), за ними сочиненіе Леонтія о ересяхъ, напечатанное Костомаровымъ въ указанныхъ выше Актахъ. Рукопись Публ. Библ. сохранна, первыхъ 2-хъ листковъ нѣтъ, но нумерація полная. Почеркъ всей рукописи одинъ и тотъ же—полууставъ второй половины XVII в. На кожанномъ переплетѣ отмѣтки: ex Bibliotheka Akcangelina; изъ библіотеки графа Ѳ. А. Толстова, отд. II, № 398.

Любезность и предупредительность завѣдующаго отдѣломъ рукописей и старопечатныхъ книгъ И. А. Бычкова дала намъ возможность напечатать неизвѣстныя доселѣ сочиненія Вишенскаго, за что мы и приносимъ ему искреннюю благодарность.

И. Житецкій.

1. Ѿ еретикохъ.

Но сіе оубо ѡ латинской прелести кратко словне речеся. ѡ прочіих же іересехъ нетребѣ вамъ есть и писати. Сами бо вы извѣстно вѣсте ѿ писанія апостолскаго, и святыхъ богоносныхъ отецъ, іако еретици сѫть предидѫщіе лжепророци антихристови аще и ѿлатины воскреснѫти хощет, но сѣмя прелести ѿединого майстра діавола посѣянное всебѣ плода носят, и невѣрием іавѣственно изображѫютъ. ѡних же Іоаннъ Богословъ, Петръ, Іюда и Павелъ, доволно извѣствѫютъ, іако и слѣпомѫ разѫжденіе имѫщемѫ ѡщѫтити есть мощно. ибо Петръ рече, быша же лживи пророци влюдехъ, іакоже и в васъ бѫдѫтъ лживіи оучители, еже внесѫтъ ереси погибели, и искѫпившаго ихъ Владыки ѿтмѣтающеся, приводяще себѣ скорѫ погибель, и мнози последствѫю ихъ нечистотам, и прочая. семѫжо и Павелъ последѫя рече, еретика человѣка поперво и второмъ наказаніи ѿрецайся, вѣдый іако развратися таковы, и есть само ѡсѫжденъ. а понеже еретик есть ѡсѫжденъ, то что ты хощеши православный христіанине, или ищеши слышати что здраво ѿнего; ничто же дрѫгое, точію да и ты ѡсѫжденъ бѫдеши. глаголя бо рече емѫ радоватися, съобщаеся емѫ невѣріемъ. и какѡ небоишися бесѣдовати съ зміею, дали невѣси, іако жало смертоносное, и іадъ гѫбителный въ оустѣхъ носитъ, имже послѫшающихъ оумерщвляетъ. Блюди православный христіанине дане ѡтрѫишися ереси зловѣріе. Вопросъ, что есть ересъ? ѿвѣтъ: ересъ есть нечестіе развращенны оумъ, прелестъ мнѣнія изнеможенія, помысла, сомнѣніе ѡ истиннѣ, двоедѫшіе, слѣпота мыслъная, конечное же невѣріе. Вопросъ: что есть благочестіе? ѿвѣтъ: благочестіе есть безиспытно несѫминѣнна вѣра, оупованіе истинно, крѣпость оумнодѫшевная, здравый помыслъ, благовѣрство къ Богѫ, простота, незлобіе конечное: да вѣси оубо рече Тимоѳею, какѡ ти подобаетъ вдомѫ Божіи жити, іаже есть церкви Бога жива, столпъ и оутвержденіе истинны, исповѣдѫемый, велика есть благочестія тайна, Богъ іавися воплоти и прочая. Апонеже се есть тайна іако Богъ іавися въ плоти, како оубо еретики невѣрѫютъ Павловомѫ реченію, и прочіихъ апостолъ іако се есть тайна, но тщатся земным помысломъ паче помысла, сію тайнѫ

постигн8ти, и іако что ѿ земны и времен ѡбносѧщи извѣстно оувидѣти. Видиши ли прелес ересь, нечестіе, безѹміе, слѣпот8, и злонравіе; но что ѡ еретико много требѣ есть глати, сіи бо аще бы не образъ Бжій треѵпостасный оумаслова, и дха, въ плоти ѡбносили, законо и житіемъ ѿсвиній безсловесны ничимже разнск8ю, где бо вны вѣра, где цр̃ковъ, где сщество, где жертва, где правило, где словословіе, где постъ и ѡб8зданіе естества, где дхъ, не все ли плоть и кровъ, и питаніе безвременно свинъскаго законъ; ѡніхже и Петръ рече: сіиже іако скоти животни естством бывше въ погибель и тлю въ нихже неразѹмѣютъ х8лѧще, въ истлѣніи своемъ истлѣютъ: и паки, сласть мнѧще вседневное насыщеніе скверните и порочници, питающесѧ лесми своими, іад8ще с вами, очи им8ще исполнъ бл8додѣѧніѧ и непрестаемаго грѣха, прелщающе дша неоутверженны и прочаѧ: такожде Іюда рече, сіи елика оубѡ не вѣдѧ х8лѧтъ елика же по естствѹ іако безсловеснаѧ животнаѧ вѣдѧ, всих скверннѧтсѧ; и прочаѧ: и паки сіи с8ть клюбва ваши скверннтели свами іад8ще без боѧзни себе пас8ще, и про: и паки, сіи с8ть ропотници, оукорителе чл порочна въ похоте свои ходѧще, нечестіи и законопреступленіемъ, и оуста ихъ глю прегордаѧ, чюдѧщесѧ лицем ползы ради. Выже возлюбленніи, поминайте глы прежде реченныѧ ѿ аплъ Гда нш̃го Іс Хрта; зане глах8 вамъ, іако въпослѣднее времѧ б8д8ть р8гателе, по своихъ похотехъ ходѧще и нечестіихъ, сіи с8ть ѿтдѣлѧюще себе ѿ единости вѣры, и с8ть телесни дха неим8ще. Видиши ли мрость еретическ8ю, іако плоть и кровъ с8ть, дха не имѣютъ. плотже и кровъ по апла Павла глю, црствія Бжіѧ не наслѣдѧтъ. Сего ради Іюдино и Петрово квамъ глю. Выже возлюбленніи, православніи хртіане роде избранный, іазык8 стый, црское сщеніе, людіе обновленіѧ. стою вашею вѣрою, назидающе себе дхомъ стымъ, и млѧщесѧ сами себе к любви Бжіи соблюдайте. жд8ще млости Гда нш̃его Іиса Хрта въ жизнь вѣчн8ю, еѧже всѣмъ намъ пол8чити, ѡ самомъ томъ Іисѣ Хртѣ Гдѣ нашѣ. емѹже оцю слава чсть и держава и въвѣки вѣкѡ амин.

---

2. Загадка философомъ латинскимъ ляцкимъ, также и ксендзы погнавшимся, ѿ лакомства прелестнаго, младенцемъ бѣлобрадымы, Рускій, Глава. и.

Скажѣте ми ѡ премудріи ѿ вашихъ хитростей и хꙋдожествъ граматычныхъ, діалектичныхъ, ыторичныхъ, и философскихъ, ꙗкій способъ Христосъ простакомъ емꙋ послѣдꙋющимъ ѿверзе оумъ разꙋмѣти писаніе; а то такъ было; Лꙋка мовить; по въскресеніи, ꙗдши сними рече имъ, сіи сꙋть словеса ꙗже глаголахъ вамъ, еще сый свами, ꙗко подобаетъ скончатися всѣмъ написанымъ взаконѣ Моѵсеѡвѣ и пророцѣхъ, и ѱалмѣхъ ѡ мнѣ. Тогда ѿтверзе имъ оумъ разꙋмѣти писанія. и рече имъ, ꙗко тако писано естъ; и прочая; почерпѣтеже ѿ своея премудрости философское, и ѿкрыйте ми тые врата, которіе доразꙋма дꙋховнаго ѿверзаютъся. и каковы тые врата и ккоторомъ мѣстꙋ главномъ замкнены сꙋть, достаточне скажѣте, и како ся ѡтворяютъ, ключъ ми ѡзнаймѣте. Если тое малое скажете ми извѣстно: бꙋдꙋ разꙋмѣти ꙗко ползꙋетъ вас тая бредня зачимся гоните. А если незгаднете тое простое и безхитрое загадки, и не ѿ вымыслꙋ практичного; но ѿистны, ꙗко сама всобѣ естъ глаголемое, тогда ѡставивши философы латинскіе, к тебѣ, брате мои Рꙋсине, съ словомъ ся ѡборочаю и радꙋ здоровꙋю, и пожиточнꙋю (за спасеніе дꙋшевное) даю: ѡстанте бѣгати въ слѣдъ латины и оученія ихъ: бо оутолившися трꙋдомъ прелести невѣріемъ, ꙗкоже и ѡни запевне поздыхаете, але лѣпше дома въ благочестіи, если и немного знаючи седѣти. да съ ѡтцемъ и сыномъ и стымъ дꙋхомъ нераздѣлни, и нынѣ, и тамо бꙋдете. аминь.

---

3. Слѣдъ к постыженію и изꙋченію хꙋдожества приводящаго к царствꙋющей безсмертной и вѣчной правдѣ, глава д.

Первое, ѡбнищати по Христѣ. Второе, ѿрещися себе и дꙋшꙋ свою кжизни сей возненавидѣти. Третее, ꙗремъ Креста Христова, искꙋ-

совъ борбы, подвиговъ во мысли и плоти къ дѹхомъ, лѹкавы по нѣнымъ во терпеніи взямши преплити и тѣснотою албы и жажды совнимані непресѣкомое млтвы Іисовы тисѧѹтисѧ и плоть и кровь поть и подвигомъ мысльнаго вниманіѧ во бдѣніи нощномъ и дневномъ трезвѣніи и присѣдѣніи мѣстно и безмолвно оувѧлити и изсѹшити. Четвертое, любовъ и памѧть мира сегѡ оуморити, къ бѹдѹщемѹже вѣкѹ ѡко мысльное неоуклонно оустремити, црѧ нбнаго оусердно желати, каѧтисѧ, плакати, памѧть смертнѹю всѣгды вклѣти сердечной видѣти и безпрестанно поминати и навсѧкъ час чертѹ и днь ѿходѹ надѣятисѧ и готовити. Пѧтое, ѿ всеѧ силы, крѣпости, мысли, дша и срца волю Бжію погнати, своюже оубити и запамѧтані погребсти; заповѣди Хртовы ѿ всегѡ оусердіѧ и любве хранити и хранѧщи всегда вопрснѧѧ оуспѣвати, сотворенное же забывати, ꙗко ничтоже соторн. Шестое, безчестіѧ и смерти крто вомѣнѧти: но оное въ мирѣ семъ желати и искати: аще оубо кой ты слѣдом ко исканію безсмертное правды пойдетъ, изоучитъ и ѡбрѧщет прекраснѣйшѹю и свѣтозарнѣйшѹю правдѹ и оузрит вней преждe общаго воскрсніѧ воскрсніе и всѧ таинства, ихже ꙗзыкъ по Павлѹ изгласити неможет, и недовлѣетъ, и не постигнетъ. Аще же инако начеже внѣшним оученіем правды таинство постигнѹти и навыкнѹти хощетъ и оусилѹетсѧ, во антихристовѹ прелесть и гордость, идеже и латинскій род заблѹдилъ, или вопрочаѧ ереси тож майсторѣ и хѹдожества кнѧзѧ мистра діавола сына геенскаго, блазнителѧ вѣка сего въпадет; ѿ негоже да вас сохрани Хс блгословенною простотою аминь. Си бо стый аще и внѣшнее оученіе изоучиша, но ничтоже ѡ истиннѣ ѿ философского киченіѧ навыкнѹти возмогоша дондеже сіе ѡбезчестиша, и тѣснаго пѹти слѣдомъ разѹма Хрстова поидоша, его же ѡбрѣтше тогда истинно навыкоша, смиреніе достигоша, и наставници слѣпымъ и невѣдѹщим Бга и пѹти спасеніѧ быша, нинѣже в латинском родѣ сопротивно творѧт изоучивши граммотичку и празнословницу велерѣчнѹю, еже ест рыторичку, тогда оуже сѧ дмѹтъ, даскалами и мѫдрыми сѧ зовѹ, проповѣдаютъ, оучатъ

а и сами ѿбезꙋміи и бꙋйствѣ премꙋ҃дрости мира сего сѣдѧтъ, по Павлꙋ, премꙋдрост бо мира сегѡ бꙋйство е҃ пр҃е Бг҃омъ. Зач҃и бѣдници простоты смиренія, и безлобія николи же навыкнꙋти не могꙋтъ.

---

4. Новина или вѣ҃ст о обрѣтеніи тѣла оубитаго Варлаама Архіеп҃кпа ѡхр҃искаго во градѣ велицѣ за истиннꙋ пострадавшаго и в рѣкꙋ завомꙋю Вардаръ ѿверженнаго, како обрѣтенъ быст, и послѣди до ѡхрида тре бл҃женное оно тѣло пренесеся, и нн҃ѣ во м҃ртвыхъ, паче же ѿживы сꙋщемꙋ чюдо твори и Воскр҃нія Таинство и надеждꙋ бꙋдꙋщаго вѣка проповѣдае, мира же и миродержца діавола ѡбличае и ѿ конецъ посрамлѧетъ.

По оубіеніи оубо и ѿверженіи в рѣкꙋ Вардаръ бл҃женнаго онаго ѿц҃а, вто времѧ гоненія ради и навѣтꙋ и на прочія христіаны, никтоже несмѣѧше слѣдити оное тѣло ıако да извлече е҃ но пребы҃с оубо нѣкꙋю с҃емицꙋ ѿводѣ, дондеже мало нѣчто плищъ сей оутишися и оулѧже ѿ діаволовъ ѕвѣренны гнѣвно-ıаростны ср҃цъ тꙋрскихъ, таже пооутишеніи с҃и, ѿнѣкоей веси близꙋ двохъ дній хода ѿ града Велиса, быст мꙋжъ добръ житіемъ. странно пріемникъ, мл҃тынидавецъ, и нищелюбецъ хꙋдожество҃м рыболовъ, Емꙋже гла҃с быст въ снѣ нощію, пойди гл҃ѧ на тꙋю и тꙋю странꙋ рыбы ловити, бꙋдеши бо имѣти добръ ловъ. ѻнже воставъ ѿ сна оудивися ıавленію и абіе оустремися наловленіе рыбъ ѿ реченнꙋю ѡнꙋю странꙋ, идеже емꙋ оузнаменано быст. Таже приближаѧся мѣстꙋ томꙋ набрезѣ рѣки бѣ древо стоѧщее нанемже видѣ птищъ бѣлъ неподви҃жно сѣдѧщъ въ ѡбразъ орла; емꙋже доволно оудивися, рассꙋждаѧ что се ест, ıако николиже бѣ видѣлъ такова видѣніемъ и образомъ. таже повнегда дойти намѣсто то, и близꙋ птища оного, възрѣлъ ѿкрай рѣки оное, и видѣ тѣло бл҃женнаго наверхъ

воды изнесенное, на единомъ мѣстѹ неподвижно стоѧщее. Птищъ же оный ꙗкоже стражъ нѣкій вънѣри зракъ просто блюды оное тѣло Архіеп̃кпово по ѹꙗвленіи и по гл̃сѣ томъ оубійства и ѿверженіѧ ѿрѣкѹ. Тогда оубо извлач̃и сіе, и вноситъ в село то тайно, и при ц̃ркви поставлѧ̃є дондеже погребсти сего бѣ оумыслка, птичницъ же отъ вънесеніи оного тѣла ѿсл̃ѣ оного послѣдоваше, и горѣ н̃анимъ летѧше, дондеже тѣло поставлено бѧше, тогда и онъ нац̃ркви сѣдъ тѣло блюдѧше. ꙗвижесѧ емѹ въ снѣ Варлаамъ гл̃ѧ, ѿнѹтръ ц̃ркве олтарѧ погреби мѧ: ибо азъ ѿц̃ркви пострадах̃ и оумрѣхъ, таже бл̃олюбецъ свойственн̃ы и съгласнымъ извѣсти сѹсѣдомъ, и созва с̃и на погребеніе ѡного тѣла. Егдаже снійдошасѧ оніи мѹжіе и с̃щенникъ, тогда творѧхѹ обычнаѧ послѣдованіѧ погребѹ належащаѧ. таже по совершенію правила, ѿнегда времѧ присп̃ѣ въ гробъ влагати оное тѣло, тогда начаша мнози прикасатисѧ, ꙗко да подвигнѹтъ и въ гробъ внесѹть ест, иѧже нимало порѹшитисѧ не даде. сіе первое чюдо, таже оудивишасѧ вси бывшемѹ, и недооумѣвахѹсѧ, что быст вина семѹ неподвиженію. послѣдиже смыслиша гл̃юще, еда како нѣсмы достоини прикасатисѧ, того ради намъ и воз̃бранисѧ напогребеніе. тогда оубѡ начаша искѹшати по единомѹ комѹ сѧ даде понести оное тѣло, и комѹ сѧ не даде. въ искѹшеніи же т̃о едва ѡбрѣтесѧ тройца мѹжей бл̃гоговѣйн̃ы, и ѿжитіи добромъ ѿ вс̃ѣ живѹщ̃и свѣдителствованніи, симъ оубо въ гробъ ѿнести невозбранѧетъ его же погребоша ч̃тсно. попогребенію же ѡномъ, птищъ сѣдѧщіи нац̃ркви, и блюдый оное тѣло ѿлетѣ и ктому невид̃и быст, т̃а егда совершисѧ гѡд въ гробѣ ономѹ тѣлѹ быст ꙗвленіе агг̃лско ѿнѣкоемѹ еп̃кпѹ бл̃гоч̃твѹ, сиротолюбцю, и въ всемъ свѣдит̃ествован̃ѹ ѿ совѣсти и житіѧ, ꙗко ест заповѣдемъ хр̃товы хранитель. ѿнемѹже воз̃гласи гл̃ѧ, изнеси сокровище сокровенное тамо, ꙗко да сѧ славитъ Бг̃ъ, ѿсемѹже быст и Варлаамово ꙗвленіе съ негодованіє гл̃ѧ; доколѣ мѧ ѿзатворѣ темница сеѧ держите, ꙗко да не подамъ помощъ б̃ѣствѹющ̃и и страждѹщ̃и ѿ различн̃ы недѹгъ и искѹшеній бѣсовск̃и. дапознают̃ его же воз̃мнѣша ѡбез̃честити; ѡбезчестѧ̃тсѧ и вѣчне порѹгаю̃тсѧ. Егоже возмнѣша оубити, се н̃нѣ живъ есмъ, и сихъ оубити начинаю и погѹблю и

иствари б҃жіе. дане гнѣздищ҃а діаволское племѧ ижден̾ꙋ, и сосꙋды жилища Б҃жіѧ ѡчищꙋ, и посвѧщ҃ꙋ, и Б҃га въ м҃ти быти сотворю. изнесѣте оубо мѧ на ꙗвленію всемꙋ мирꙋ, ѡ е҃пкпе, т҃ж воставъ е҃пкпъ съ оужасо҃ ѿсна и раз̾сꙋди ꙗвленіе бывшее. тогда оубо абіе оустремисѧ до града ѡхр҃ѝскаго, и созыва҃ православны҃, извѣствꙋѧ имъ слꙋ҄чшамсѧ. ониже се слышавше ревностію огнѧ любовнаго разжегошасѧ, и м҃лиша е҃пкпа, ꙗко да бе҃закоснѣніѧ пойдꙋтъ кꙋ҆пно съ нимъ, и донесꙋть ч҃тено мощи бл҃женнаго ѿ оное веси до града ѡхр҃ѝскаго. Е҃пкпъ же совѣтꙋ и м҃ленію ихъ тощно послѣдова. обаче дане завистъ бѣсовскаѧ препнетъ ихъ начинаніе, молвꙋ творѧ ѐбезбожны҃ тꙋрцехъ, и дане возбранит҃сѧ имъ желаемое полꙋчити. оухитриша совѣтъ гласны сотворити, ꙗко же древле Іосифъ съ Никодим҃о, оумол҃ише пилата даповел҃ имъ, ꙗко проста странника неимꙋща ниѿкꙋдꙋ промышленіе, се ест Х҃ра погре҆сти, ѐпокрывше же егѡ славꙋ. вѣдѧще оубо ꙗко Творецъ и строитель всегѡ мира есть. Но того ради ѐпокрываютъ, ꙗко да скоро полꙋчатъ (бе҃зпотрѧсеніѧ совѣсти и страха нѣкоего при вш҃ѐшаго ѐ Пилата на разсꙋжденіе) Х҃ртово Тѣло погре҆сти. аще бо бы ѿ славы прошеніе начинали, небы оубо на погребеніе Тѣло Іи҃сово пріѧли, тѣ҆мже ѿ безчестіѧ начинаютъ, сегѡ ради скоро полꙋчаютъ г҃люще ѐ пилату, ѡ сꙋдіѧ, дай намъ того б҃ѣника и сирамаха оубитого, неимꙋща где главꙋ преклонити да его погребемъ. О҆н же повелѣ и произволи. Сице оубо и ѡхридѧне ѿш҃ѐши до кадіи и во прочіихъ строителей тꙋрск҃и мѣста ѡхр҃ѝского, ѐпокрывше оубо ꙗввеніе ѡ Варлаамѣ и чюдо ꙗже сотвори и творити хощетъ. ѿтꙋдꙋ прошеніе начинаютъ г҃люще, ѡ кадіа, и вы панове начални града сего, слышасте оубо ꙗко без вины и грѣха оубіенъ ѐ҃ оубогіи е҃пкпъ нашего града ѿ оубіецъ въ градѣ Велисѣ живꙋщихъ, и погребенъ быст тамо и тамо бе҃зчестно: н҃нѣ же мы воспомѧнꙋх҃о ꙗко се сирамахъ бѣ ѿ нашего града рожденіемъ. Здѣже и е҃пкпомъ быти сподобисѧ, м҃лимо ва҃с повелѣте оубо намъ да донесемъ своего мертвеца на его ѿчество, ва҆м же и мзда бꙋдетъ ѿ на҃с, что въсхощете, точію да н҃а искомое дарꙋете. Они же слышавше мздꙋ болшей ради ѡное неже ради прошеніѧ, ѿ ни҆х же достойное оузѧвши произволиша да донесꙋть

блаженнаго Варлаама въ градъ охриский. тогда оубо взявши власт, и произволеніе ѿ властей града охриского православніи хртіане ѿидоша купно съ ѣмъ епкпомъ ваωного тѣло и дошедше сотвориша прежде послѣдованіе мтвы поωбычаю законному. таже изнесоша оные мощи ѿ гроба и поставиша ихъ наоутворенном одрѣ, но ω чюдеси, егда оубо бѣ ωбзираемо оное тѣло попосѣченых язвах сихъ и оубо язвы бяху исцѣлены и позарасли, яко ничтоже познаватися сѣченію и клатію и пробіенію, точію малые нѣкіе знаменія, идеже пробіенъ и посѣченъ быст являхуся; ѿ язвъ же сихъ, ω чюдна дѣла твоя Гди, и не едино слово доволно къ похваленію чюдесъ твоихъ, миро блгооуханное истече; и всѣхъ блгооуханія и радости исполни, яко недооумѣти всѣмъ, коими оусты и славословлении прославити Бга, прославившагω стго своего, начнутъ и блгодареніемъ блгтъ и даръ сицевъ даровавшаго имъ блженнаго и освященнаго Варлаама възмздия. но оубо елико вмѣстиша, толико Бгу должная славословія сотвориша. Тогда оубо приходятъ болящіи и различными недуги и страстми одержимые въ имя стго прикосновеніем и помазаніемъ мура, абіе здравіе обрѣтаю и ѿ недугъ и страстей свобождаются, и якоже нѣкоимъ ратникомъ ѿ насилія и плѣненія діаволскаго прикосновеніем телеси блженнаго ѿ сихъ бѣдъ и страданіи ѿемлются и въ свободу здравія ѿсилаю: и исцѣленіе кождо своему недугу пріемлютъ. И бѣ видѣти источникъ здраво творещый ѿ мертвыхъ и нагих костей исходящъ и животворящъ страждущая, и оутѣшеніе, и здравіе дарующъ, и кто оубо не оудивися и не прославит Бга дивнаго въ стых своих, иже толику силу даде оугодником своимъ, яко и по смерти паче неже въ здравіи жизни сея власть имутъ чюдо творити, бѣсы изганяти, недуги врачевати, болящая исцѣляти. ѿ бѣдъ и приключшихся напастій избавляти. Слава вλкω твоей неизреченнѣй премдрости и силѣ. Слава таинству смерти и Распятію Твоему, слава Крту и безчестію Твоему. Слава въскрнію и славѣ твоей, яко Кртом и смртію поносною нас прославляеши; и ѿ лукаваго вѣка сегω въ црство нбсное пренносиши да будеть слава нинѣ и прсно и въвѣки вѣковъ аминь. Таже торжествовавше дховно они, хртоносніи людіе ω Варлаамѣ, взяша

его въ гра̑ ѡхри̑скій и положиша въ ц҃ркви ѡхри̑ское архіеп҇кіи, идеже бе͛престанно точитъ цѣлбы и бл҃го̑ть даръетъ ищѹщимъ бл҃го̑ти. лици оубо искѹсомъ реченное видѣти хощете, до града ѡхри̑ского странствѹйте, тогда оувѣришасѧ и извѣстиши, ıако не басни сѹть, но еже гл҃ю. Елици же странничества непроизволѧете, и мѣсто ѿтчествъ свои присѣдите, дѣломъ вѣрѹ покажѣте и добродѣтели, и житію, и п҇двигѹ, и вѣнцѹ Варлаамовѹ поревнѹйте, да и вы сію бл҃го̑ть съвышше полѹчите. Еже вамъ пожелати Г҃ди даждъ, аминь.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXIX, 1890 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

стр.

I. Первобытный человѣкъ на берегахъ р. Днѣпра вблизи г. Кіева **Н. Ѳ. Бѣляшевскаго** . . . . 1—21

II. Очеркъ коліевщины по неизданнымъ и изданнымъ документамъ 1768 и ближайшихъ гг. **Я. Н. Шульгина**. . . . . 22—52, 263—306, 409—426

III. Сынъ гетмана. Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго. **О. И. Роговой**. . . . . 53—83, 227—254, 409—426

IV. Культурныя переживанія. Профессора **Н. Ѳ. Сумцова**. . . . . 84—100, 327—341, 478—493

V. Сожженіе упырей въ с. Нагуевичахъ въ 1831 г. **Мирона**. 101—120

VI. Отголосокъ лирницкаго языка. **Ѳ. Д. Николайчика**. 121—130

VII. Описаніе атласа XVIII ст., подареннаго черниговской гимназіи кн. Н. П. Голицынымъ. . . . . 131—147

VIII. Посольство Шакловитаго къ Мазепѣ въ 1688 г. **А. А. Востокова**. 199—226

IX. Къ вопросу о выработкѣ критерія для классификаціи кургановъ по типамъ **В. З. Завитневича** . . . . . . 255—262

X. Милліонеръ. Карт. изъ гал. жизни **Мирона** 307—326, 427—451

XI. Отъ Случи до Буга. Путевыя замѣтки Эд. Хлопицкаго (Съ польскаго). **Н. М**. . . . . 342—362

стр.

XII. Бѣдствія евреевъ въ южной Руси XVII в. (По поводу книги Гретца: Исторія евреевъ отъ эпохи Голландскаго Іерусалима до паденія франкистовъ). **А. Я. Ефименко** . . . . 399—408

XIII. Литературная дѣятельность Іоанна Вишенскаго **И. П. Житецкаго**. . . . . 494—532

XIV. Документы, извѣстія и замѣтки. Изъ бумагъ сенатора М. П. Миклашевскаго. Бѣгуны отъ науки. **Г.** Замѣтка къ статьѣ «Малорусскіе домашніе лѣчебники 18 в. **А. І. Степовича**. Два документа для исторіи семейства Разумовскихъ. **А. Л.** Къ «повѣрьямъ о томъ, что ужъ любитъ молоко и сосетъ коровъ». **Ив. М—ры**. Свидѣтельство полтавскаго полковаго суда, выданное въ 1683 г. запорожцу, у котораго въ пьяной ссорѣ откушено было ухо, на возстановленіе «чести и доброй славы». Универсалъ гетмана Разумовскаго относительно порядка избранія сотниковъ. Сообщилъ **И. В. Теличенко**. Два письма А. И. Чепы, собирателя к. XVIII в., письменныхъ памятниковъ по исторіи Малороссіи. **А. Л.** Политическая сатира XVIII в. **И. К—а**. Рѣчь произнесенная малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ княземъ Н. Г. Рѣпнинымъ при открытіи дворянскихъ выборовъ въ Черниговѣ, 25 сентября 1823 года. Пасхальныя вирши въ спискѣ XVIII ст. Сообщилъ **О. Л.** Евреи-козаки въ нач. XVII в. Къ вопросу о южно-русской колонизаціи. **В. Н. Сторожева**. По поводу библіографической замѣтки г. С. А.—ва о соч. Фр. Ленормана: «Руководство къ древней исторіи востока». **И. Каманина**. Къ исторіи польскаго театра въ Кіевѣ. **П. Т.** Къ исторіи нѣжинскихъ грековъ. **Н. В. Стороженка**. Къ исторіи колонизаціи лѣвобережной Украины. **В. Н. Сторожева**. Древность малороссійскаго табаководства. Подольское епархіальное церковное древнехранилище. Г. Ѳ. Карповъ (некрологъ). . 148—166, 363—383. 533—553

XV. Полковникъ прилуцкій Иванъ и бунчуковый то-

СТР.

варищъ Григорій Стороженки. (Къ портретамъ). **Н. В. Стороженка** . . . . 167—173

XVI. Къ рисунку Шевченка. **В. П. Науменка**. . . . . . . 554—557

XVII. Библіографія А. Szarłowski. Stanisławów i powiat stanisławowski pod względem historicznym i geograficzno-statystycznym. **Н. М.** Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе императора Александра I. Историческое изслѣдованіе по архивнымъ документамъ П. О. Бобровскаго. **Арк. Л—нка**. В. Гошкевичъ. Замокъ князя Симеона Олельковича и лѣтописный городецъ подъ Кіевомъ **Н. В.** Д. И. Эварницкій. Публичныя лекціи по археологіи Россіи. **Арк. Л—нка**. A. de Gubernatis. Dictionaire international des écrivains du jour. Livraisons XI et XII. Gul-Zel. **Н. М.** Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ Всероссійской имперіи. Составилъ гр. Александръ Бобринскій. **М.** 1) Архивъ Юго-западной Россіи, т. VII ч., 1. Стороженко Н. В. Западно-русскіе провинціальные сеймики во второй половинѣ XVII вѣка. **Ив. Новицкаго.** Iózef Tretiak, Historya wojny Chocemskiej 1621 r. **Н. М.** Полное собраніе русскихъ лѣтописей. т. XVI. **П. Г.** Tadeusz Sternal, Oblężenie Kamеńca w powieści i historyi. Studym historyczno-literackie **Н. М.** И. Палимпсестовъ. Степи юга Россіи были ли искони вѣковъ степями и возможно ли облѣсить ихъ? Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы Сѣверо-Западнаго края. **Ив. Новицкаго.** С. А. Бершадскій, Шауль-Юдичъ Валь изъ Бреста-Литовскаго, преемникъ Стефана Баторія. **И. Каманина.** Игры крестьянскихъ дѣтей въ купянскомъ уѣздѣ. Собралъ П. Ивановъ. Съ предисловіемъ проф. Н. Ѳ. Сумцова. **И. Каманина.** Историческій очеркъ пятидесятилѣтія Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. **П. Г.** Е. Сѣцинскій. Бакота, древняя столица Понизья. **Н. М.** Обозрѣніе журналовъ Книги, вышедшія въ концѣ 1889 и въ началѣ 1890 г., касающіяся ю. Россіи. . . . . 174—198, 384—397, 558—584

Приложенія: 1) Лѣтописныя замѣтки о событіяхъ въ Новороссіи (окончаніе).

2) Черниговская лѣтопись по новому списку, съ предисловіемъ А. М. Лазаревскаго.

3) Портретъ прилуцкаго полковника Ивана Стороженка.

4) Портретъ бунчуковаго товарища Григорія Стороженка.

5) Видъ села Андрюши.

6) Неизданныя сочиненія Іоанна Вишенскаго.

И. Зозули, Н. Ѳ. Добротворскаго, Н. В. Шугурова, М. А. Комарова, Ю. Тиховскаго, И. Ж., Ѳ. Каминскаго, проф. И. Г. Карпинскаго, М. К. Васильева, А. Лобко, Н. Б., Ан. Залѣсскаго, И. А. Л—ко, П. В. Дворжецкаго-Богдановича, Л. П., Л***, П. Китицына, В. Б., В. Гаврыша Ю. Д. Талько-Грпнцевича, Кравченка, П. Г., L, А. А. Востокова, Ив. Н., Архим. Леонида, Н. В. Молчановскаго, П. Левицкаго, Ал. Маркевича

Для справокъ. Столбцы, прин. гр. М. Толстому. Сообщ. проф. **А. И. Маркевичъ.**

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщены рецензіи: И. М. Каманина, А. Л., В. А., Н. Л., Н. Г., Амартола, А. І. Степовича, О. Л., П. В. Голубовскаго, Н. Т., Н. Б., Г. З., А. М., А. Р., П. Л., проф. Ѳ. Г. Мищенка, проф. Н. И. Петрова, Н. В. Шугурова, Ц. Г. Неймана, И. Л—ка, В. П. Науменка, Ив. П. Новицкаго, Ѳ. Н., Проф. Н. Ѳ. Сумцова, Арк. Лященка, Н. М.

Приложенія: Наказы малорос. депут. 1767 г.—Предисловіе В. Тяпинскаго къ печати. Евангелію 1570 г. Проф. **П. В. Владимірова.**—Южно-русское житіе св. Владиміра XVI в. съ пред. проф. **П. В. Владимірова.**—Рисунокъ Березенской Вознесенской церкви.—Портретъ Ѳ. Г. Лебединцева.—Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ пред. **А. М. Лазаревскаго.**—Мемуары, касающіеся исторіи ю. Россіи, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.**—Портретъ М. С. Щепкина въ роли Чупруна. Портретъ А. С. Лашкевича.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ" печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы не записанныя думы сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

Подписка на „Кіевскую Старину" въ 1890 г. продолжается.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за 6 книгъ **5 руб.**

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина", Театральная ул. д. № 4.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины" за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 по 8 р. 50 к. за 12 книжекъ, съ пересылкою 10 р. При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882--87 г. по 1 р.

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено Цензур. Кіевъ, 13-го Апрѣля 1890 г.